

Джеймс Твайман

Джеймс Твайман – Тайна любимого ученика. Весть посланников света

Картина Жаклин Рипстейн «Наша Госпожа Вселенной» (1997).

Этот образ Девы Марии сыграл важнейшую роль в событиях, описываемых в «Тайне любимого ученика».

Сайт художницы: [Город Творцов](#).

The Secret of the Beloved Disciple

A community founded by the Apostle John has lived in seclusion for two thousand years.

The time has finally come for their amazing secret to be revealed.

By James F. Twyman

Author of the best-selling *Emissary of Light*

Твайман Джеймс Ф.

Тайна любимого ученика: Весть Посланников Света / Перев. с англ. М.: ООО Издательский дом «София», 2006. — 208 с.

ISBN 5-9550-0875-6

Апостол Петр основал Церковь. Апостол Иоанн — тайную общину. Какую роль играют эти две ветви одной религии в нынешний переломный период истории человечества? Какую роль можете сыграть Вы? Многие в «Тайне любимого ученика» покажутся вам невероятным, если вы будете читать только умом. Читайте сердцем — и эта книга будет разговаривать непосредственно с вашей душой. И тогда вы начнете понимать некоторые извечные тайны нашей общей истории и вашей личной судьбы на этой планете.

УДК 130.123.4 **ББК** 86.391

Copyright © James Twyman, 2000

First published by Findhorn Press, Scotland, 2000

Введение

Говорят, что мы живем во времена пророчеств и чудес. Многие древнейшие цивилизации, а также наши современные религиозные традиции указывали на нынешний период истории человечества как на эпоху великих духовных и общественных преобразований. Древние называли это «временем, когда времени больше не будет», ибо они предвидели, что настанет момент великого пробуждения, как если бы человечество заснуло мертвым сном и должно будет со

временем вновь открыть для себя нечто чудесное. К людям, идущим самыми разными духовными путями, внезапно возвращаются воспоминания, которые, как они полагали, начисто изгладились из их памяти. Тихий спокойный голос призывает их вспомнить некое обещание, которое они дали давным-давно. Голос становится все громче и громче, и наконец люди начинают прислушиваться к нему... и менять свою жизнь.

В 1993 году в Джейнвилле (штат Висконсин, США) родилась самка бизона, которую назвали Чудом. Хозяева не могли прийти в себя от изумления, так как она родилась с белой как снег шерстью. Но никто из них не знал, какую важную роль ей предстоит сыграть. В тот же самый день в сотнях миль от этого места, в Южной Дакоте, мужчине-индейцу, имя которого можно приблизительно перевести как «Ищущий Бизона», приснился удивительный сон. Он увидел белую самку бизона и ферму, на которой она родилась. Проснувшись, он понял, что стал свидетелем исполнения самого священного пророчества его племени.

Его племя верило в то, что однажды мир изменится и на смену мужскому обществу, управляемому духом соревнования и владычества, придет общество, в котором воцарятся женские качества сострадания и любви. Сотни лет они ждали знака, возвещающего рождение Нового Мира. Этим знаком было рождение белой самки бизона. Подрастая, она должна была четырежды сменить окрас, что соответствует четырем расам, живущим на планете Земля. Но важнее всего то, что отец этой телки должен был умереть через три дня после ее рождения, возвещая смерть Патриархата. Это древнее пророчество все никак не исполнялось, и когда молодой индеец со своей семьей уехал из Южной Дакоты на поиски фермы, увиденной им во сне, он не знал, что им было суждено найти.

Они нашли Чудо, когда той было всего три дня от роду. Семья, владевшая фермой, понятия не имела о том, что эта телка является героиней древней легенды. Они думали, что это просто животное-альбинос, и ничего больше. Когда Ищущий Бизона захотел увидеть отца Чуда, ему объяснили, что тот умер до его приезда. На данный момент Чудо четырежды сменила окрас, и сейчас ее шерсть красного

цвета. Индейцы верят, что, когда к ней вернется первоначальный окрас, пророчество исполнится. Близится смена эпох.

Эти события, как и многие другие, показывают, что мы присутствуем при рождении Нового Мира. Однако, подобно женщине, рождающей в муках, мы должны преодолеть множество трудностей и препятствий. Обнадёживает то, что мы не одиноки на нашем пути: у нас есть могущественные помощники. Помимо легенд и пророчеств, подобных истории белого бизона, ходит множество других рассказов об ангелах-хранителях или духах-наставниках, помогающих нам преодолевать препятствия на пути и освобождающих нас от цепей, сковывающих наши движения. Многие говорят о своих встречах с самыми обычными на первый взгляд людьми, которые оказываются вовсе не теми, кем кажутся.

Может быть, мы подошли к поворотной точке в истории человечества, к своего рода квантовому скачку, и эти помощники стали теперь более явными, чем когда-либо?

За последние несколько лет появились десятки книг, в которых из первых уст рассказывается о встречах с ангелами и Небесными существами. В некоторых случаях люди, вступавшие в подобное общение, переходили ту тонкую невидимую грань, которая отделяет наш мир от мира иного, и лицом к лицу встречались со сверхъестественными существами, помогавшими им избавиться от цепей страха, которые всю жизнь опутывали их. Таких историй становится все больше, как будто раскрылись небесные врата и на нас начал изливаться лучезарный свет высших сфер. Практически любая религия признает существование ангелов. Они помогают людям, выводят их из тьмы, царствующей над этим миром. Их активизация есть знак наступления новых времен и напоминание о том, что мы переживаем один из самых волнующих периодов за всю историю человечества.

Однако ходит и множество рассказов о встречах с существом, стоящим выше самих ангелов. Это существо — Женщина, помогающая нам преодолеть множество препятствий, возникающих на нашем пути, пройти сквозь преграды, загораживающие от нас ту любовь, которую все мы так стремимся обрести. Великая Мать часто являлась людям в видениях, играя роль всеведущего проводника,

что направляет нас на путь истинный среди мрака и ужасов окутывающей нас беспросветной ночи. Сейчас ее указания нам нужнее, чем когда бы то ни было, так как мы внезапно вплотную подошли к исполнению наших счастливых грез или страшных кошмаров, в зависимости от нашего выбора. Ее задача — помочь нам сделать выбор, который воплотится в ту или иную осязаемую форму.

Практически каждая духовная традиция признает и почитает женскую, сострадательную сторону божества. Некоторые называют это существо Тарой, Гуань-Инь, Софией или Сара-свати, но за всеми этими именами стоит одна и та же Божественная Мать, которую христиане зовут Пречистой Девой, Богородицей или просто Святой Марией, матерью Иисуса. На протяжении всей нашей истории сотни и даже тысячи человек рассказывали о встречах с этой удивительной сострадательной благодетельницей, хотя их рассказы всегда подвергались цензуре со стороны господствовавших религиозных культур. Но во всех достоверных случаях явлений Девы Марии она несла одно и то же послание, настоятельный призыв к людям оторваться от собственного «я» и обратиться к Богу и друг к другу.

Я расскажу правдивую историю, которая, по моему мнению, подтверждает смену ритмов, происходящую в наше время. Последние четыре года я испытал нечто такое, что ранее считал невозможным и неправдоподобным. Все эти события и вызванные ими переживания привели меня к решению написать эту книгу, чтобы донести до людей то, что я считаю самым важным призывом нашей эпохи. Это история о том, как три человека откликнулись на внутренний зов, зов Матери, и как этот зов свел их вместе и вдохновил на поиски воплощения высшего идеала, на поиски мира и добра. Ими двигало страстное желание стать *орудиями мира*. Один из этих людей — я, другой — отец Джон, священник из Лос-Анджелеса, а третья — Жаклин Рипстейн, талантливая и знаменитая художница из Мексики.

Теперь, оглядываясь на пройденный путь, легко увидеть, как что-то вело нас различными дорогами, чтобы наконец свести вместе, подобно трем большим рекам, много-много миль текущим по бескрайним просторам, прежде чем излить свои воды в океан. В этом, в сущности, и заключается смысл этой книги. Все мы блуждаем

по одиноким тропкам наших желаний и снов, но в конце концов осознаем, что мы едины и вместе движемся к Одному Богу. Это прозревали пророки древних культур, и это же происходит вокруг нас сейчас, в каждой культуре и каждой религии.

Ведь мы не так уж сильно отличаемся друг от друга, и если мы сосредоточимся на том, что нас объединяет, а не на том, что разделяет, мы приблизимся к пониманию истинной действительности. Таково ее послание, послание женщины, помогающей нам преобразиться. Эту историю рассказывали по-разному, и все же суть ее всегда оставалась неизменной. Мы можем создать мир, о котором мечтаем, но лишь при условии, что готовы отказаться от разделяющих нас верований и представлений, погружающих нас в непроглядную тьму. Эта книга состоит из четырех частей.

В первой части рассказывается о моем собственном жизненном пути, о том, как мне открылись удивительные тайны Ордена Возлюбленного Ученика. Рассказ начинается с 1994 года, когда я последовал своему призванию и стал «трубадуром мира», странствуя по свету и исполняя молитвы двенадцати основных мировых религий о мире, которые я положил на музыку. Год спустя, давая концерты в бывшей Югославии, я был введен в древнюю общину мистиков, называвших себя «Посланниками Света». По их словам, для человечества настала пора принять новое видение мирного сосуществования, которое преобразит мир. Они утверждали, что в моей жизни и в жизни всего человечества должен появиться *некто*, чья миссия — помочь нам осуществить это преобразование.

Несколько последующих лет я путешествовал по миру, возвещая это послание и ожидая, когда появится этот «некто». Я встретил отца Джона, эклектического священника, посвятившего свою жизнь проповеди мира. Мы вместе поехали в Сербию, вооруженные лишь знаменем, на котором было написано: «Да воцарится мир на земле». С нами стали происходить необъяснимые события, достигшие апогея в ноябре 1998 года, когда я увидел картину, навсегда изменившую мою жизнь.

Вторая часть этой книги представляет собой историю художницы Жаклин Рипстейн, перенесшей энергию и послание Нашей Госпожи

на простой холст. Она удивлялась, почему именно ей церковь поручила нарисовать картину «Наша Госпожа Вселенной». Она хотела увидеть знак, божественное знамение, которое открыло бы ей божью волю. Ей было явлено много таких знамений, которые побудили ее испытать свой талант на этом сложнейшем поприще. Когда картина была впервые выставлена на всеобщее обозрение, люди были поражены ее преображающей силой. Священники падали перед ней на колени и молились, не в силах подняться. Люди начинали плакать и не могли остановиться, другие говорили, что чувствовали «пульс Нашей Госпожи», когда прикасались к нарисованному запястью. Было ясно, что это не обычная картина; сама Жаклин прошла через множество испытаний, прежде чем согласилась взять на себя роль «орудия мира».

В третьей части повествуется о том, как эти три реки наконец встретились друг с другом. Меня попросили написать песню, посвященную картине Жаклин. Никто не знал, что мое согласие станет последним звеном, необходимым Матери для исполнения Ее замысла. Когда я размышлял о картине во время перелета из Денвера в Сан-Франциско, этот замысел открылся мне во всей полноте. Мать намеревалась использовать живопись и музыку, чтобы установить прямое сообщение между человечеством и священной женственной стороной Бога [Город Творцов*](#). Три удивительных телефонных звонка подтвердили реальность этого «видения», и через два дня я дал концерт, который изменил для меня весь окружающий мир.

Наконец, четвертая часть была написана уже после того, как я решил, что книга закончена. То же самое случилось, когда я писал «Посланников Света». Не успел я подумать, что мой труд наконец завершен, что пыль улеглась и я сказал все, что хотел, сообщив миру важную весть, как произошло нечто и мне вновь пришлось отправиться в путь. На сей раз я оказался на границе Косово и Македонии в то самое время, когда сотни тысяч беженцев пытались спастись от кошмаров межэтнического военного конфликта. Во время этой поездки все нити сошлись в одной точке. Все выученные мной уроки, все открывшиеся мне видения исполнились в течение

одной поездки. Я понял, что Посланники правы — мы действительно готовы создать Новый Мир. Именно это я и пытался донести до читателя в этой книге.

Я поставил себе целью как можно точнее передать свои переживания и полученный мною опыт. Хотя я рассказываю о событиях, имевших место в действительности, некоторые имена и коллизии были изменены, чтобы сохранить инкогнито отдельных персонажей, а также оживить повествование. Все, что я написал в этой книге, — правда. Я прошу читателя заглянуть внутрь себя и спросить, верит ли он написанному. Я прошу немногого: всего лишь всем сердцем прочувствовать послание Нашей Госпожи, а не пытаться определить его ценность рассудком. Глас божий обращается к сердцу и воспринимается чувствами и лишь затем разумом. Таким образом, разум на две ступени отстоит от истины.

Я охотно признаю, что лежащая перед вами книга бессмысленна с материалистической точки зрения. Но это и чудесно, оо чудеса исходят из сфер, находящихся выше материального мира, и приближают нас к божественному. Поэтому ненадолго постарайтесь отбросить свои предрассудки и прочтите эту повесть с открытым сердцем. Пусть Мать явится вам в том обличье, которое она выберет сама. Тогда вы узнаете истину напрямую, не потому только, что я сказал, будто это правда, а потому, что она скрывается внутри вас самих.

Часть 1

Замкни треугольник», — раздался неведомый голос, идущий как будто изнутри моего сознания. Я слышал эти слова уже не в первый раз. Все началось в тот момент, когда я получил сообщение от отца Джона, священника из Лос-Анджелеса, вместе с которым я совершил поездку в Сербию два года назад. Когда я приехал в Англию, мне передали его письмо, состоявшее всего лишь из двух строк, показавшихся мне в то время лишенными всякого смысла. В письме говорилось: «Замкни треугольник. Иисус, Мария и святой Иоанн... Так ты узнаешь, что происходит... Доверяй знакам». Это было вполне в духе отца Джона, и тогда я не придавал этому особого значения. И все же, после того как я уехал из Гластонбери и отправился в знаменитую

шотландскую Файндхорнскую общину, я слышал эти слова еще от пяти человек.

* Ты знаешь что-нибудь об энергетических связях между Гластонбери, Файндхорном и Ионой [Город Творцов*](#)? — спросила меня Линда. Мы разговаривали в перерыве Файндхорнской мирной конференции «Призыв к действию», и я только что рассказал ей о моем путешествии в Гластонбери. Небольшая комнатка была до отказа заполнена людьми, пьющими чай и кофе, и мне показалось, что я ослышался. Она наклонилась вперед.

* Я спросила тебя, слышал ли ты что-нибудь о...

* Да-да, я понял, — сказал я. — Кажется, ты уже пятый человек, от которого я слышу про эту связь. А что ты сама об этом знаешь?

* Почти ничего, — ответила она, — только то, что через все эти три города проходят две важные лей-линии [Город Творцов**](#). Когда Файндхорнская община только начинала свое существование, некоторым из ее основателей было известно, что все эти три места незримо связаны между собой, образуя мощный *энергетический вихрь*. По их словам, здесь расположены мощные центры женской энергии.

* Я слышал, как кто-то сказал, что я должен «замкнуть треугольник», прежде чем поеду в Косово. Что ты об этом думаешь? Что, по-твоему, это значит? — закинул я удочку. Если бы она ответила не раздумывая, то я подумал бы, что все здесь выполняют одно задание, исходящее от неизвестного начальника. Если же у нее окажется собственное мнение... что ж, тогда все будет выглядеть совсем по-другому.

* Только ты можешь понять, что это значит, — ответила она. — Скажу лишь, что остров Иона — одно из самых мощных энергетических мест на планете. Как говорят геологи, там располагается древнейшая горная формация на Земле, ей два миллиарда лет или что-то вроде того. Это загадочное место. Тысячи лет, начиная с друидов, с этим островом были связаны культы Богини. Притом, что интересно, это одно из первых мест

в этой части Европы, где утвердилось христианство. Святой Колумба основал на острове знаменитое аббатство и всегда с уважением относился к энергетике и обычаям Ионы.

* Но какое отношение все это имеет к моей поездке в Косово" — спросил я. — Я еду туда, чтобы провести концерт мира и всемирное молитвенное бдение. Я просто не вижу никакой связи между Ионой и страданиями, которые испытывают эти люди.

— Повторяю, только ты знаешь, есть ли тут какая-то связь или нет. Если есть и ты захочешь это проверить, я с радостью отвезу тебя туда. Отсюда до этого места можно доехать за шесть часов, но сначала тебе нужно решить, стоит ли ехать.

Ехать, конечно, стоило, и я отлично это знал. Когда я впервые услышал о треугольнике «Гластонбери — Файндхорн — Иона», что-то во мне перевернулось. Затем я вспомнил письмо отца Джона. Это как-то связано с женской энергетикой, о которой говорила Линда, божественным пульсом Матери, который преследовал меня последние два года... А на самом деле — всю мою жизнь. Я спрашивал себя, не явится ли Она мне вновь? Моя жизнь изменилась с тех самых пор, как я осознал свою связь с Ней, и у меня было такое чувство, что поездка в Косово должна поставить точку в каком-то очень важном деле. Но в каком? Я знал, что должен поехать на Иону, хотя бы только для того, чтобы укрепить свое энергетическое поле перед предстоящей мне трудной поездкой. Косово пылало в пожаре междоусобной войны, и я собирался погрузиться в самую пучину этого безумия. Мне важна была любая поддержка, а Иона показалась мне тем местом, где я смогу обрести столь нужную мне помощь.

Через день мы уже петляли по узким тропинкам, которые носят в этой части Шотландии гордое название дорог. Я до сих пор удивляюсь тому, что мы благополучно добрались до места назначения, равно как и тому, как вообще кто-то способен закладывать такие виражи на узких дорогах, ведущих с одного острова на другой. По-видимому, Линде нравилась быстрая езда, она отлично водила машину. Меня беспокоили широкие туристические автобусы, занимавшие, казалось, всю ширину тропинок, по которым

мы ехали и на которых не смогла бы с удобством развернуться и корова. Обычно мы замечали автобусы на вершине холма, и они сразу заполняли собой все окружающее пространство. Каждый раз Линда устремлялась в объезд по каким-нибудь боковым дорогам, предназначенным, насколько я могу судить, именно для таких случаев.

Всю дорогу от знаменитого озера Лох-Несс до утесов западного побережья из окна машины открывались удивительные виды. Временами казалось, что мы попали на другую планету, но затем дорога выравнивалась и перед нами появлялся паром. Чтобы добраться до Ионы, нужно было три раза проехать на пароме, и последняя переправа запомнилась мне больше всего. Бурные воды открытого моря бились о борта, и я чувствовал холодное дыхание ветра, подгоняющего меня к чему-то неведомому. Что-то должно было произойти... приближалось нечто такое, что положит конец одному приключению и станет началом следующего. Или это один и тот же сюжет, разворачивающийся на протяжении нескольких глав одной книги? Мне казалось, что скоро я найду ответ. Я слышал зов острова, зов Госпожи.

Линда уже бывала на Ионе, как и почти все обитатели далекого Файндхорна. Этот остров как бы «принадлежал» им — не в земном, конечно, понимании, а в каком-то более сокровенном смысле. Можно сказать, что они пустили здесь корни и слились со здешней почвой и волнами, разбивающимися о прибрежные скалы со звонким звуком, напоминающим удары в литавры. Остров Иона славился своей святостью задолго до начала письменной истории, задолго до рождения христианства. Его загадочное прошлое служило любимым предметом размышлений многих историков. Здесь находились развалины монастырей и холмы друидов, свидетели языческих древних ритуалов. Сойдя с парома и в первый раз вдохнув здешний воздух, я почувствовал, как по всему моему телу пробежали мурашки. Остров приветствовал меня, благословляя меня и мои намерения благосклонно напутствуя меня на начало и завершение моего приключения. Не здесь ли мне доведется наконец найти дверь, которая распахнется для моего странствующего духа, Дверь Вечности, о которой говорили Посланники?

- * Вот я и замкнул треугольник, — сказал я Линде.
- * Теперь не сопротивляйся, дай острову поговорить с тобой, — сказала она, бросив на меня понимающий взгляд. — Это чудесное, таинственное место. Остров сам знает, что тебе нужно. Я оставлю тебя, чтобы ты сделал все необходимое. Пойдем в гостиницу, а потом иди своим путем.

Отель «Колумба» стоял в пяти минутах ходьбы от парома, и теперь я могу сказать, что его можно сравнить с чем-то вроде нервного центра всего острова. Линда провела меня в забронированные нами комнаты. Бросив на пол вещи, я тут же вышел на прогулку. Один молодой канадец сказал мне, что наиболее мощный источник энергии находится на противоположной стороне острова, в получасе ходьбы от гостиницы, близ скал, которые считаются самой древней горной формацией на нашей планете. Солнце уже садилось за горизонт, и оставалось совсем немного времени до наступления полной темноты. Я быстрым шагом двигался по узкой дорожке мимо развалин монастыря, а затем по тропинке, идущей на другую сторону острова.

Повсюду, куда ни бросишь взгляд, паслись стада овец, и благодаря им окружающий ландшафт приобрел вид прекрасно хоженного поля для гольфа. Небольшие холмы казались волами зеленого шелка, ускорявшими мой шаг, и еще задолго до того, как моему взору открылся океан, я уже слышал ритмичный стук прибоя об окутанные легендами серые скалы. Трава внезапно закончилась, и я уже шел по мелкому белому песку. Я направился к воде, а через несколько минут двинулся к скалам, нависавшим над волнами подобно призракам.

Я остановился и некоторое время разглядывал зубчатые края и неровные выступы утесов. «Откуда они знают, что это древнейшие скалы на Земле?» — подумал я... Древнейшие скалы, испокон веков нависавшие над водой? Что это добавляет к и без того богатой истории острова? Мне говорили еще, что многие виды камня и минералов на Ионе нельзя найти больше нигде в этой части Шотландии. Ни один остров не похож на Иону, и это еще одна его загадка. Откуда он взялся и куда он направит меня? Как он поможет мне подготовиться к поездке в Косово, открывающей новую главу в моей собственной долгой истории?

Я начал карабкаться вверх по скалам, стараясь выйти на сторону утеса, обращенную к морю. Когда я повернул за угол, на меня пахнуло морским туманом, а в лицо мне ударил резкий порыв ветра. Вкус соли на губах показался мне настолько сильным, что я был вынужден нагнуться и ухватиться за темную поверхность скалы, чтобы немного прийти в себя. Ветер свистел в ушах, и мне казалось, будто я слышу, как он зовет меня, но не по имени, а как представителя всего человеческого рода.

Затем я немного поднял голову и понял, что меня на самом деле кто-то зовет. Я увидел старуху, сидящую на выступе скалы надо мной и махавшую мне рукой, чтобы я подошел к ней. Движения ее иссохшей руки были медленны и размеренны, а улыбка беззубого рта притягивала как магнит. Я без труда взобрался выше и, не успев осознать, как это произошло, уже сидел в нескольких шагах слева от нее.

Это была совсем древняя старуха, вблизи она выглядела еще старше, чем казалась на расстоянии. Лицо ее избородили глубокие морщины, а одежда была почти такого же почтенного возраста, как и она сама. Она била рукой по громадному булыжнику на котором мы сидели. Через некоторое время я заметил, что в руке она держит маленький черный камень, которым постукивает по булыжнику, медленно, но четко отбивая ритм. По булыжнику в том самом месте, по которому она постукивала проходила небольшая трещина примерно в десять дюймов длиной. У меня возникло такое чувство, что она сама пробилла эту трещину, но затем я отмел эту мысль как нелепую.

* Зачем ты здесь? — спросила она. Я взглянул на нее и не нашел, что сказать. Это был хороший вопрос, на который у меня не было достойного ответа. Я приехал на Иону, чтобы «замкнуть треугольник», хотя даже не понимал, что это означает. Приехал, чтобы подготовиться к миссии мира, к путешествию в самое пекло отчаяния и войны. Но зачем я здесь? Я улыбнулся и сказал, что не знаю.

* А надо бы знать, парень, — сказала она с сильнейшим шотландским выговором, какого я ни от кого еще не слышал. — Вряд ли ты приехал, чтобы бродить тут без толку. Ты здесь для

того, чтобы пережить то, что тебе сказано. Я знаю, почему ты здесь. Я очень стара, старше, чем все вот это. А это значит, что я насквозь тебя вижу, я вижу твое сердце.

* Как вас зовут? — спросил я.

* Зови меня Старухой. Я ровесница этих скал. Я могу рассказать тебе такое, чего ты больше ни от кого не узнаешь.

Я снова взглянул на черный камешек в ее руке. Она продолжала постукивать им по булыжнику, на котором мы сидели. Она заметила, куда я смотрю, и на мгновение остановилась. - Неважно, с какой силой ты бьешь, — сказала она. — Все дело в Упорстве. Даже такая старуха, как я, может проделать трещину в булыжнике, и не потому, что я сильнее тебя, а потому, что я никогда не останавливаюсь. Утес, на котором ты сидишь, сдерживал напор прилива два миллиарда лет. Посмотри, как он искорежен и иссечен. Разве ты не мог бы сделать то же самое?

* Боюсь, я не понимаю, о чем вы говорите. — Я произнес эти слова и в тот же момент осознал, что случилось нечто очень странное. Я встретил совсем не обычную старуху, и разговор, который мы с ней вели, никак нельзя было назвать обычным разговором. Я наклонился вперед, чтобы не пропустить ни одного слова. Вот зачем ты здесь, подумал я про себя. Это конец... и начало.

* Ты встретил мою дочь, — сказала она, заглянув мне глубоко в глаза.

* *Вашу дочь!*

* Да, ты знаешь, о чем я. Ты встретил ее, и она знает тебя. Она поведет тебя... поведет всех. Я здесь уже давно, но теперь пришел ее черед. Я проделала трещину в скале, а она заберется в эту трещину и расколется камень. Не удивляйся так. Ты знал, что это случится, просто я выгляжу немного не так, как ты ожидал.

Я знал, о чем она говорит, но не мог в это поверить. Она ли это, та, что держит дверь открытой? Но это невозможно, я представлял себе это совсем не так.

— Дверь уже открыта, — сказала она. — Она открыта всегда. А я слишком стара, чтобы дальше стучать по камню. Вот, возьми это.

Она бросила мне черный камешек, который держала в руке, и я поймал его левой рукой. Когда я сжал руку, то почувствовал, как меня охватывает смятение. Камешек был легче и мягче, чем я ожидал. На взгляд это был твердый, жесткий кусочек скалы, но на ощупь он оказался совсем не таким, а скорее напоминал затвердевшую вулканическую лаву. Это и была лава. Я поглядел на камень, затем перевел взгляд на старуху, которая с улыбкой смотрела на меня.

— Это подарок от самого моего сердца, — можно сказать. К тому времени, когда моя дочь закончит все свои дела с тобой, я снова стану молодой, вот увидишь. Не могу же я вечно оставаться старой.

* Кто вы? — спросил я.

* Не задавай таких вопросов, — сказала она, вставая и отряхивая платье цвета застарелой ржавчины. — Просто делай то, что должен. И помни, на кону стоит больше, чем ты думаешь. Ты узнаешь об этом там, куда едешь. И там для тебя все окончательно прояснится, там ты поймешь то, что говорила тебе моя дочь.

* Вы говорите про Косово? — спросил я.

* Какая разница? Не имеют значения ни место, ни название, ни даже ты сам. Важно только время, а оно настало. Ты что-то говорил про дверь. Чего же ты ждешь? Ты знаешь, как войти... иди же.

Она повернулась и начала медленно спускаться с утеса к океану. Я слышал, как она что-то бормотала себе под нос, но я не знал, ко мне ли обращены ее слова. Затем она оглянулась и сказала: «Она скажет тебе все что нужно, как я сказала ей. Только будь внимателен, потому что это важно. И не забывай постукивать этим камнем. Когда-нибудь ты посмеешься над этим — когда-нибудь, когда наконец поймешь».

Через несколько мгновений она скрылась за краем утеса, и я остался в одиночестве. Я посмотрел на кусочек лавы в моих руках, о котором она только что говорила. Интересно, что же я пойму. Я не понимал столь многого, в моей жизни было столько вопросов, на которые я так и не нашел ответа. И вот, пожалуйста, я встречаю ее здесь, на утесе. Я видел столько разных лиц, столько различных

обличий одной и той же действительности. Но на сей раз все было по-иному. По-иному она и разговаривала.

Я встал и пошел обратно на пляж, а затем вышел на тропинку, ведущую к гостинице «Колумба». Солнце почти зашло, и в наступившей темноте мне пришлось искать дорогу. Но это было уже не важно, ведь на мой путь теперь пролился яркий свет.

По пути я сжимал камешек в ладони, и на память мне пришли воспоминания о последнем годе моей жизни, затем о последних пяти годах. Все начало приобретать особый смысл, все эти таинственные события, приведшие меня сюда. Затем я стал думать о своем детстве, задаваясь вопросом, неужели все это началось уже тогда. Существует ли нить, разматывающаяся на протяжении нашей жизни и связующая все ее события в один гигантский гобелен? Если последовать за этой нитью в обратном направлении, прояснится многое из того, что было неясно в прошлом. Тогда каждый момент наполняется смыслом, которого не было раньше.

Я искал этого уже очень давно, я искал способ соединить разрозненные концы нитей и найти скрытый узор. Идя по тропинке, я вспоминал подробности своей прошлой жизни так ясно, как они не представлялись мне никогда прежде. И в первый раз с тех пор, как началось мое приключение, я понял все.

«Все это началось так давно, — подумал я, — даже раньше, чем я думал».

Я всегда считал себя совершенно обычным человеком. Во всяком случае, я слишком терпимо отношусь к людям и к себе, чтобы служить примером духовного просветления, какими являются святые и гуру, к которым люди приходят в стремлении обрести помощь и совет. У меня были самые обычные склонности и желания, которые я иногда страстно стремился удовлетворить. Самой безобидной из них была страсть к музыке. Из всех пяти детей нашей ирландской католической семьи меня, по мнению моей матери, было больше всего шансов опасть в дурную компанию, стать бездомным бродягой, при-тпасться к наркотикам. Сложно было сказать, какой жизненный путь я для себя выберу.

И вместе с тем у меня было больше всего шансов стать священником. Естественно, это составляло заветную мечту моей

матери. Ей казалось, что только это может спасти меня от множества несчастий. Некоторые родители отправляют своих детей в армию, чтобы они научились там дисциплине. Такой метод со мной никогда бы не сработал, так как мой характер был прямо противоположен этому образу жизни. Меня бы слишком быстро оттуда вышибли. Но сан священника рисовался совсем в ином свете, тем более что я всегда тяготел ко всему, относящемуся к духовной сфере. Я стал служкой в церкви даже на год раньше положенного срока, чтобы быть ближе ко всем этим чудесным запахам и звону колоколов, поражающим мое воображение. Если мои родители не могли меня спасти, то, возможно, это мог сделать железный кулак Святой Матери-Церкви.

Ко всеобщему удивлению, я не сопротивлялся этому решению. На самом деле я не собирался откладывать дело в долгий ящик и хотел поступить в подготовительный класс духовной семинарии. Должно быть, это привело моих родителей в замешательство, так как они предполагали, что я буду оказывать ожесточенное сопротивление. Однако вместо того, чтобы убеждать меня в выгодах и достоинствах религиозной жизни, им пришлось умерять мой пыл. Было решено, что я закончу школу, а затем поступлю в монашеский орден по своему выбору. Когда пришло время делать выбор, мать не стала навязывать свое мнение. Конечно же, она хотела, чтобы я остался в Миннесоте, подальше от больших городов, в которых я непременно попаду в неприятности. У меня же были свои соображения на этот счет.

Мне было всего восемнадцать, когда я вступил в Чикаго в орден францисканцев. Через месяц после окончания школы я уехал из Миннеаполиса и перебрался в Меритаун, большой монастырь в Либертивилле, пригороде Чикаго, на расстоянии часа езды к северу от города. Никто этого не знал, но на самом деле я подумывал о том, чтобы стать священником, со времен первых мистических переживаний, то есть лет этак с двенадцати. Если Бог однажды заговорит с тобой, значит, ты «призван», — так меня воспитывали. Выбора не было, и меня это нисколько не беспокоило. Хотя я только начинал жить, я был уверен в том, что знаю, как прожить всю дальнейшую жизнь.

Во многом мой выбор вступить в орден францисканцев был предопределен тем почтением, которое они испытывают к святой Деве Марии. Еще в детстве я не расставался с четками и с тех пор молился хотя бы раз в день. Около двенадцати лет я принес ей обет, и хотя подробности этого события сокрылись в темном уголке моего сознания, оно все еще было памятно мне. Помню, как однажды я несколько часов простоял на коленях перед статуей Богоматери, молясь и плача, пока не почувствовал, как в моей душе начинает открываться широкая расселина. Что-то случилось со мной, что-то глубокое и таинственное, но я был слишком мал, чтобы понимать, что происходит. Возможно, это случилось именно потому, что мое детское простодушие не позволяло мне осмысливать происходящее.

Чудеса часто случаются с детьми, а глас Божий слышится наиболее отчетливо в годы невинной юности. Дети задают правильные вопросы, делая это просто и непосредственно, а за ответом они обращаются к земле и звездам. Так как их сознание открыто, а дух еще не уstraшен жестокой тиранией взрослых кошмаров, Бог говорит с ними явлениями природы и ветром. Кто-то говорил со мной в детстве, и мне было совсем неважно, кто это был. Этот мягкий голос помог мне преодолеть бурные волны прибоя, в годы моей юности кидавшего меня из стороны в сторону, и подобно лодке, закрепленной на длинной веревке, привязанной к двум берегам, я благополучно переправился на другой берег.

Велениям этого голоса я следовал, отправляясь в Меритаун. Однако к тому времени, когда мне исполнилось восемнадцать, он скорее напоминал отдаленное эхо, выцветшую фотографию, которую носят с собой, чтобы не забыть черты когда-то хорошо знакомого лица. Братья и священники были гораздо старше меня. Оглядываясь назад, я прекрасно понимаю, что должен был казаться им ребенком. Брат Пий, который позже стал моим наставником и лучшим другом, был назначен старшим надо мной. Он должен был превратить меня в хорошего нищенствующего монаха — или отослать назад. Когда мы встретились в первый раз, я сел напротив него по другую сторону тяжелого старого стола. Этот стол как-то очень походил на него самого, ибо брат Пий был силен и кряжист. Но его выдавали глаза. Они были мягкими и круглыми, и хотя он старался напугать меня,

чтобы я вернулся в машину к родителям, я, напротив, совершенно успокоился и преисполнился решимости.

* Понимаешь ли ты, что средний возраст братьев в Мери-тауне больше пятидесяти лет? — спросил он меня.

* Я не знал этого, но это меня не удивляет.

* Прошли те времена, когда сюда приходили люди твоего возраста, — сказал он. — Мне кажется, что это не лучшая идея. Тебе нужно поступать в колледж, делать то, что делают обычные дети. После этого, если тебе все еще не перехочется, можешь вернуться к нам. По крайней мере, тогда у тебя уже будет что-то за плечами... ты уже немного поживешь.

— А сколько вам было, когда вы пришли сюда? — спросил я. Он чуть заметно улыбнулся.

* Да, правда, мне было восемнадцать. Но тогда все было совсем по-другому. Такой выбор казался совершенно обычным. Сейчас это не так.

* Я знаю, что молод, — сказал я, — но я всегда этого хотел. Я верю, что это мое призвание, что так предначертано. Я прошу дать мне всего лишь шанс.

* Все думают, что они призваны, — сказал брат Пий. — Но вопрос в том, достаточно ли ты взрослый, чтобы прислушаться к зову. Здесь тебе будет нелегко. Ты рискуешь быть не принятым общиной, вовсе не со зла, а просто потому, что братья не смогут общаться с тобой, а ты с ними.

* Если то, что вы говорите, окажется правдой, то я уеду. Но я уже здесь, и я чувствую, что готов к такой жизни.

* Я попрошу тебя уехать при первом же намеке на проблемы, — сказал он. — И ты должен будешь уехать без возражений. Понятно?

* Да, Брат.

* Я не хочу, чтобы этот эксперимент вызвал у тебя неприятные чувства или страдания, Джеймс. Посмотрим, что получится. Если Госпоже Нашей будет угодно, все будет хорошо.

У меня было такое чувство, будто я прошел первое испытание, преодолел первое препятствие на моем религиозном пути. Я

проживу три месяца в Меритауне, а затем поеду в богословское училище в Чикаго. Следующие четыре года я буду работать над получением степени бакалавра, а потом стану магистром теологии. Где-то в это время я возьму перерыв на год и приму послушничество. Все это казалось мне таким романтичным, похожим на начало нового приключения. Как вскоре выяснилось, община вовсе не отвергла меня, а наоборот, приняла с распростертыми объятиями. Возможно, я казался чудаком, но уже через несколько дней я жил одной жизнью с общиной, и все наладилось. Я был глубоко предан общине и думал, что никогда ее не покину.

Однако затем моя решимость подверглась серьезнейшему испытанию. Я прибыл в Меритаун с тремя другими людьми, и все они были старше меня. Пэт Гриноу уже провел год в другой семинарии, и впоследствии он стал настоятелем Меритауна. Это был забавный, приятный человек. Мы почти сразу подружились. Стив Типп приехал в Меритаун из Милуоки и с легкостью приспособился к здешнему образу жизни. И, наконец, третьим был Джон Пол, который в день моего приезда взял меня под свое покровительство. Он был красивым мужчиной лет тридцати пяти и любил долгие прогулки по берегам близлежащего озера. Мне было приятно дружить с человеком старше и мудрее меня, который мог бы помочь мне проложить себе путь в этой странной новой стране. Он делился со мной тем, что было у него на душе, и я был очень рад нашей встрече.

Однажды вечером мы разговаривали в комнате отдыха, и Джон Пол начал очень доверительно говорить об истории своей сексуальной жизни. Я был так молод и простодушен, что не мог поддерживать этот разговор на равных и понять, куда он клонит. Я думал, что он пытается укрепить нашу дружбу, но вскоре осознал, что у него на уме совсем другое.

Он сказал, что очень счастлив иметь в Меритауне такого друга, как я. Затем он сказал, что иногда мужчины, которые очень дружат, делают вместе самые интимные вещи, которые еще более укрепляют их отношения. Я объяснил, что мне неприятно заниматься такими вещами и что я гетеросексуал.

* Я тоже гетеросексуал, — сказал он мне. — Однажды, когда вырастешь, ты поймешь, что это подарок, который мужчины

могут сделать друг другу, и это не имеет ничего общего с гомосексуализмом. Это просто особый способ сближения. Я уже чувствую, что очень близок тебе... Я просто хочу стать еще ближе.

* Я никогда ничего подобного не слышал, — сказал я. — Я не знаю, прав ты или нет, но мне от этого как-то не по себе.

Следующие полтора часа он использовал все свое красноречие, чтобы загнать меня в угол. Прежде чем я успел понять, что я делаю, я уже внутренне соглашался с его логикой, и немного спустя он прикоснулся ко мне. В большой комнате было темно, все другие братья давно уже ушли, и мы одни сидели в дальнем углу. Даже если бы кто-нибудь вошел, мы легко могли замести все следы. Он прикасался ко мне, а я представлял себе эротические сцены с женщинами, чтобы как-то отвлечься от странной действительности. Через несколько мгновений все было кончено, и он сел в кресло с удовлетворенным выражением на лице.

— Может быть, однажды ты сделаешь то же для меня, — сказал он. — Но для одного вечера этого хватит.

Джон Пол обнял меня и пожелал спокойной ночи. Я долго сидел в темноте, стараясь успокоить свои мысли и размышляя о том, что произошло. Возможно, он был прав, думал я. Может быть, я настолько наивен и ничего об этом не знаю, может быть, у мужчин есть такие способы выразить свою любовь, о которых я не подозревал. Я пошел спать, стараясь убедить себя в том, что мы не сделали ничего особенного. Я крепко заснул, и мне снились легкие, спокойные сны.

На следующее утро я проснулся и обратил внимание на странное ощущение тяжести в груди. В 6:30 братья и послушники должны были сойтись в часовне для богослужения, и я вошел туда смущенный и подавленный. Мое место располагалось в задней части хора, прямо под огромной статуей Девы Марии слева от алтаря. Там я каждый день проводил несколько часов в молитве, предавая себя Ее воле и прося Ее наставлений. Обычно, когда я перебирал четки или просто разговаривал с Ней, по моим щекам стекали слезы, как будто Она на самом деле стояла рядом. Этим же утром я едва мог взглянуть в Ее

сторону. У меня было чувство, будто я сделал что-то ужасное, и я боялся, что Она знает об этом. Посреди мессы я все-таки взглянул на статую и произнес краткую молитву.

«Укажи мне, что делать, — молил я. — Я не знаю, что это значит, было это правильно или нет. Я не чувствую радости от того, что я позволил ему сделать. Мне даже не понравилось. Должен ли я кому-нибудь сказать об этом? Или сохранить в тайне, как будто этого не было?»

Когда я поднял глаза на статую, я почувствовал, как что-то во мне всколыхнулось. Я не могу описать, что произошло, но я понял, что Она вняла моей молитве и дала мне ответ.

«Ты не сделал ничего дурного, — казалось, сказала Она. — Но тебе нужно с кем-то поделиться. То, что произошло, не принесло тебе радости и поэтому не было праведным. Любовь всегда приносит любовь, сын мой. Иди расскажи брату Пию, и все будет хорошо».

В тот же день я спросил брата Пия, могу ли я поговорить с ним в его кабинете. Сев напротив него, я заплакал, как будто прорвало заслон, до сих пор сдерживавший слезы, и я больше не смог скрывать своих чувств. Затем я рассказал ему о том, что случилось вчерашним вечером. Я рассказал ему, как я был смущен и как боялся, что совершил грех. Он внимательно слушал меня и, казалось, сильно разозлился. Но его гнев был обращен не на меня. Он сказал, что уже подозревал о чем-то подобном и что будут приняты немедленные меры.

Джон Пол в тот день уехал в Чикаго; его вещи упаковали и отправили вслед за ним. Больше я никогда его не видел.

Мы долго сидели вдвоем, и Пий помог мне осознать, что произошло. Благодаря ему это событие не оставило никаких следов, и я смог подняться над ним. Я не держал зла на Джона Пола, скорее чувствовал сострадание, размышляя о том, что он сделал, чтобы воспользоваться мной.

- Значит, вы попросите меня уехать? — спросил я.

* Почему ты так думаешь?

* Вы сказали, если заметите, что кто-нибудь отвергает меня, то мне придется уехать. Я подумал, что это, возможно, как раз тот

случай.

- * Послушай, Джеймс, то, что случилось, уже в прошлом. Это был несчастный случай, но он ничего не меняет. Ты хорошо поладил с остальными братьями. Что касается меня, я пока не собираюсь ни о чем тебя просить.

Мы еще немного посидели, разговаривая о разных вещах, по большей части о том, как я лажу с другими братьями. И тогда я набрался храбрости, чтобы спросить его о более сокровенном предмете.

- * У меня к вам есть еще один вопрос, — сказал я. — Как вы думаете, может ли Бог или Дева Мария говорить с нами? Я хочу сказать... общаться с нами в действительности, с помощью слов?

- * Почему бы и нет, — ответил брат Пий. — Церковная история полна подобных рассказов. Почему ты спросил об этом?

- * Когда мне было двенадцать лет, со мной произошло нечто странное. Я был служкой и прислуживал во время мессы, когда услышал голос. Я не могу сказать, слышал ли его ушами или сердцем, но я был уверен, что он исходит не из меня. Голос был не мужской и не женский. И он говорил удивительные вещи обо мне и о мире. Он сказал, что скоро все изменится и что людям пора подготовиться к этому. Я подумал, что скоро придет Иисус, но это было не так. Скорее речь шла о том, что его энергия высвободится и люди будут ощущать ее совершенно по-новому. Я не знаю, что это значит.

Голос сказал мне, что я должен сыграть какую-то роль в том, что должно произойти. Мне известно лишь, что это имеет какое-то отношение к распространению послания мира и что я должен объехать весь свет. Ну а так как мне было всего двенадцать, я не знал, как отвечать. За работу взялось мое эго, и я решил, что я «избранный Господом». Я пошел к нашему священнику и сказал ему, что вступил в прямое общение с Богом и на меня возложена обязанность говорить ему, что он делает не так. Тогда из церкви, поддавшись новым веяниям, только что убрали скамеечки для коленопреклонения. Я сказал ему, что Богу это не понравилось, и попросил его вернуть их. Моему отцу пришлось запереть меня в комнате, чтобы не дать мне

заявиться в дом священника со следующим перечнем требований. Должно быть, это насмешило тогда весь приход.

* И что было дальше? — спросил Пий.

* Кончилось все тем, что я почувствовал стыд и постарался убедить себя, что у меня просто разыгралось воображение. Но на самом деле я знал, что дело не в этом. С годами мне почти удалось выкинуть это из головы. Но здесь я вспомнил все, что случилось, и иногда мне кажется, что это происходит и сейчас.

* То есть ты все еще слышишь голос?

* Я бы так не сказал, — ответил я. — Не могу этого описать. Скорее голос окружает меня со всех сторон, и внезапно я получаю сообщение, как будто что-то таинственным путем передается мне. Иногда это происходит в одну секунду. Это явление нелинейно, поэтому его нельзя объяснить.

* Мне просто интересно знать, беспокоит ли это тебя по-прежнему? — сказал он в видимой озабоченностью.

* Вообще нет. Мне уже не двенадцать лет, поэтому я не перетолковываю своих видений так, как раньше. Когда это случается, это чудесно. Тогда я чувствую, что я не один.

* В таком случае мне нечего сказать, конечно, если только голос не сообщит тебе, что нам нужно перестроить часовню. Я не могу ответить тебе, наяву ты его слышишь или нет. Тебе лучше знать. Только помни, что нужно судить обо всем с точки зрения любви. Если ты чувствуешь любовь, то это от Бога, вне зависимости оттого, в какой форме Он тебе является.

— Дева Мария и сегодня утром кое-что мне сказала, — рассмеялся я. В первый раз со времен моего детства я рассказал другому человеку о голосе, и я был счастлив его реакции. Он принял меня, значит, я не сумасшедший. И еще я почувствовал, что нашел свое место. «Как хорошо, что я Меритауне», — думал я. Образ жизни, который вела здешняя братия, и их глубокое почтение к Деве Марии полностью совпадали с самыми глубокими моими переживаниями и желаниями, они затрагивали самые сокровенные струны моей души. В тот момент я поклялся, что никогда не уеду отсюда.

Но я уехал, и это произошло гораздо раньше, чем кто-либо мог ожидать. Я пробыл у францисканцев всего лишь полтора года. Однажды я принял решение, упаковал вещи и переехал из семинарии в общежитие при Университете Лойолы. В конце концов Пий оказался прав. Я действительно был слишком молод, и многое изменилось со времен его юности. Изменился сам мир, в котором мы живем. Таким образом, следующие три года я вел жизнь обычного студента, следуя новым веяниям, самоутверждаясь, выпивая значительное количество пива и, должен признаться, покуривая травку. Потворствуя своим желанием, в кругу новых друзей я забыл и о францисканцах, и о Деве Марии.

В 1984 году, после окончания университета, я встретил Линду, прекрасную женщину, на которой год спустя женился. Вскоре у нас родилась дочь Анджела, и я начал привыкать к роли отца и супруга. По крайней мере, мне так казалось. Оглядываясь на свое прошлое, я понимаю, что я играл эту роль, но играл неубедительно. Я никогда не мог приспособиться к той жизни, которой, по мнению Линды, должен был жить. Ей был нужен «нормальный» муж, а всякий, кто меня знал, мог подтвердить, что меня никак нельзя было назвать нормальным. Я никогда не мог найти приличного постоянного заработка, и мы так и не смогли купить дом, о котором много говорили. Казалось, будто мы плывем против течения, против естественного течения жизни, которая, как я знал, была мне приуготовлена.

Но Линда совершенно иначе смотрела на вещи. Это была ее жизнь, она хотела иметь настоящую семью, и то, что я никак не мог приноровиться к ней, приводило ее в раздражение. Она не могла взять в толк, чего, собственно, не хватает или что идет не так. Но мы были молоды, и даже когда мы прикладывали все усилия, чтобы все шло нормально, что-то не ладилось. Я хотел направить течение своей жизни в новое русло, я хотел сжиться с семьей, но мне снова не удалось найти тихую заводь.

Через два года мы разошлись, и я начал менять одно место работы за другим, зарабатывая ровно столько, чтобы не голодать. Последние следы моей прежней жизни ушли в прошлое, и я бродил в духовной пустыне. Я больше не слышал голоса, говорившего со мной в дни моей юности и заглушённого ныне огромными завалами

бездумности и безразличия, которые я навалил на мою былую невинность. Боль от потери семьи и постоянных неудач становилась невыносимой, и я начал всерьез задумываться о непоправимом. Больше всего на свете я хотел, чтобы это закончилось каким угодно образом, и иногда я подумывал сам положить этому конец.

Но у меня еще оставалась музыка. Она стала моим убежищем, буйком, удерживавшим мой дух на плаву в те трудные Дни, омраченные страхом и отчаянием. Музыка была единственным делом, в котором я разбирался лучше, чем все, кого я знал, и она никогда не покидала меня с того самого времени, как в двенадцать лет я начал учиться играть на гитаре. Я продолжал играть и вскоре стал сочинять. Мои песни были простыми и примитивными, но они разжигали во мне страсть к жизни как ничто другое. Я постоянно метался между желанием стать рок-звездой и стремлением следовать «зову», как я тогда это называл. Мне никогда не приходило в голову, что можно сочетать две эти привязанности, так как я думал, что одна — «от мира сего», а другая удалена от него на бесконечное расстояние.

Прошли годы, мой жизненный путь извивался в лабиринте постоянно меняющихся обстоятельств. Иногда несколько месяцев я не брал в руки гитару. Затем что-то случилось, во внешнем или внутреннем мире, музыка вновь привлекала меня, подобно тонкой мерцающей нити, ведущей меня наружу из темной пещеры. Музыка возвращалась, мой голос прорезал будничные гулы и вновь уносил меня в поля моего детства, и в такие моменты я мог видеть дальше, чем прежде. Море успокаивалось и ветер стихал, а жизнь внезапно обретала утерянный смысл.

В 1990 году я открыл удивительную тайну. Откуда я мог знать, что моя постоянная озабоченность моими жизненными невзгодами в действительности лишь закладывала основу моих будущих неудач? Похоже, у людей есть естественная склонность смело бросаться в пучину несчастий и провалов, полагая, что они в любой момент могут выйти сухими из воды по своему желанию. Нас учат, что просить о помощи — значит признать свою слабость и что признание своих ошибок равносильно провалу.

На самом деле по-настоящему расти начинаешь только тогда, когда попросишь помощи, когда признаешь, что не можешь самостоятельно выбраться из ямы, которую сам себе выкопал. А у помощи, которую нам предлагают, есть только один урок: «Отдай то, что тебе нужно». На память тут же приходит молитва святого Франциска: «Ибо, отдавая, мы обретаем, а прощая, получаем прощение». В определенный момент меня начало мучить ясное осознание того, что у меня нет ответов ни для себя ни для других. И я услышал голос, говоривший: «Начни отсюда- Если ты так нуждаешься в любви, тогда давай любовь. Если ты нуждаешься в мире, дай мир другим».

Голос вернулся ко мне, хотя я и не понимал, что происходит. Сознательно или неосознанно меня тянуло последовать его совету. Один друг познакомил меня с чикагским Обществом католических рабочих святой Екатерины. Это была коммуна из шести человек. Все они добровольно целый рабочий день помогали бездомным, зараженным СПИДом обитателям одного из беднейших районов города. Я зашел к ним в гости, а на следующий день уже переехал насовсем.

Следующие два года я вел такой францисканский образ жизни, который был бы невозможен даже в самом монастыре. Я часто шутил, что лучше всего мне жилось, когда я был францисканцем. Странно, правда? Но там для нас готовили и стирали сестры-монахини, а нравы общежития, в котором я жил при Университете Лойолы, никак нельзя было назвать аскетическими. В Обществе святой Екатерины жили совсем по-другому. Питались в основном тем, что нам подавали, и хозяйство вели тоже на скудные доллары, пожертвованные горсткой благотворителей, веривших в наше дело. Через несколько недель я забыл о своих бедах и сосредоточился на чужих несчастьях. И — о чудо! — мои проблемы исчезли сами собой.

Я вспоминаю эти месяцы с теплым чувством. Это было чуть ли не лучшее время в моей жизни. Я больше узнал о бездомных, наркотической зависимости и СПИДе, чем мог бы узнать где-либо в другом месте. Лица тех людей, за которыми мы ухаживали, до сих пор не изгладились из моей памяти. Спустя два года я уехал оттуда другим человеком, с другими целями и приоритетами. Голос был

прав: я отдавал то, в чем больше всего нуждался сам, — любовь. И любовь вернулась ко мне, преобразив всю мою жизнь.

В 1994 году я жил в Висконсине с компанией друзей, изучая «Курс чудес», который перевернул мои представления о мире. Мне было 32 года, и я наконец мог смотреть поверх многих темных явлений, которые до того управляли мной. Ко мне вернулась духовность, подобно огню, который гаснет и затухает лишь для того, чтобы разгореться с новым порывом ветра. Моя музыка лилась в согласии с волнами моей души, как будто музыка и душа составляли единое целое, как будто обе они выражали одно и то же стремление к утраченной мною невинности. Таким образом, вполне естественно я начал перелагать на музыку молитвы, которые больше всего меня трогали и завладевали моим воображением. Установилось равновесие, союз духа и искусства, привязанность к прошлому и надежда на будущее.

Как-то один друг дал мне листок бумаги, на котором были написаны молитвы о мире, сложившиеся в лоне двенадцати крупнейших мировых религий. Оставшись один в комнате, я взял листок и начал читать. Первой шла индуистская молитва о мире:

*О Боже, выведи нас из иллюзорного к реальному,
О Боже, выведи нас из тьмы к свету,
О Боже, выведи нас из смерти к бессмертию.
Шанти, шанти, шанти всем.*

Читая эту молитву, я начал испытывать удивительные ощущения. Я слышал музыку, как будто кто-то играл в соседней комнате. Потом я понял, что слышу музыку не ушами, а сердцем. Это была молитва. Молитва сама пелась во мне и для меня. Я взял гитару и заиграл. Музыка была чудесной, и она продолжалась, пока я не закончил всю песню. Затем я начал читать буддийскую молитву о мире, и повторилось то же самое! Я читал молитвы одну за другой и играл на гитаре. Ни одна из них не была длиннее пяти минут; закончив, я осознал, что только что получил бесценный дар. Но мне также было понятно, что получить такой дар можно лишь при условии, что ты поделишь его с другими.

В жизни, наверное, у всех бывает так, что обстоятельства вдруг складываются наилучшим образом и внезапно открывается дверь, о которую до сих пор ты тщетно бился головой. Все то, чем я занимался, живя в общине святой Екатерины и читая «Курс чудес», подготовило меня к этому прекрасному моменту, когда небеса распахнули передо мной свои врата и запели молитву о мире моей открытой душе. И подобно земле, растрескавшейся от жары в ожидании дождя, я жадно впитывал этот свет. Я давно уже ждал этого рассвета, хотя иногда мне и не хватало терпения, и теперь не хотел упустить ни единого мига нашего единения. Музыка и молитва сплелись друг с другом сами собой, а я был лишь свидетелем этого чуда.

В течение нескольких месяцев я объездил всю Северную Америку с «концертом во имя мира». Я хотел показать, что все главные мировые религии призывают к одному — к миру. За ритуалами и догмами, на первый взгляд отделяющими нас друг от друга, скрывается духовный опыт, связующий всех нас воедино. Всем нам нужно одно, и для нас самих, и для тех, кого мы любим. И в этом одном мы схожи между собой, где бы мы ни жили и какую бы религию ни исповедовали. Мир — вот ключ к нашему внутреннему здоровью и к здоровью мира. Это не просто путь к единству, это самая суть конечной цели.

Я номню концерты, на которые приходили всего три человека. В объявлениях, которые я рассылал, я именовал себя бедным, бездомным, нищенствующим трубадуром мира». Часто меня спрашивали, не стыдно ли мне нищенствовать.

- Монашеское нищенство идет от святого Франциска, — отвечал я. — Это означает, что вы оставили этот мир, отказались от желания делать деньги, разбогатеть. Вы избрали высший путь, отдали себя Божьей воле.

— Но зачем быть бездомным? — спрашивали люди. — Разве нельзя делать то же самое и жить нормальной жизнью?

Я не любил этих разговоров. Будто бы средневековый монах вселялся в мое тело, представляя собой странный пережиток тех месяцев, которые я провел у францисканцев, подражая их образу жизни. Я действительно верил в то, что для служения Богу я должен

быть беден. Как можно иметь деньги и требовать от Бога любви? Но для меня это был еще и способ самосохранения, поскольку требование бедности означало, что я не должен более поддаваться тому давлению и гнету, которые я испытывал во времена моего брака. Идеал «добровольной бедности» позволял мне избавиться от страхов, разрушивших мою связь с Линдой, и он же заставлял меня избегать жизни в рамках обычного общества.

В то же время в глубине моей души внезапно выкристаллизовалось нечто таинственное. Возможно, я убегал от общества, но я стремился навстречу моей судьбе. Концерт во имя мира скрепил и объединил две главные движущие силы моей жизни — музыку и духовность. В один прекрасный день, в тот день, когда я получил дар молитвы о мире, они слились для меня воедино. Ясно, что сам по себе я тут был ни при чем; что даже мои слабости использовались Богом и были поставлены Им Себе на службу. Как прекрасно и чудесно, когда тебя используют таким способом! Какой редкий дар я получил, хотя я едва ли был в состоянии осознать это в то время. В головоломке моей жизни все еще не хватало нескольких важных деталей.

Летом 1995 года, задолго до поездки на остров Иона, я получил приглашение провести концерт во имя мира в бывшей Югославии, где четыре года шла опустошительная межнациональная война. К тому времени меня уже называли «трубадумира», но мысль о проведении концертов в зоне военных действий поначалу пришлась мне не по душе. О тамошней ситуации я знал лишь то, что сообщали вечерние новости. Как мне было разобраться во всем этом — американскому музыканту не имеющему представления о реальной войне? Мне было тяжело ступить на этот новый путь, но чудо, начавшееся, когда я читал двенадцать молитв, внезапно продолжилось на новом уровне, и я ничего не мог с этим поделать.

Перед самым отъездом в Хорватию я выступал с концертом на международной конференции «Мир Христов» в Асси-зи (Италия). И дух этого места, в котором когда-то жил святой Франциск, начал совершать надо мной свою магическую работу. К своему большому удивлению я узнал, что я далеко не святой Франциск. Я совершенно на него не походил, не хотел и не должен был походить. Внезапно

меня переполнило ощущение, что у меня в жизни есть свое, особое предназначение и я не должен жить жизнью другого человека. Со мной происходило что-то странное, что-то очень важное, но я не знал что.

Возможно, у меня просто разыгралось воображение, вызвавшее в памяти странные видения, окутывавшие мои детские годы, когда я мечтал о «важной и решающей» роли, которую мне суждено будет сыграть в мировой истории. Это были грезы ребенка, желающего привлечь к себе внимание, они были лишены реального веса и смысла. Но нет, в этом все же что-то было, некое глубинное прозрение, легкий намек на встречу, которая изменит всю мою жизнь. Откуда мне было знать, что мне до нее всего лишь шаг?

Когда автобус наконец прибыл в Риэку (Хорватия), я взял гитару с верхней багажной полки и встал, чтобы выйти. Я чувствовал, как во мне нарастало напряжение с тех пор, как мы Ресекли границу между Словенией и Хорватией. Оно похоже на тупую боль, которую вы тщетно пытаетесь забыть и которая пронизывает всякую вашу мысль. Ответы на мои расспросы о войне, о кровавой борьбе за независимость от Сербии, о долгой истории ненависти и насилия отражали лишь точку зрения одной стороны, естественно, ту, к которой принадлежал расспрашиваемый. Это приводило меня в замешательство. Зачем я принял приглашение поехать в эти дикие места? Что могу сделать я, американец, не имеющий ни малейшего представления о здешних делах? Моим единственным оружием были молитвы и музыка, и я сомневался в их силе. Трубадур мира должен был пройти первое испытание, и у меня было ужасное подозрение, что я к нему не готов.

Однако три женщины смягчили для меня этот переходный этап и помогли мне осознать истинную причину, по которой я был приглашен в это ужасное место. Я встретил Снежану и Гордану тут же на автобусной стоянке в Риэке. Обе они работали в «Сунцокрете», организации в поддержку мира, спонсировавшей мою поездку. Затем я встретил Надину, молодую женщину, которая раскрыла мне человеческую, личную сторону этого военного конфликта. Эта беженка-боснийка работала добровольцем в «Сунцокрете», убеждая отчаявшихся молодых хорватов и боснийцев не совершать

самоубийства. Это была прекрасная терапия и для нее самой, так как ее состояние было ненамного лучше, чем у тех, кому она пыталась помочь.

Я проводил с моими милыми подругами дни и вечера и от них узнал, что значит жить в стране во время войны, да еще войны гражданской, которая во много раз хуже обычной. Друг идет против друга, сосед против соседа. Надина, мусульманка по рождению, жила в маленьком городке в Боснии, основное население которого составляли боснийские сербы. Когда-то сербы, ревностные приверженцы православия, расселились в различных частях Боснии и жили бок о бок с мусульманами. Хотя на первый взгляд это сосуществование казалось спокойным и безмятежным, под гладкой, непроницаемой поверхностью их сознания текла скрытая река ненависти, зародившаяся много веков назад. Хотя с тех времен прошло много сотен лет, сербы все еще считали мусульман предателями, пошедшими на сотрудничество с турецкими захватчиками, и эта ненависть передавалась каждому последующему поколению. Она пряталась в укромных уголках их коллективного бессознательного, выжидая нужного часа, расщелины, в которую она сможет протиснуться и превратиться в зверя, пожирающего все на своем пути.

Смерть Тито создала самые благоприятные условия для взрыва, она явилась первым звеном в цепи обстоятельств, неожиданно распахнувших двери темных комнат, в которых бурлила годами копившаяся ненависть. Сначала независимость провозгласила Словения, затем Хорватия, и разразившаяся вслед за этими событиями война вылилась в самый страшный конфликт за последние пятьдесят лет европейской истории. Но это была лишь разминка перед ужасающей бойней. Культурная неоднородность Боснии была нестерпима для сербов. Ее следовало уничтожить. Пока мусульмане ждали помощи от НАТО и союзников, их истребляли сербы. Уничтожались целые города, производились массовые «чистки». Сотни лет глухой вражды наконец нашли выход в катастрофической вспышке насилия. Надина рассказывала мне о том, как однажды днем на пороге ее дома появился сосед-серб с ружьем в руках. Они знали Друг друга с детства и ни разу не сказали друг другу

недобро-° Слова. Но он не мог устоять перед возможностью выместить свою злость.

«У тебя есть двадцать четыре часа, чтобы уйти из этого дома Уехать из города, — сказал он. — Этот дом теперь принадлежит мне и моей семье. Если ты не уберешься к моему возвращению, всажу тебе пулю в голову, а затем изнасилую твою мать».

Ужас, охвативший Надину от таких слов, не уступал впечатлению от обещанного насилия, и она чуть не упала в обморок тут же, у своей двери. Однако она сумела взять себя в руки и не выказала страха. Она не хотела доставить ему удовольствие увидеть, как она сгибается под гнетом его жестокости. Через несколько часов Надина с семьей присоединились к сотням других беженцев, получивших такой же ультиматум и шедших по дороге навстречу отчаянию и полной неопределенности. Они уехали из своего города и из своей страны и наконец остановились здесь, в Риеке.

Снежана и Гордана были счастливее Надины, они не испытали несчастья полной изоляции. Они родились и выросли в Риеке и не извели ужасов, выпавших на долю многих других людей в этой раздробленной на части стране. На самом деле решающую роль в этом сыграла география, а точнее, близость к итальянской границе. Напасть на Риеку означало навлечь опасность втягивания в конфликт всей остальной Европы, и даже беспощадные сербы не решились на такой шаг. В их границах уже были пробиты бреши, у них осталось мало союзников, и в такой ситуации они предпочли вести войну поближе к своим пределам. Таким образом, наилучшей целью для их ударов стала именно Босния.

«Сунцокрет» обслуживал постоянный поток беженцев, обрушивавшийся на Риеку со скоростью и силой торнадо. Снежана и Гордана работали прежде всего с женщинами и семьями, стремясь помочь им с самым необходимым и обеспечить их едой и кровом, в которых они нуждались. Надина, как я уже говорил, каждый день часами сидела на телефоне доверия, в ожидании звонков от одиноких и отчаявшихся людей. Через несколько дней я почувствовал, что меня стали связывать с этими женщинами узы дружбы, подкрепленные глубоким уважением, которое я испытывал

к их мужеству, позволявшему им с неослабевающим упорством трудиться день за днем в тяжелейшей обстановке.

Мое приглашение устроила Гордана. Она прочла письмо, разосланное за несколько недель до этого, в котором я писал, что скоро приеду в Европу и надеюсь исполнить там молитвы о мире. Она рассказывала, что испытала странное чувство, когда прочитала эти слова, как будто все обстоятельства, окружающие войну, «Сунцокрет» и мой концерт, сошлись в одной точке, указывая ей, что нужно делать. Но зачем? Никто из нас не мог ответить на этот вопрос. Мы лишь чувствовали в глубине души, что происходит нечто таинственное, будто сюжет фильма достигает своей кульминации.

Я выступал с концертами в Хорватии множество раз, по телевидению, на радио и на сцене. И, хотя на первый взгляд казалось, что я делаю именно то, для чего был приглашен сюда, я чувствовал, что у моего приезда есть и иная причина. Не знал только какая. Затем до меня дошли туманные слухи о тайном обществе мистиков, якобы живущих в горах на границе Хорватии и Боснии. При этом никто, похоже, не знал, есть ли в этих слухах хоть крупинка истины. Я решил, что это местная легенда, и постарался забыть об этой мысли. Однако, к счастью, мысль не забыла обо мне!

Ночью я видел сны, которые говорили мне больше, чем слухи, которые доходили до меня при свете дня. Каждую ночь я оказывался в здании со сводчатой крышей и вел беседу с группой людей, которых, казалось, я хорошо знал, но наутро, когда я просыпался, сон вылетал из моей памяти и я оказывался а том же месте, с которого начинал. И все же в этом сне мне привиделось лицо, которого я не мог забыть, лицо старика, который знал обо мне все. Днем мне вспоминались обрывки слов и я видел его лицо будто наяву. Но кто были эти люди и куда меня уносило во сне? В некоторые моменты я уже не различал мир сна и мир яви, в одном из которых шла война и бесконечным потоком прибывали беженцы, а в другом царил свет. Я начал думать, что между моими снами и слухами об обществе в горах существует какая-то связь. Но как я мог выяснить, так ли это?

Вскоре я узнал, что место, которое я видел во сне, вовсе не относится к области слухов. Я встретил человека по имени Дуро, который рассказал мне, что он — посредник между миром и

обществом, которое он называл «Посланниками Света». Он сказал мне, что ему поручено привести меня к Посланникам, так как у них есть особая весть, которую они хотят сообщить миру. Они молились в горах много лет, и их миссия подходит к концу. Люди уже почти готовы вступить в новый преображенный мир без войны и насилия. Это уже не просто идея или воображение. Человечеству пора подняться на новый уровень духовного развития — установить прямую связь с божественным миром. Если я позволю ему отвести меня к этим наставникам, они покажут мне, как изменить мир молитвой. Естественно, я согласился.

Так вот куда привели меня музыка и молитвы! Узор начал проясняться, но я пока не видел ни начала, ни конца, ни точек сплетения. Неужели все это началось в тот момент, когда я услышал песню, когда без всяких усилий с моей стороны молитвы легли на музыку? Или это семя было заронено в меня еще раньше, когда я бродил в отчаянии от собственной бесполезности и бесцельности моего существования? Теперь оно уже не может спать в глубинах моей души: росток рвется навстречу солнцу и свету.

Я никак не был подготовлен к тому, что сказал мне Дуро. Сны и чувства последних нескольких дней, свинцом давившие мне на грудь, исчезли, и я готов был бросить все — друзей, концерты и то, что считал своим призванием. Сама идея казалась достаточно безумной — что это за Шамбала такая посреди военного конфликта? Местность, о которой рассказывал Дуро, контролировалась армией боснийских сербов. Он предлагал мне не прогулку по лесу, а танец со смертью. Даже если все, что он говорил об этой общине духовных учителей, было правдой, а я в этом был вовсе не уверен, с моей стороны было бы чистым безумием отправиться туда с ним.

И все же я соврал бы, если бы сказал, что я не был заинтригован. Хотя все это выглядело крайне неправдоподобно, в этом было нечто, вызывающее у меня доверие. Это вполне объясняло мои странные сны и ощущения, которые я испытывал с тех пор, как приехал в Хорватию. Я вспоминал свое прошлое, весь путь, который я прошел для того, чтобы прийти сюда: мистические видения, открывавшиеся мне в детстве, францисканцев, все, что вело меня по той чудесной дороге, на которой я обрел музыку, сопровождавшую двенадцать

молитв о мире. Каждое событие было звеном в непрерывной цепи, приведшей меня к этому самому моменту и к вопросу, садиться мне на автобус и возвращаться в Италию или же отправиться к Посланникам? Я подумал о брате Пие и о том доверии, которое он питал ко мне. Казалось, он знал, что когда-нибудь со мной случится нечто подобное. Что же мне сказать? Ехать с Дуро или отправиться домой?

И я принял свою судьбу! Мы выехали на следующее утро и начали петлять по горам бывшей Югославии в поисках тринадцати человек, размышляющих о мире в здании со сводчатой крышей. Это было опасное путешествие, напоминавшее странствия древних пилигримов к святому и священному месту, когда на пути тебе встречается самый злобный и опасный враг — это твой собственный страх. Дуро провел меня сквозь расположение войск, умело уклоняясь от нежелательных встреч, и в конце концов мы прибыли в затерянную деревню. В центре этой деревни стояло здание, которое я тотчас узнал. Это была большая светлая пагода с куполом. Мы приехали. Интересно, захочу ли я когда-нибудь уехать.

Следующие двенадцать дней я прожил вместе с Посланниками высоко в боснийских горах. Как и говорил Дуро, Посланники молились, стремясь приблизить человечество к совершению нового шага на пути духовной эволюции, на пути, ведущем прочь от страха к любви. Каждую полночь семь мужчин и шесть женщин собирались в здании с куполом и рассаживались на свои места вокруг колеса с двенадцатью спицами, нарисованного на полу. Затем двенадцать часов они сидели без движения, погруженные в медитацию. Обычный глаз не мог заметить здесь ничего особенного, но я чувствовал, как от этой геометрической фигуры исходит энергия необычайной силы.

Я не могу объяснить, что это означает, так как до сих пор не понимаю этого сам. Во время моего пребывания мне позволяли присутствовать на всех медитациях, но до сего дня я не вполне понимаю значение их молитвенного бдения. С другой стороны, я могу описать, что чувствовал рядом с ними. Ощущение было такое, будто из этого священного места в горах бьет фонтан святости, разбрызгивая капли по всему свету, подобно освежающему и

долгожданному дождю. Этот дождь напоминает нам о том, кто мы такие, заставляет нас вспомнить истины, о которых мы, казалось бы, давно забыли. И они будут продолжать исполнять этот обряд, как исполняли его уже сотни, а может быть, тысячи лет, пока не настанет день, когда они будут больше не нужны, когда в мире станет достаточно людей, готовых дать такой же свет каждому встречному.

— Это время пришло, — сказал он мне. Это был человек из моего сна, старый наставник, который сидел в центре колеса, средоточии общины, тот, кого я называл «Учителем». Я встречался с ним в его маленькой хижине в лесу каждый день после полудня. Он терпеливо объяснял мне глубокие истины, долгое время ускользавшие от моего разума. Это было послание, которое Посланники хотели сообщить всему миру.

— Все чувствуют перемены, — сказал он, — великий сдвиг, заповеданный в пророчествах многих древних культур и цивилизаций. Посланники живут в тайных убежищах вдали от мира, подготавливая человечество к наступлению этого момента. Поэтому мы живем уединенно в стране, в которой ненависть победила любовь. На самом же деле плотность энергии в таких местах, как Босния, даже облегчает нашу работу, ведь свет заметнее всего, когда его луч падает в гущу мрака. Наша работа завершится, когда люди обратятся к любви и отвернутся от тьмы, столь долгое время царившей над миром.

* Но почему вы считаете, что время близится? — спросил я. — Все становится только хуже. Все больше преступлений, наркотиков, злобы...

* Но больше и любви, и сострадания, — ответил он. — Правда и то, и другое. Представь себе, что мир — это резиновый жгут. Одна рука тянет его в одну сторону, а другая — в противоположную. Напряжение нарастает, и наконец...

* Он рвется.

* Именно так. Натяжение жгута достигает высшего предела за мгновение до разрыва. А когда он рвется, все, что он сдерживал, рассыпается. Понимаешь, о чем я?

* Не совсем.

* Действительность, которую ты видишь вокруг, окружающий мир основан на одном-единственном принципе: ты отделен от всего остального. У тебя есть тело, которое, на твой взгляд, отделяет тебя от других тел, у тебя есть мысли, отличающиеся от чужих мыслей. Понимаешь? Вот что скрепляет - систему мышления, основанную на понятии раздельности. Я же говорю, что чувства лгут. Это всего лишь иллюзия, не имеющая ничего общего с действительностью. Когда разорвется жгут, когда исчезнет представление о всеобщей разобщенности, ты увидишь истину, скрывающуюся за этой ложью. Ты увидишь закон единства. Ты составляешь единое целое со всем и со всеми, поэтому сдвиг, о котором я говорю, пробуждение, которое предвидели пророки сотни и тысячи лет назад, перенесет нас в истинную действительность.

— Но как же быть с людскими страданиями? — спросил я. — Неужели мы должны закрыть глаза и притвориться, что их нет?

— Твои глаза и так закрыты, — сказал он. — Я думаю, ты откроешь их и разрешишь свои затруднения. В мире бесконечное количество проблем, ждущих своего решения. Ты сосредоточиваешься на одной, а на тебя наваливаются три других. Если бы ты осознал, что решение всех твоих проблем в твоих руках, то смог бы в одно мгновение изменить весь мир. Ты считаешь, что для избавления от таких вещей, как голод, болезни, насилие, требуются годы или даже целая жизнь. Поэтому ты ищешь ответы не внутри себя, а во внешнем мире. На самом деле ответы внутри, для этого нужно лишь изменить способ восприятия. Измени свое восприятие — и мир изменится сам собой.

* Это выглядит как-то слишком просто, — сказал я. — Должно быть, это не все?

* Почему? Возможно, это действительно просто, и именно твоя потребность в усложнении не давала тебе понять, что в этом заключается ответ. Что, если ответ в тебе самом? Что, если вовсе не нужно изменять кого-то другого, а проблема и решение неразрывно связаны с твоим собственным сознанием?

* Но как же все остальные? — спросил я.

* Забудь о них. А если рядом с тобой вообще никого нет? Если важно лишь твое решение?

* Я не понимаю, что вы хотите сказать.

— Один великий мистик однажды сказал, что пытаться научить других людей просветлению — все равно что спать и говорить, что ты не проснешься, пока не проснутся все персонажи твоего сна. С таким подходом ты надолго завязнешь во сне. Я пытаюсь заставить тебя понять лишь то, что твое решение повлияет на решения всех остальных людей по той простой причине, что ты — это все.

Я начал сомневаться, что когда-нибудь смогу его понять. Его наставления настолько отличались от моего опыта, они настолько не укладывались в рамки привычной мне логики, что казались совершенно невероятными. Или он в корне ошибается, или ошибка все, что я знаю об этом мире. Сложно сказать, кто из нас прав, так как Посланники, очевидно, обладали удивительными способностями. Их умение читать мысли и психологически контролировать окружающих их людей приводило меня в изумление. Поэтому у меня были основательные причины серьезно поразмыслить над услышанным, ведь они определенно знали много такого, о чем я даже не догадывался.

Дуро говорил мне, что у Посланников есть весть, которую они хотят донести до всего человечества. Оказалось, что это и было истинной причиной моего приезда в бывшую Югославию. Моей задачей было не петь или выступать с концертом мира, а получить эту весть и затем передать ее из тайного горного убежища всему остальному миру. В течение двенадцати Дней, проведенных с Посланниками, я начал ощущать ритм и пульс их послания. Истины, которыми они наделили меня, выражались в самом их образе жизни.

— Главное, что ты должен будешь сказать людям, — это то, что они готовы к неминуемым переменам, — сказал он мне. — Многих введет в заблуждение простота послания, но помни: глубочайшие истины всегда рядятся в ветхие одеяния. В том, что должно произойти, нет ничего сложного. На самом деле это самый естественный процесс, который только можно себе представить. Такой же, как взросление юноши. Конечно, будут страдания,

мучительные изменения и перекосы, но это не означает, что их следует избегать или бояться. Ребенок не может перестать расти из-за того, что боится естественного течения жизни. Это произойдет с согласия ребенка или без его ведома. Однако переход к новой жизни может переживаться по-разному: он может стать счастливым исходом, избавлением или же нанесет неизгладимую травму. Вот в чем состоит выбор. Сам рост не остановить.

* Так мы вступаем в пору юности или взросления?

* Все зависит от того, как на это посмотреть. Во многом мы вели себя как дети, и настала пора вырасти. Сдвиг может означать решимость принять на себя бремя ответственности за свои действия и за зло, которое мы причинили друг другу и нашей планете, точно так же, как подросток приспосабливается к новому, изменившемуся состоянию. Однако человечество также сделало гигантский скачок на пути осознания. Многие готовы испытать, что значит быть взрослым, и эти люди помогут повзрослеть другим. Мы подобны семье, в которой растут дети разного возраста. И все же все мы одинаковы, мы — одно целое, мы вместе работаем и вместе пытаемся познать, что значит жить.

* Так какое же послание вы хотите передать миру? — спросил я.

* Люди должны признать две простые истины, если они хотят безболезненно вступить в Новый Мир, основанный на законе любви. Ты сообщишь людям эти истины в той форме, какую сочтешь нужной. Многие люди уже сделали свой выбор, совершив важный шаг и став «Новыми Посланниками», и они поймут тебя. Именно к ним ты будешь отправлен на помощь, и они оценят простоту твоей вести, которая вдохнет в них новые силы.

Затем учитель сообщил мне Весть— две простые истины, которые перевернули всю мою жизнь. Последние три года я исколесил весь мир, возглашая эти истины всеми доступными мне средствами. Они изменили жизнь многих людей — просто потому, что мы наконец готовы услышать и принять их.

— Первое послание можно передать двумя словами: *ты готов*. Ты готов отказаться от ужасных верований, навязывавших тебе представление о всеобщей разобщенности. Ты готов принять действительность любви, лежащей в основе твоего бытия. Ты готов отдать свою любовь всему миру, ибо это единственный способ в полной мере испытать ее самому. Эти два слова, от которых так легко отмахнуться, станут катализатором и вызовут к жизни Новый Мир, где забыты ненависть и война, а единственным законом является мир.

Второе послание также заключается всего лишь в двух словах: *ты свят*. Ты не можешь сейчас даже представить себе, кто ты на самом деле. Если ты попал в единый Божественный Пульс творения, то соединился с Божественной святостью. Этого ничто не может изменить, потому что неизменен сам Бог. Когда ты поймешь это, когда ты начнешь прозревать эту истину в каждом встречном, включая и себя самого, мир изменится сам по себе. Ты увидишь, как на твоих глазах откроется великое чудо любви, потому лишь, что ты признаешь простую истину, что ты и Бог — одно целое, а потому ты един со всеми. Ты свят, и это не изменить. Радуйся этому сознанию, ибо оно — основа Нового Мира, в который ты скоро вступишь.

Затем он сказал незабываемые слова, которые глубоко запечатлелись в моей памяти.

— А когда ты примешь эти послания, поймешь, что ты на самом деле готов и что твоя внутренняя истина составляет самую суть святости, тогда ты перейдешь к следующему наставнику — вестнику любви. Этот учитель проведет тебя через **Дверь Вечности**, к самому месту пребывания души. Когда ты и остальные люди откроете свои сердца для этих новых чувств и переживаний, человечество вступит в Новую Зру, в которой царить будут сострадание и милосердие. И тогда ты поймешь все не разумом, а сердцем.

* Что такое Дверь Вечности? — спросил я.

* Это дверь в реальный мир. Или мост, связывающий твое бытие с твоей истинной родиной, которую ты можешь называть Раем. Она всегда находится прямо перед тобой и лишь ждет, когда ты в нее войдешь. Но вы, люди, убеждены в том, что

можете войти в эту дверь только после смерти, как будто ваше тело представляет собой непреодолимую преграду, не дающую вам обрести радость, уготованную для вас Богом. Единственная преграда на твоём пути — твой страх. Если ты сумеешь освободиться от навязанных тебе предрассудков и страхов, управляющих твоей жизнью, и с открытым сердцем принять любовь, связывающую тебя с Божественным истоком, Рай откроется тебе, как мать открывает объятия своему ребёнку. Ты похож на ребёнка, плачущего из-за того, что его оставили одного, хотя он сам этого хотел. Ты ищешь материнские руки, а вовсе не одиночества. В своём высокомерии ты отвергал любовь, которая одна лишь может освободить тебя от страха. И все же любовь никогда не покидала тебя, выжидая поры, когда ты наконец раскроешь глаза и примешь ее всей душой.

* Как мне войти в эту дверь?

* Этого я не могу тебе сказать. Тебе все объяснит твой следующий наставник. Тебе придется пройти множество испытаний, прежде чем ты найдешь его, но когда ты будешь готов, когда будет готово все человечество, Дверь откроется и Рай вернется на Землю.

За время пребывания у Посланников Света со мной произошло много необычайного, но слова, которые я услышал от учителя именно в тот день, изменили все раз и навсегда. Я понял, что отныне посвящу всю свою жизнь проповеди их посланий, но я даже не мог предположить, что меня ждет, не подозревая даже малой толики приключений и испытаний, которые выпадут мне на долю. И вот я находился в самом пекле войны, которой я не понимал, в центре межэтнического конфликта, который, казалось бы, самым своим существованием противоречил всему тому, что я услышал от Посланников. Множество вопросов оставались открытыми, и все же в боснийских горах со мной случилось нечто удивительное, и я хотел сообщить об этом всему свету.

Год спустя вышла моя книга *«Посланники Света»*. Я путешествовал по всему миру, пытаюсь донести до людей две простые истины, открытые мне Посланниками. Вскоре меня стали приглашать в

разные страны, которые захлестывали волны насилия, а концерт мира стал оказывать необычайное влияние на международную политику. Саддам Хусейн, президент запертого в блокаде Ирака, попросил меня выступить с концертом в Багдаде в те дни, когда всем казалось, что очередной войны невозможно избежать. Через несколько дней я получил приглашение от официального представителя правительства Северной Ирландии, просившего меня выступить в Стормонт-Касле (Белфаст) во время мирных переговоров. Концерты в Иерусалиме, Мексике и в штаб-квартире ООН также показали, что с нами происходит нечто странное. Во время каждого моего выступления миллионы людей по всему миру собирались небольшими группами в церквях и в своих домах, и даже на сайтах в Интернете, и молились о мире вместе со мной. И каждый раз мир пронизывал мощный импульс, призывавший человечество пробудить в себе дух сострадания и милосердия.

И все-таки я продолжал задавать себе один вопрос: Кто такой «следующий наставник», о котором говорил учитель? Кто такой «вестник любви»? Учитель сказал, что он будет символизировать собой сдвиг, который произойдет в сознании людей, сдвиг от страха к состраданию, и я начал понимать, что этот наставник будет учить не только меня одного, но и весь мир. Меня охватило нетерпение. Когда же я встречу того, кто проведет меня через Дверь?

В марте 1997 года я получил письмо от человека по имени Ристо Рундо, приглашавшего меня выступить с концертом мира в Белграде, столице Сербии. Завершающий аккорд войны в Боснии отзвучал год назад, но напряжение все еще было очень высоко. В то время десятки тысяч людей каждый день выходили на улицы Белграда, протестуя против тиранической политики президента страны. Это приглашение побудило меня продолжить исполнение моей миссии, которой я посвятил свою жизнь, миссии «трубадура мира». «Нам нужен этот концерт, — было сказано в письме. — Мы так хотим мира!»

Примерно в то же время неизвестный прислал мне газету со статьей «Загребская Мандала». В ней говорилось о том, что нескольким молодым людям в Хорватии и Словении явилось видение колеса с двенадцатью спицами. Это видение произвело на

них такое сильное впечатление, что они начертили колесо на полу и стали медитировать на нем. Посмотрев на иллюстрацию, я пришел в изумление. В газете было изображено то же самое колесо, которое я видел у Посланников в боснийских горах и которое служило точкой фокуса в их мистических медитациях. Между этими людьми и Посланниками, встретившимися на моем пути, определенно существовала какая-то связь, а поскольку я собирался вскоре поехать в Белград, то решил, что лучшую возможность выяснить, что происходит, сложно себе представить.

Я позвонил издателям газеты и все им рассказал. Потом я попросил их дать мне номер телефона в Хорватии. «Вам вовсе не нужно искать так далеко, — сказала женщина. — Двое главных членов этой группы, Иштар и Майя, сейчас в Южной Калифорнии. Помоему, в Сан-Диего. Если хотите, можете связаться с ними там».

Я звонил из Лос-Анджелеса, и это значительно упрощало дело. Я набрал номер, любезно предоставленный мне секретаршей, и поговорил с Майей. Через несколько минут разговора я решил, что мне необходимо с ними встретиться. Затем рассказал ей о Посланниках, желая узнать, какое впечатление произведет на нее моя история. Когда я закончил, на другом конце трубки повисло долгое молчание. «Приезжайте как можно скорее, — услышал я наконец. — Нужно поговорить. Это очень срочно».

На следующий день я поехал в Сан-Диего вместе с моей подругой Дженнифер. Двухчасовая поездка позволила мне немного успокоить мысли, будоражившие мое сознание и смущавшие меня все полтора года, которые прошли со времени моей встречи с Посланниками. Возможно, это начало нового витка, подумал я. Может быть, они знают, кто такой «новый наставник».

* Разве новый наставник не должен появиться, когда ты будешь готов к этому? — спросила Дженнифер. — Если хочешь знать мое мнение, чем больше ты об этом будешь думать, тем больше времени у тебя займут поиски. Просто расслабься и Делай, что тебе сказали Посланники. Твоя книга вышла, и послание начало доходить до людей. Когда время придет, все случится само собой.

Я не могу не думать об этом, — ответил я. — В том, как

* Учитель описывал «следующего наставника», мне послышался призыв поторопиться. Я рад, что моя книга вышла, и счастлив, что послание услышано, но меня ждет следующий шаг. Я чувствую, что не могу развиваться дальше, пока не появится «новый наставник».

— Об этом я и говорю. Ты перестал развиваться, потому что слишком сильно к этому стремишься. Тебе доверено удивительное и важное поручение, ты должен ездить по свету, распространяя весть Посланников. Если ты и дальше будешь думать только о том, что случится в будущем, можешь упустить из виду то, что происходит прямо сейчас.

Когда мы подъехали к дому, в котором остановились Майя и Иштар, я почувствовал, как мне сдавило грудь. Выйдя из машины, мы немного постояли, а я все думал о том, что со мной происходит.

* В чем дело? — спросила Дженнифер.

* Не знаю. Как только мы остановились, я почувствовал странное ощущение в области солнечного сплетения. У меня такое чувство, что по какой-то причине мне не следовало сюда приезжать.

* Мы ехали два часа, — сказала она. — Какой смысл возвращаться?

Она была права. Я не понимал, что говорят мне мои чувства, и говорят ли они вообще. Возможно, Майя и Иштар помогут мне связаться с «новым наставником», подумал я. Пути назад не было.

Мы постучали в дверь и услышали, как с той стороны отодвинули щеколду. Майя открыла дверь. Она улыбалась, а ее длинные светлые волосы были влажны. Очевидно, она недавно принимала душ.

— Извините, я только что закончила одеваться, — сказала она. — Пожалуйста, проходите. Иштар будет готов через несколько секунд.

Она провела нас в маленькую комнату с тремя креслами. Мы сели, и Майя убежала на кухню.

— Хотите чаю? — спросила она оттуда. Я посмотрел на Дженнифер. Она отрицательно покачала головой.

— Нет, спасибо, — ответил я. — А вы давно в Сан-Диего? Майя вернулась в комнату и села напротив меня. Она выглядела совсем молодой девушкой, ей нельзя было дать даже ее девятнадцати лет. Однако ее глаза рассказали мне о ней больше, чем лицо. Такое выражение глаз бывает только у тех, кто вынес много горя и страданий. Ее глаза были усталыми и темными, казалось, им нужен отдых. В остальном она ничем не отличалась от любой другой девушки.

— Мы здесь всего неделю, — сказала она, прихлебывая из чашки. — В Южной Калифорнии мы живем уже почти месяц. Но давайте лучше подождем Иштара, и тогда мы расскажем вам нашу историю.

И тут из спальни вышел высокий худой мужчина с глубоким, пронизательным взглядом. Мы с Дженнифер встали и пожали ему руку.

* Я Иштар, — представился он и сел рядом с Майей.

* Ну вот, теперь, когда все собрались, можно начинать, — сказала Майя. — Из того, что вы рассказали мне по телефону, я поняла, что, по-видимому, у нас много общего. Иштару было видение колеса. Именно благодаря ему мы и несколько наших друзей начали собираться и медитировать. Но это лишь одна из причин, по которым мы сидим вокруг колеса. Мы верим, что настала пора *вознестись* и нам нужно найти здесь, на Земле, нашу *семью вознесения*. Каждому из нас во сне являлась община духовных наставников, которые живут где-то в Южной Калифорнии. Нам кажется, что они где-то в горах, и мы знаем, что именно их нам и нужно найти. Они готовы вознестись, а мы Должны отправиться с ними.

Пока Майя говорила, Иштар смотрел на меня, и если бы его глаза испускали лазерный луч, его взгляд пронзил бы меня насквозь. Он не сказал ни слова, но не сводил глаз с меня и Дженнифер.

* Во сне, который приснился всем нам в одну и ту же ночь, — продолжала Майя, — мы видели дом, который, как нам кажется, стоит в районе Пасифик-Палисейдс. Люди, живущие в этом доме,

должны знать об этой общине. Мы надеемся, что они отведут нас к ней.

* И что тогда, по-вашему, случится? — спросил я.

* Мы вознесемся, — наконец вступил в разговор Иштар. Он говорил глуховатым, низким голосом. — Для этого мы и приехали. Нам нужно их найти.

* Мы обзвонили несколько сотен человек в поисках этого дома, — сказала Майя, положив руку на руку Иштара. — Каждый давал нам еще несколько имен, и мы задавали им тот же вопрос. Мы описывали дом, виденный нами во сне, и спрашивали у них, не знают ли они, где он находится. Каждый день мы бродим в окрестностях Пасифик-Палисейдс и ищем его, но до сих пор не нашли. У нас нет денег, и до недавнего времени мы спали где придется. В Сан-Диего мы приехали к другу, которого знали еще на родине. Через неделю мы вернемся в Лос-Анджелес и продолжим поиски.

* Где вы остановитесь? — спросила ее Дженнифер.

* Две недели назад мы встретили священника по имени отец Джон, и он пригласил нас к себе, — сказала Майя. — Он несколько раз был в Хорватии и Боснии, занимаясь примерно тем же, что и вы, Джимми. Я думаю, вам надо повидаться с ним. Это может быть полезным для вас обоих.

Я посмотрел на Дженнифер и понял, что она чувствует себя не в своей тарелке. При первой возможности я постарался подвести разговор к естественному выводу.

* Эти ваши Посланники кажутся нам очень похожими на тех людей, которых мы ищем, — внезапно сказал Иштар.

* Да, в вашем описании много общего, — ответил я. — А то, что я встретил Посланников в вашей стране, а теперь вы ищете такую же общину в моей, — это очень интересно.

* Мне кажется, вы знаете, куда нам нужно направиться, — продолжал он. — Если вы уже встречали Посланников, то, возможно, сможете найти их снова. Может быть, они уехали из Хорватии и приехали сюда.

Я хотел им помочь, но знал, что это не в моих силах. Очевидно, они напали на некий след, но в то же время я чувствовал, что они еще недостаточно подготовлены, чтобы понять, что они ищут в действительности. По-видимому, они искали выход из этого мира, и, судя по тому, что им довелось испытать в жизни, в этом не было ничего удивительного. То, что я узнал от Посланников, относилось вовсе не к уходу из этого мира, а к полному его принятию. Вознесение — не бегство, а естественное следствие отказа от любого вида бегства. Но как им это объяснить? Они так много претерпели и так страстно были увлечены поисками, что им никто не мог помочь, кроме них самих.

— Я хотел бы помочь вам, — сказал я. — Но мне совершен но неизвестно место пребывания Посланников ни в этой стране, ни в другой.

Через несколько минут мы с Дженнифер уже садились в машину и готовились к обратной дороге.

* Мне их жалко, — сказала Дженнифер, открывая дверцу машины.

* Почему?

* Потому что очевидно, что они искренни. Но столь же очевидно и то, что они не готовы найти то, что ищут. Впрочем, может быть, я подумала бы то же самое и про тебя, если бы встретила тебя в Хорватии.

*

В этот момент к машине подбежала Майя, протягивавшая мне клочок бумаги.

— Это телефон отца Джона, — сказала она. — Пожалуйста, позвоните ему, как только сможете. Вы должны с ним встретиться, что бы вы ни думали о нас с Иштаром.

Как только мы уехали от Майи и Иштара, я почувствовал все возрастающую тяжесть в животе, пока она не стала почти невыносимой. Казалось, что-то старается как можно дальше увести меня от них, а каждый раз, когда я думал о предстоящем разговоре с отцом Джоном, неприятное ощущение в желудке усиливалось. Я захотел выбросить его номер и покончить с этим. Но что, если в нем

ключ ко всему, что я ищу? Обстоятельства одновременно и влекли меня к этому человеку, и отталкивали меня от него.

Я решил позвонить отцу Джону через три дня после нашей поездки к Майе и Иштару. К моему удивлению, как только он поднял трубку, тяжесть, преследовавшая меня все это время, исчезла как не бывало. Я представился и сказал ему, от кого я получил его номер.

* Ах да, Майя говорила мне, что вы можете позвонить, — сказал он. — Похоже, в бывшей Югославии вы с толком провели время. Я только что купил ваших «Посланников Света», но еще не успел даже открыть книгу.

* По словам Майи, вы тоже были в Боснии, — сказал я.

* Да, несколько раз. Однажды, во время войны, я застрял в Сараево, а затем год спустя вновь приехал туда, чтобы установить *obelisk мира* ^{Город Творцов*} на том самом месте, где в 1914 году был убит эрцгерцог Фердинанд, из-за чего и разгорелась Первая мировая война. Видимо, земля помнит значительные события — конечно на энергетическом уровне, — причем как положительные, так и отрицательные. Мне кажется, установив обелиск мира и произнеся определенные молитвы, мы сможем нейтрализовать негативный энергетический вихрь и вернуть энергетику местности в нормальное состояние. Вот такими странными вещами я занимаюсь в последнее время.

Я сказал ему о концерте, который собирался дать в Белграде. Отец Джон объяснил, что он хочет поехать в Сербию и остаться там на долгий срок.

— В Сербии есть область под названием Косово, в которой в любой момент может разгореться межнациональный конфликт, — сказал он. — В Косово есть место, которое называют «Косовым полем». Здесь находится отправная энергетическая точка всех негативных событий, происшедших в этой стране за последние шестьсот лет. Во время последнего крестового похода на этом клочке земли состоялась битва, в которой погибла большая часть сербской армии. Слова «помни о Косовом поле» стали их военным кличем, и сербы до сих пор повторяют его. Практически любой конфликт в этой

части света так или иначе связан с этим полем. По-моему, это происходит потому, что сама земля еще не получила исцеления. Она постоянно напитывается новым притоком энергии от негативных эмоций, испытываемых при воспоминании о ней сербским народом. Я хочу поехать туда с обелиском мира и провести такой же обряд, как в Сараево. Мне кажется, мы можем исцелить землю и тем самым начать оздоровление всей этой области.

Я не слышал ничего подобного ни от одного священника. Священники обычно не рассуждают об «исцелении земли» и «негативных энергетических вихрях». Я решил, что должен Увидеться с ним, даже если бы у меня не было на то других, более насущных поводов. Он согласился, и мы договорились, что мы с Дженнифер приедем к нему домой вечером следующего дня.

* Я прочел сегодня «Посланников Света» и должен вам признаться, что потрясен, — сказал Джон, как только мы приехали. Это был маленький человечек с густой шевелюрой непослушных нечесанных волос, на нем был синий свитер, а на шее висел медальон с изображением Девы Марии. Затем я заглянул в его глаза и увидел в них глубокое сострадание. Они как будто излучали на собеседника спокойствие и умиротворенность. Мы сели с ним за кухонный стол, стоявший посреди гостиной. На нем лежали газеты, да и вся комната была завалена книгами и фотографиями.

* Что же вас так поразило в этой книге? — спросил я.

* Видите ли, чтобы это объяснить, потребуется некоторое время. Прежде всего, важно, чтобы вы получили полную картину того, кем на самом деле являются эти люди. Позвольте для начала задать вам пару вопросов. Знаете ли вы, откуда появились эти Посланники или, иначе говоря, откуда они ведут свою духовную родословную?

* Понятия не имею, — ответил я. — Они говорили, что Посланники существуют в той или иной форме уже тысячи лет, что они представляют древнюю мистическую школу.

* Все это так, но знаете ли вы, где и как они начинали?

* Нет... По правде говоря, я часто сам задумывался над этим,

но, когда я спрашивал у них, они не давали мне ответа. Они говорили, что это неважно и я должен сосредоточиться совсем на другом.

- * Может быть, они правы... Лично я считаю, что нам есть смысл подробнее обсудить их историю. Но прежде чем перейти к этому, я должен кое-что вам объяснить. Прежде всего, знаете ли вы три главных наставления, которые дал Иисус своим апостолам в Евангелиях?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я никак не мог понять, к чему все это. Наша беседа превращалась в урок библейской истории.

- * Первое наставление было дано всем апостолам на Тайной вечере, — продолжал Джон. — Он призвал апостолов любить друг друга без всяких условий^{Город Творцов***}. Это единственные три случая, когда Иисус давал своим апостолам прямые приказания.

- * Какое отношение это имеет к Посланникам? — спросил я.

— Рассмотрим сущность этих трех приказаний, — сказал Джон, как бы не расслышав моего вопроса. — Первое приказание, данное апостолам, на самом деле было обращено к общине верующих, которую мы называем церковью. Он разъяснил нам в простых и понятных словах основу всего своего учения. Второе приказание, данное Петру, в действительности относится ко всему священничеству. Первейшая задача, за которую несет полную ответственность церковь, состоит в обслуживании человеческих духовных потребностей.

Но самое таинственное приказание он отдал Иоанну. Если вы помните, Иоанн именуется «учеником, которого любил Иисус»^{Город Творцов****}. Нам также известно, что Иоанн единственный из апостолов не умер мученической смертью. Ясно, что ему была уготована особая роль. Очевидно, ему была доверена забота о самом священном для Иисуса — о его матери.

Я пребывал в замешательстве. Признаться, мне трудно было уследить за ходом его мысли. Все, что он говорил, не имело никакого отношения к Посланникам, а я хотел услышать от него лишь это. Хотя

его слова вызывали у меня неподдельный интерес, они ни на шаг не приближали меня к «следующему наставнику».

— Мне хотелось бы напомнить вам еще об одном обстоятельстве, — без перерыва продолжал отец Джон. — В конце четвертого Евангелия говорится, что Петр взглянул на Иоанна и сказал Иисусу: «Господи, а он что?» Иисус же ответил: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?» [Город Творцов*****](#). Почему Петр задал такой вопрос? И, еще важнее, что имел в виду Иисус? В отношениях между Петром и Иоанном было нечто такое, чего Петр никогда не мог понять. Петр должен был возглавить церковь, и он стал первым папой. Миссия же Иоанна окутана тайной. Ему было доверено попечение о матери Иисуса, и это практически все, что нам известно. Церковь, возглавленная Петром, не имела представления об истинной роли Иоанна.

Пойдемте дальше. Большинство историков признают, что Евангелие от Иоанна, Послания Иоанна и Откровение Иоанна, хотя и приписываются одному и тому же лицу, любимому ученику Иисуса, на самом деле были написаны двумя или тремя разными людьми. Считается, что Иоанн основал так называемую «Общину любимого ученика», члены которой слушали наставления святого и записывали их. Основой и средоточием их жизни стали последние слова Иисуса, обращенные к Иоанну перед смертью: «Се, мать твоя!» Они приняли ее в свои дома — или, иначе говоря, в свои сердца, а затем стали ожидать обещанного пришествия Христа.

Наконец я начал усматривать в его речи определенный смысл; элементы головоломки понемногу складывались в отчетливую картину.

* Что произошло с этой общиной? — спросил я.

* Этого не знает никто. Некоторые считают, что они затаились, ушли в подполье, если не все, то по крайней мере самые эзотерические ветви общины. Позднее многие секты, восходящие к ней, были объявлены еретическими и уничтожены официальной церковью. Единственным государством, придавшим этому эзотерическому обществу статус государственной религии, была современная Босния. Их

называли богомилами, что означает «любящие Бога», буквально «те, которым Бог мил». Членами этого же Ордена были катары и тамплиеры, но они также подвергались гонениям. Во время Темных веков всякий, кто не соблюдал официально установленной обрядности, либо предавался смерти, либо принудительно обращался «в истинную веру». Долгое время считалось, что эзотерический орден, основанный Иоанном, был уничтожен.

- * Но это было не так, — сказал я, наконец поняв, к чему он клонит. — Вы считаете, что Посланники Света являются продолжателями этого ордена, не так ли?
- * Мне кажется это вполне правдоподобным, — сказал отец Джон, поднимаясь с кресла. — Наверное, мне следует объяснить еще кое-что. Хотя я священник, мне всегда было ясно, что я одновременно вхожу в Общину любимого ученика. В строгом смысле слова, в своей церкви я еретик. Понятно, я не буду публично заявлять об этом, но тем не менее это правда. Я всегда видел свою задачу в том, чтобы способствовать восстановлению Ордена. Я также знаю, что он дожил до сего дня, но существует в глубочайшей тайне. Все члены Общины молятся о духовной эволюции человечества и ожидают возвращения Света Христова. Все это прекрасно соотносится с вашими Посланниками.
- * Тем более что Посланники жили в Боснии, — сказал я. — Если правда то, что религия этой общины была признана государственной в одной лишь Боснии, тогда неудивительно, что Посланники жили именно в этой стране.
- * Это правда, — ответил отец Джон. — Все, что я вам рассказал, вы можете найти в любой книге. В сущности, строго говоря, они даже не называют себя богомилами. Они именуют себя просто христианами, и все же у них нет ни иерархии, ни папы, а женщины пользуются равными правами с мужчинами. Они стремятся к совершенной простоте и в вере, и в жизни. Поэтому они представляли большую угрозу для официальной церкви, и с этой точки зрения их преследование выглядело

вполне обоснованным. Как вы знаете, Босния зажата в тиски между Хорватией и Сербией. Католики-хорваты и православные сербы жестоко преследовали богомилов, и эти гонения продолжаются по сей день.

* Правильно ли я понимаю, что все эти неприятности начались еще со времен Петра и Иоанна? — спросила Дженнифер. — Эти слова Евангелия, о которых вы только что говорили... Петра не должно заботить то, что Иисус поручил Иоанну. Не здесь ли уже был заложен определенный конфликт, источник раскола?

* Правильно, — сказал отец Джон. — На последней странице Евангелия от Иоанна проводится четкое разграничение между ролью официальной церкви, возглавляемой Петром, и миссией духовного братства, вдохновляемого Иоанном. По мере возрастания силы и влияния официальной церкви иерархия все меньше понимала цели и задачи, которые ставила перед собою ее наиболее тайная, эзотерическая часть. Петр получил подтверждение важности и необходимости миссии Иоанна из уст самого Иисуса, но что произошло через тысячу лет, когда церковь превратилась в прогнившую политическую организацию? Следующие несколько столетий она натравливала на эти общины инквизицию, стремясь полностью стереть их с лица земли. Поэтому им пришлось уйти в подполье и пребывать там до сего дня.

* То, что меня пригласили к Посланникам, а сами они попросили меня распространять их учение, показывает, что они собираются вернуться к активной жизни, — сказал я.

* Согласен, — ответил отец Джон. — Как сказал в Евангелии Иисус, линия Иоанна дождется второго пришествия. Ваши Посланники говорили о новом наставнике, «вестнике любви». Мне кажется, кем бы ни был этот наставник, именно он является носителем Света, которого мы так ждали. Посланники наконец нарушили свое молчание, попросив нас уготовить путь грядущему, как Иоанн Креститель уготовил путь Иисусу.

Меня ошеломила внезапность и важность этого открытия. Когда учитель попросил меня возвестить людям, что они готовы к скорому

преображению, его слова следовало воспринимать в буквальном смысле. Он сказал, что нужно подготовить людей к восприятию грядущего откровения, иначе оно пройдет мимо них. Иоанн Креститель обошел весь Израиль, призывая покаяться и уготовить путь Господу. Он также подготавливал людей к возглашению учения Иисуса. И вот, через две тысячи лет, вновь проносится этот призыв, и услышать его должны не только Посланники, но и весь мир.

— Я долго ждал такой возможности, — сказал мне отец Джон. — Мне кажется, Посланники, которых вы встретили в боснийских горах, составляют самую тайную и скрытую ветвь Общины любимого ученика, основанной святым Иоанном.

И мне думается, что они точно знают время второго пришествия, о котором мы с вами можем только подозревать. У меня есть ощущение, что я знаю, кто такой «новый наставник», но пока что я не могу этого сказать. Я хотел бы, чтобы вы встретились с одной женщиной. Это шаманка, живущая здесь, в Лос-Анджелесе. Ее зовут Шринат Деви. Мне кажется, она должна знать, что нам делать дальше. Впрочем, прежде чем встретиться с ней, нам нужно подготовиться к поездке в Сербию.

* Я не понимаю, — сказал я. — Вы собираетесь поехать со мной?

* Я чувствую, что мне необходимо поехать на Косово поле и установить там обелиск мира. Мне кажется, что ваш концерт представляет собой прекрасный предлог, а приехав туда, мы сможем заняться настоящим делом. Может быть, мы больше узнаем о «новом наставнике», о котором говорили Посланники. Ведь вы хотите именно этого?

Я согласился с ним, и мы решили отправиться в Сербию вместе. Эти внезапные события удивляли меня, но я чувствовал, что все идет по плану. В отце Джоне было что-то особенное, вызывавшее во мне искренний интерес, а его познания в истории общины святого Иоанна сильно нам помогли. Мы с Дженнифер попрощались и пообещали позвонить ему на следующий день, чтобы выправить визы и назначить день отлета.

Из статьи отца Джона, озаглавленной «Истинное значение битвы на Косовом поле»

Битва на Косовом поле состоялась 28 июня 1389 года. В ней сражались войска христианского союза под началом сербского князя Лазаря и армия турок-мусульман во главе с султаном Мурадом. Князь Лазарь был не только прекрасным вождем. Он был духовно просветленным и святым человеком. Все сербские дети на протяжении многих столетий слышали в школах рассказ об одном удивительном событии. В ночь перед битвой пророк Илия, приняв облик огромного сокола, явился князю Лазарю с посланием от святой Девы Марии. На выбор князю предлагалась либо великая мирская, либо великая духовная победа. Выбрав мирскую победу и «царство от мира сего», он одержал бы победу над турками. Если бы он выбрал духовную победу и Царствие Небесное, его и его войско ожидала бы гибель в бою. Будучи глубоко верующим человеком, князь без колебаний выбрал духовную победу. На следующий день он проиграл сражение. В бою погибли и князь Лазарь, и султан Мурад.

Значение обещанной духовной победы заключалось в победе над этническим и религиозным национализмом, в создании уникальной балканской мусульмано-христианской культуры. Выбор Царствия Небесного, который сделал князь Лазарь, в конечном счете привел к расцвету различных религиозных и национальных культур, живших в мире и взаимном уважении. Это сосуществование приобрело особенно яркую форму в Боснии, а в Сараево римско-католическая церковь, мечеть, православный храм и синагога находились на расстоянии двухсот метров друг от друга. Сараево стало провозвестником будущего мира и оплотом борьбы с религиозным фундаментализмом и фанатизмом.

Неспособность сербских националистов понять значение духовной победы и их возмущение материальными потерями привело к постоянно возобновлявшимся попыткам реванша. Они стремились создать такое положение вещей, как будто битва на Косовом поле не была проиграна, как будто мусульмане никогда не жили в Косово, как будто не было сотен лет культурного расцвета и уникального опыта мирного сосуществования мусульман и христиан, как будто князь Лазарь выбрал не духовную победу, а мирскую.

Памятник погибшим в битве на Косовом поле, установленный на месте событий, превратился в символ сербского религиозного национализма, символ тех самых ценностей, которые отверг князь Лазарь, избрав духовную победу. Сербия выступила против своего величайшего духовного вождя, его заветов и обещания святой Девы Марии.

В результате духовное преображение, для которого князь Лазарь и принес свою великую жертву, отдалилось на неопределенный срок, а сербы, не осознавая этого, стали служить силам тьмы, с которыми заключили неосознанный союз. Таким образом, сербский народ превратился в орудие зла или, скорее, во врата, через которые великое зло грядет в этот мир, неся с собой беды и страдания, которые обрушатся как на другие народы, так и на самих сербов.

Известно, что Первая мировая война была вызвана убийством эрцгерцога Фердинанда, павшего в Сараево в июне 1914 года от руки сербского националиста Гаврилы Принципа. Эти события, в свою очередь, проложили дорогу Второй мировой войне, успехам Адольфа Гитлера и нацистской партии, холокосту и другим ужасам недавнего прошлого. Иногда весь этот исторический цикл объединяется под названием Великой войны 1914-1945 годов. Война, разгоревшаяся в бывшей Югославии, подвела черту под столетием общеевропейских конфликтов, вылившись в самую мощную после Гитлера волну насилия на религиозно-этнической почве. Гораздо меньшей известностью пользуется тот факт, что все эти события неразрывно связаны с Косово и обетом князя Лазаря.

Гаврила Принцип, сербский националист, специально выбрал день 28 июня для убийства эрцгерцога. Это была годовщина битвы на Косовом поле. Однако ему оставались неизвестными истинная природа и цели подпольной группы, подтолкнувшей его к покушению. Это не были националисты, разделявшие его воззрения, как полагал сам Принцип. Это была тайная сербская оккультно-террористическая организация «Черная рука». В этом свете события 1914-1945 годов приобретают совершенное иное значение.

Темные силы, выпущенные в мир благодаря этим событиям, продолжали свою деятельность, и это вновь приводит нас на Косово поле 28 июня 1989 года, в день 600-летия битвы. Президент Сербии, а

также последний президент Югославии Милошевич произнес на Косовом поле историческую речь, стремясь собрать под свои знамена последних сторонников мирского преуспевания Сербии. Этот последний трагический пример неправильного истолкования духовной победы, одержанной на Косовом поле, и Божьего завета князю Лазарю, породил все те ужасы и несчастья, которые в течение последних десяти лет обрушивались на Боснию, Хорватию и Словению, а потом и на само Косово. Все это были горькие плоды неверного понимания истинного значения битвы на Косовом поле.

Теперь, на рубеже тысячелетий, мы вновь сражаемся на Косовом поле. Нам остается лишь молиться и надеяться на то, что значение первой косовской битвы, а также ее исторических и духовных последствий на сей раз получит правильное и глубокое осмысление. Нужно же наконец понять, что именно поставлено на карту, и тогда это будет последний бой. Помолимся же о том, чтобы мы выстояли в этом сражении, не ослабев духом!

Люди говорят о национальных интересах, придавая этому выражению политический или экономический смысл. Но нужно помнить, что кроме этого существуют еще интересы народной души и народной морали. Остановить зло — в духовных интересах любой народной души, а особенно сербской души, оскорбляемой ныне действиями и философией Милошевича.

За неделю до назначенного дня нашего с Джоном отбытия в Сербию я поехал в Прескотт (штат Аризона), чтобы навестить мою давнюю подругу Лиз Стори. Она жила со своим мужем Джоэлом на вершине небольшой горы в нескольких милях от самого города, и я надеялся набраться у них новых сил и хорошенько подготовиться к предстоящей поездке. Лиз — знаменитая пианистка. Каждый день, когда она занималась, настезь распахнув двери и окна, звуки музыки настигали меня повсюду, даже по время прогулки по лесу. Это было подобно чуду, вселявшему в мое сердце радость и силу.

Через несколько дней после того, как я встретился с Джоном, меня вновь стали преследовать тяжелые и неприятные ощущения. Не понимая вызывавших эти ощущения причин, я подумал, что мне может помочь свежий горный воздух. Когда облегчения не произошло, я начал беспокоиться. Все это тянулось с того самого дня,

когда мы с Дженнифер поехали к Майе и Иштару. С тех пор я постоянно неважно себя чувствовал. Неприятные ощущения обострялись каждый раз, когда я обращался мыслями к поездке в Сербию. Я начал думать, что мне вообще не стоит отправляться в это путешествие. Но откуда я мог знать, была ли это игра моего воображения или настоящее предостережение?

Наутро того дня, на который я назначил возвращение в Лос-Анджелес, я выглянул в окно и увидел, что за ночь выпало около метра снега. Мы с Лиз были одни в доме, и вскоре нам стало ясно, что мы застряли. Несколько часов мы пытались вывести машину на дорогу, но у нас ничего не вышло. Без каких-либо вменений прошли два дня. На следующий день я должен был лететь в Сербию, и положение выглядело безнадежным.

* У меня такие же трудности, — сказал отец Джон, когда я позвонил ему, — может, не такие тяжелые. Мне начинает казаться, что некие силы пытаются помешать нам в этой поездке.

* О каких силах вы говорите? — спросил я.

* Я уже рассказывал вам об оккультной истории Сербии. Все эти группы до сих пор активно действуют в этой стране, и больше всего им не хотелось бы, чтобы мы приехали и разругали ту черную магию, которой они занимаются. Возможно, ваша снежная буря не более чем совпадение, но я думаю, они способны вызывать такие явления, если захотят. Мы пока не можем понять эти силы.

* Все это звучит несколько странно, — ответил я. — Но ели вы говорите правду, то мы уже проиграли. Я не вижу, каким образом я смогу выбраться отсюда.

— Это не так. Сил, работающих во благо, всегда больше тех, что вредят во имя зла. Будем молиться, и они придут к вам на помощь. Если наша миссия предрешена, вы сможете выехать.

Я повесил трубку и лег на диван. Лиз разгребала снег лопатой, но я был уже слишком измотан. Я закрыл глаза и произнес короткую молитву: «Силы добра, если мне уготовано судьбой отправиться в эту поездку, выведите меня с этих гор. Я знаю, что вы сильнее всех злых

сил, устроивших этот занос. Я хочу поехать, хочу выполнить мою задачу. Если и вы этого хотите, помогите мне».

Лиз открыла дверь и стряхнула снег с одежды. «У меня есть идея, — сказала она. — В городе у меня живет знакомый парень, у которого есть огромный четырехколесный грузовик. Спорю на что угодно, он сможет взобраться сюда наверх и вывезти отсюда нас обоих».

Лиз позвонила своему знакомому, и к концу дня мы были уже в Прескотте. В городе дороги были значительно лучше, снега было совсем немного, и я смог добраться до Лос-Анджелеса. Около часа ночи я входил в дом отца Джона, за двенадцать часов до отлета. Тяжесть в желудке на время исчезла, и я праздновал победу. Но надолго ли? Я начал верить всем странным вещам, которые услышал от отца Джона. Возможно, происходит нечто такое, о чем я даже не подозреваю. Я никогда не испытывал ничего подобного во время моих прежних поездок, хотя некоторые из них были довольно опасными. Сейчас все было по-другому, и я хотел понять, в чем же именно заключается это отличие.

За два часа до отлета из Лос-Анджелеса отец Джон объявил, что пришло время навестить его хорошую знакомую Шринат Деви. «Она ревностная католичка и одновременно шаман высшей ступени, — объяснил он мне. — Она помолится с нами перед отъездом. Для меня это своего рода традиция».

Мы остановились перед маленьким домиком в бедном пригороде Инглвуд. Когда мы вышли из машины, я ощутил странное чувство, как будто мы ступили в луч света. Мы с Джоном подошли к черному ходу и постучали в дверь. Через несколько секунд перед нами стояла высокая черная женщина с глубоким лучащимся взглядом. Не успели мы сказать и слова, как она взяла нас за руки и увела на передний двор.

— У меня есть для вас весть от Матери, — сказала она. — Вам нужно получить Ее благословение, ибо вы выполняете Ее поручение. Именно Она отправила вас в эту поездку.

Завернув за угол, я увидел деревянную часовенку. Над трехметровым изваянием Девы Марии были краской написаны слова

«Царица мира»^{Город Творцов*}. Шринат Деви буквально заставила меня опуститься на колени и сказала: «Молитесь о напутствии. Иначе там вам будет плохо. Это переломный момент для всего мира и для вас самих. Но если все мы обратимся к Ней, все будет хорошо».

Затем она положила одну руку мне на сердце, а другую — на спину. «Отец Джон, давайте вместе трижды вознесем молитву», — сказала она через плечо. Я услышал, как их голоса слились в звуках молитвы, но я чувствовал, что они доносятся издалека, как будто я покинул этот мир и перенесся в совершенно иные сферы.

Но это было не так. Я оказался в хорошо знакомом мне месте, в котором провел много времени во времена моей невинной юности. Внезапно я вернулся в Меритаун, монастырь близ Чикаго, и молился перед статуей Девы Марии, которую я так любил. Я ощущал Ее присутствие, и слезы радости полились из моих глаз. Я как будто вновь переживал любовь, и весь мир лежал у меня в ладонях. Я хотел войти в этот луч света, напитаться его милосердием и святостью. Мир обволакивал меня со всех сторон, а затем заполнил все мое существо.

В разгар этого переживания я почувствовал, что Шринат Деви наклонилась к моему уху. «Вот так, молодец. Она прямо перед тобой. Она хочет сказать тебе, что Она никогда не забывала о тебе, даже несмотря на то, что ты забыл Ее. Сейчас ты Ей нужен, Она послала много ангелов, чтобы они вновь привели тебя к Ней. Она хочет, чтобы ты поехал в Междугорье, боснийскую деревню, в которой Она явилась шести маленьким детям. Там ты увидишь Ее, и Она даст тебе наставление. Сделай все, чтобы попасть туда, ибо именно там должно случиться чудо».

Затем она сказала мне слова, которых мне никогда не забыть: «Ни о чем не беспокойся, ибо Мария проведет тебя через Дверь. Это Ее ты ждал так долго».

Сознание внезапно вернулось ко мне, и я чуть не упал на спину, когда Шринат Деви убрала руки. Несколько мгновений я не мог шевельнуться. Сидел на траве, подобно статуе. Наконец я взглянул на нее и спросил:

* Вы читали мою книгу «*Посланники Света*»!

* Я не читаю книг, — ответила она. — И даже не знала, что вы писатель.

* Тогда откуда вы знаете, что я ищу наставника, который откроет передо мной Дверь Вечности?

* Я знаю только то, что говорит мне Мать, — был ответ. — Это все, что мне нужно знать. Просто делай то, чего Она хочет. Поезжай в Междугорье, и увидишь, чего Она ждет от тебя.

* Вы что-то говорили о чуде, — сказал я. — Какое чудо там должно случиться?

— Пришло Ее время... Настал час. Настал час Ее пробуждения. Понимаешь, о чем я? Именно сейчас Она призывает к себе на помощь множество людей, которые помогут Ей основать новый мир. Ей нужно, чтобы ты нашел того, кто несет Свет Христов. Пришло время найти его. Когда ты отправишься в Междугорье, она все объяснит тебе сама. Это место обладает высочайшей энергетикой. Тебе нужно обязательно там побывать.

Я очень хорошо знал деревню, о которой шла речь. Именно там закончилось мое приключение с Посланниками. Именно там, на невысоком холме, я последний раз встретился с Учителем. Он напомнил мне о Двери и еще раз рассказал о грядущем «новом наставнике». Именно там, в Междугорье, шесть детей в 1981 году увидели святую Деву Марию, и с тех пор миллионы людей стекались в маленькую деревню, чтобы ощутить ее присутствие.

Являясь людям в Междугорье, Мария возвестила несколько предсказаний о будущей войне и о том, что произойдет, если мы не обратимся сердцами к Богу. Многие ее предсказания сбылись, но меня прежде всего привлекала весть о мире. Мария сказала, что грядет мирная эпоха, но она наступит только в том случае, если мы сделаем правильный выбор. Иначе нам предстоит эпоха великих испытаний. На меня лично произвела большое впечатление энергия в Междугорье. Она очень напоминала то, что я испытывал у Посланников. Однако я не чувствовал никакого особенного желания возвращаться туда — по крайней мере, до этого момента.

* Похоже, вы говорите о Втором Пришествии, — заметил я. — Вы хотите сказать, что Иисус скоро снова придет на землю?

* Я говорю, что Свет Христов уже вернулся в мир. Я ничего не говорила об Иисусе. У Нее было двое детей, но второй ребенок очень долго спал. На самом деле они — это один и тот же ребенок, просто они по-разному проявляют себя. Ты должен найти второго, который в действительности первый.

Я взглянул на отца Джона. Мне хотелось увидеть, понимает ли он, о чем говорит эта странная женщина. Очевидно, она просто неправильно выразилась, ведь если бы она на самом деле хотела сказать, что у Марии было два ребенка и один из них спал две тысячи лет, то всю эту бессмыслицу нельзя было бы расценивать иначе как ересь, за которую в прежние времена людей сжигали на кострах.

— Не пытайся понять то, что я сказала тебе, — продолжала она. — Сейчас ты не сможешь этого вместить. Ты поймешь все после встречи с Ней. Тогда все прояснится. Она объяснит тебе все.

Я взглянул на отца Джона и показал ему, что нам пора. Что дала мне эта встреча, спрашивал я сам себя. Неужели я должен был принять ее слова буквально? Или это была мистическая метафора, которая наполнится смыслом лишь по прошествии времени? Казалось, Джон пребывал в таком же замешательстве, что и я, но, когда он поднялся, чтобы попрощаться с Шринат Деви, она что-то прошептала ему на ухо. Джон кивнул, и затем мы вышли.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросил я, когда мы сели в машину.

* Не могу сказать точно, — ответил он. — То, что она говорила о двух детях Марии, показалось мне несколько странным, но Шринат Деви часто говорит загадками. Возможно, тут есть глубинный мистический смысл. Тогда для его раскрытия потребуется время.

* Что она прошептала вам на ухо?

* Ну, мне кажется, в этом нет никакой тайны, — ответил он. — Она попросила меня помочь вам во что бы то ни стало попасть в Междугорье. Мы обязательно поговорим об этом позже. Возможны проблемы.

Через час мы с Джоном вылетели в Сербию и тут же начали пересматривать наши планы. Вся сложность заключалась в том, что у

нас были лишь однократные въездные визы. Если мы выедем из Сербии, то уже не сможем вернуться. Это обстоятельство сводило на нет основную цель нашего путешествия — водружение обелиска мира на Косовом поле. Однако я кожей чувствовал, что слова Шринат Деви исполнены истины. Я знал, что она права. Так или иначе, я должен попасть в Боснию, а затем вернуться в Междугорье. Я думал, что Мария позаботится обо мне, — конечно, если она действительно ведет меня по этому пути.

Во время перелета я иногда вновь испытывал боль в животе. Боль нарастала по мере того, как мы приближались к нашей цели, и я испугался, как бы не заболеть совсем. Я рассказал о своих неприятностях Джону, и он попытался меня успокоить.

* Думаю, мы были правы в наших предположениях об энергетике Сербии, — сказал он. — Как только мы вошли в воздушное пространство этой страны, я тоже почувствовал тяжесть, как если бы всю страну накрывала огромная черная перчатка, не пропускающая свет. Я начинаю думать, что мощь тайного общества, о котором я раньше говорил, больше, чем я предполагал. Они не желают нашего появления, так как наше присутствие, по-видимому, ставит под угрозу их дела и цели.

* И что нам с этим делать? — спросил я.

* Нужно делать то, зачем мы сюда прилетели. Вы выступите с концертом и вознесете молитвы о мире. Затем мы поедем в Косово и установим там обелиск мира. Нам будет необходимо как можно быстрее уехать, как только мы закончим нашу работу. У этих вещей огромный потенциал к противодействию, энергетически отрицательной реакции. Нам не следует подвергать себя большей опасности, чем необходимо.

* Как мы можем защитить себя?

* Нам нужно держаться вместе, что бы ни случилось. Силы, препятствующие нам, попытаются разделить нас, поскольку это уменьшит нашу способность к действию. Мы не можем им это позволить.

* Меня беспокоит только одно, — сказал я. — Шринат Деви сказала мне, что я должен поехать в Междугорье, чтобы

получить весть от Девы Марии. Однако если мы уедем из Сербии, то не сможем вернуться. Мне кажется, нам двоим будет сложно выполнить обе наши миссии, хотя обе они чрезвычайно важны.

- * Могу лишь повторить, что нам следует держаться друг друга, — ответил он. — Я думаю, нам все-таки стоит вместе съездить на Косово поле. Если мы собираемся ослабить негативную энергию, довлеющую над Сербией, лучше места нам просто не найти.

Мы прибыли в Белград и оказались в самом сердце удивительной революции. Нанад, человек, занимавшийся организацией концерта мира, встретил нас в аэропорту. Мы с Джоном несли шестифутовый обелиск мира, упакованный в коробку. Нас с ним едва пропустили на таможне.

— К сожалению, вместо приветствия я должен сообщить вам плохие новости, — сказал Нанад, когда мы наконец прошли досмотр. — Ваш концерт мира отменен. Положение сейчас очень сложное, и у нас нет выбора. Это решение правительства.

Нанад был высоким, крепко сбитым человеком с абсолютными белыми волосами. Его глаза излучали тепло, а на лице было написано выражение самого искреннего дружелюбия, но я не смог скрыть своего разочарования.

- * Что значит «решение правительства»? — спросил я. — Я думал, все будет в порядке.
- * Так и было, — ответил он, забирая у нас обелиск с такой легкостью, как будто он был не тяжелее бейсбольной биты. — Марши протеста привели правительство в панику, и оно решило, что разрешать вам выступать сейчас нельзя. Это принесет им только новые неприятности.
- * Мне казалось, Милошевич согласился с их требованиями, — сказал Джон. — Почему они продолжают протестовать, если достигли цели?
- * Многие сербы не успокоятся, пока не вынудят его уйти. Как я уже сказал, у нас настали сложные времена, особенно после

войны в Боснии. А теперь положение ухудшается и в Косово. Похоже, нашим бедам нет конца.

Ночь в Белграде была темной и холодной, а воздух был напоен запахом отчаяния, который испускал этот город, лишенный всех надежд на светлое будущее. Джон сказал, что он почувствовал это зловещее облако в тот самый момент, когда мы вошли в воздушное пространство Сербии, пока мы были еще в самолете. Все здесь напоминало мне Сараево, только без бомб и горящих зданий. И все же здесь явственно ощущалась та же отрицательная энергия, тот же дух уныния, который я чувствовал в других странах, раздираемых враждой и ненавистью.

Нанад снял нам комнату в гостинице на окраине Белграда. Мы ехали по темным улицам мимо длинных колонн людей с опустошенными лицами. Я не мог понять, зачем они стоят вместе, если взгляды их так холодны. И все же я чувствовал их смятение и мог проникнуть взглядом в непроницаемые сердца. Все это отзывалось болью в моем животе, и я не знал, как долго смогу это вынести.

Снаружи гостиница смотрелась вполне прилично, но когда мы открыли дверь в нашу комнату, у меня екнуло сердце. Она представляла собой темный куб с одним маленьким окном и четырьмя кроватями. И все! Ванной не было, только раковина и паровой нагреватель, из которого шла холодная как лед вода, единственный туалет был расположен на другом этаже в самом конце длинного коридора. Очевидно, в нем уже несколько недель не убирали. Кроме того, он был неисправен. Впрочем, по-видимому, это не мешало живущим в гостинице продолжать его использовать.

По счастливому стечению обстоятельств комната была предоставлена в распоряжение нам с Джоном, хотя администратор дал нам понять, что к нам в любой момент могут подселить соседа. Так уж заведено, это политика гостиницы, и с этим он ничего не может поделать. Упав на жесткий матрас, я почувствовал, что со мной что-то не так. Однако болело у меня не тело, а душа. Меня как будто обволакивало нечто, не давая дышать и даже шевелиться. У меня начала болеть голова, а в душе моей нарастал безотчетный страх. Я

думал лишь о скорейшем отъезде. Однако мы только что прибыли. Нам некуда было уезжать.

* Что-то пытается овладеть тобой, — сказал мне Джон. — Большинство священников уже не верят в одержимость, а я вот видел ее своими глазами. Эту негативную энергию привлекают как раз такие вещи, как то, ради чего мы сюда приехали. Ее притягивает любая попытка духовного обновления. Демонические силы готовы на все, лишь бы обречь нас на поражение. На сей раз, похоже, они особенно привязались к тебе, хотя я тоже чувствую их присутствие. Но им не так легко ко мне подступиться, так как у меня больше опыта в таких делах. Я умею защищаться от этой нечисти.

* Сделай же что-нибудь, — попросил я, протянув к нему руку. Я находился на грани духовного истощения. Мое здоровье, казалось, капля за каплей вытекало из моего тела. Я ощущал гнетущее чувство страха. Я был вынужден напрягать все свои силы, всю свою энергию, только чтобы не упасть в обморок. Стены комнаты смыкались вокруг меня, а звуки, доносившиеся от протекающего крана, почти сводили меня с ума.

* Что бы ни случилось, — сказал Джон, — постарайся не потерять сознание. Вслушивайся в мой голос. Я помолюсь за тебя и попытаюсь прервать твой контакт с негативной энергией. Скажи мне, как давно это началось?

* С тех пор как я встретился с Майей и Иштаром, — ответил я. — После этого я время от времени чувствую недомогание.

* В какой части тела у тебя самые неприятные ощущения?

* В области желудка. Я едва дышу.

* Дыши ровно, делай медленные вдохи и выдохи, — сказал он, становясь над моей кроватью. — Темные силы пытаются лишить тебя энергии. Они думают, что в их власти заставить тебя уехать из Сербии, и тогда они смогут и дальше беспрепятственно угнетать сербский народ. Легионы демонов не дадут свету пролиться на эту землю. Не закрывай глаза и продолжай дышать. Я попытаюсь тебе помочь.

Внезапно его голос стал доноситься до меня из какой-то неведомой дали. Я увидел, как он надел епитрахиль и достал черный молитвенник. Джон перекрестил меня и начал молиться. Слова молитвы эхом отзывались в моем сердце, и я жадно впитывал их целительную силу. И вместе с тем я не понимал ни слова. Время от времени я чувствовал, что проваливаюсь в сон, и тогда Джон несильно встряхивал меня, не давая мне заснуть.

— Не засыпай, — сказал он. — Начинает действовать.

Он положил ладонь мне на лоб, а затем начертил на лбу большим пальцем знак креста. Внезапно я ощутил пустоту в желудке, как будто с него сняли давивший груз. Джон отступил на шаг и начал размахивать руками в воздухе, произнося слова на непонятном мне языке. Он говорил все громче и наконец возвысил голос почти до крика. Голова у меня отяжелела, и, помнится, промелькнула мысль, что я сейчас умру.

Я поднял глаза и увидел страшное зрелище. Из моего тела выходило нечто, похожее на черное облако, на несколько мгновений зависшее в воздухе, будто пытаюсь вновь проникнуть в меня. Казалось, Джон тоже заметил это, так как он устремил на облако такой пристальный и пронзительный взгляд, какого раньше я никогда у него не видел. Он продолжал молиться, снова и снова творя крест перед черной тучей. Я наблюдал за борьбой с внутренним неверием в благополучный исход. Я не мог ни пошевелиться, ни даже свободно вздохнуть. Какая-то часть моего сознания не давала мне поверить собственным глазам. Казалось, я на самом деле заснул и видел ужасный сон. Но я не спал, все это происходило наяву, и я ничего не мог сделать.

Затем внезапно, без предупреждения, все кончилось. Черная масса исчезла, и Джон закрыл книгу. Он в последний раз сотворил крест, а затем подошел ко мне.

— Теперь можешь поспать, — прошептал он мне на ухо. — Все будет хорошо. Поговорим завтра.

Я чувствовал, что сон мне необходим. Но как я мог заснуть после всего, что случилось? Должно быть, воображение сыграло со мной злую шутку, подумал я. Что еще я мог подумать? Любая другая мысль вселяла в меня ужас.

Меня разбудили звонкие автомобильные гудки, раздававшиеся на улице. В окно лился яркий свет, и я наконец смог разглядеть нашу комнату. При дневном свете она производила даже более отвратительное впечатление, чем в вечернем полумраке. Обои клочьями свисали со стен, а в потолке красовались три большие дыры. К счастью, к нам еще никого не успели подселить: прошлой ночью желающих занять эту лачугу так и не появилось. И все же события вчерашнего дня настолько вымотали меня, что я не хотел вставать. Тут дверь открылась и в комнату вошел Джон.

— Привет, Джимми, — сказал он. — Рад, что ты проснулся. Я не хотел тебе мешать, поэтому решил прогуляться по окрестностям. Как ты себя чувствуешь?

* Как будто у меня похмелье, — ответил я. — Я почти ничего не помню из того, что вчера было. Мне все кажется, что это был сон.

* Это меня не удивляет. В каком-то смысле это действительно тебе примерещилось. Ты находился под сильным психическим воздействием. Не знаю, что бы с тобой было, не окажись здесь меня, тебе бы плохо пришлось.

* Так это правда? — я был крайне удивлен. — Кто-то пытался меня сломать, и это ему почти удалось. Но зачем?

— Ты сам знаешь зачем. Нам не следует быть здесь, по крайней мере с точки зрения тех, кто действует во имя зла. Если мы установим в Косово этот обелиск мира и проведем запланированный мной обряд, положение вещей в корне изменится. Однако вещи не хотят меняться, и в этом заключается основная сложность. Отрицательная энергия, воздействие которой ты испытал на себе вчера вечером, вошла здесь в обиход. Люди даже не замечают ее. Представь себе, что ты так привык к дождю, что забыл, как выглядит солнце. Вот так и здесь, но теперь все изменится.

— Мне кажется, с меня сняли некий груз, — сказал я. — Что бы это ни было, теперь я этого не чувствую.

— Да, теперь этого нет. Глядя на тебя, я с уверенностью утверждаю, что мы очистили энергетическое поле вокруг тебя. Весь вопрос в том, хочешь ли ты поддерживать чистоту этого поля?

— Что ты хочешь сказать?

— Если мы собираемся выполнить нашу миссию, то мы должны сохранять бдительность. Мне кажется, злые силы, назови их как тебе угодно, привязались к тебе, потому что ты не был чист. Наша задача очень опасна и сложна, нам очень важно сохранять сосредоточенность и полностью сконцентрироваться на нашей цели. В противном случае тебя может потянуть в какую-то другую сторону... не очень хорошую.

* Что ты предлагаешь делать? — спросил я.

* Прежде всего выберемся из этой гостиницы. Неважно, сколько это будет стоить, но нам нужно позаботиться о себе. В этом месте действует очень низкая и подавляющая энергия, сильно усложняющая нашу работу. Мы поедем в город и найдем что-нибудь получше.

* А потом?

* А потом будем ждать, — сказал Джон. — Будем ждать знака. Должно случиться нечто такое, что укажет нам путь. Несколько дверей захлопнулись прямо перед нашим носом, а это значит, что перед нами готовы распахнуться другие. Нужно быть внимательнее и постараться их распознать.

Мы уложили наши вещи и выехали из гостиницы. Как только я вышел на улицу, я почувствовал, что все изменилось, как будто мы вышли на финишную прямую. Это было удивительно легкое, приятное ощущение. Приехав в центр Белграда, мы отправились подыскивать замену нашему бывшему жилью. В данном случае все было лучше, чем то место, где мы провели прошлую ночь. Первой нам на глаза попала гостиница «Карнавал», и мы сумели договориться о разумной плате за проживание.

Мы въехали в номер и растянулись на кроватях. У меня было такое чувство, будто бы мы пытались пробить лбом кирпичную стену, будто бы мы обманулись в знаках. Несколько минут мы молчали, просто лежали и смотрели в потолок.

* Может, нам надо все-таки поехать в Междугорье, как советовала Шринат Деви, — сказал я.

* Если мы сейчас поедем в Боснию, то уже не сможем

вернуться в Сербию, — ответил Джон. — Это означает, что мы потеряем возможность установить в Косово обелиск мира... А ведь мы приехали сюда именно для этого.

Я понял, что Джон чего-то боится и не может заставить себя сказать мне об этом. Возможно, он не хочет, чтобы я оставил его и поехал в Междугорье один. Но в том, что мне сказала Шринат Деви, что-то в тоне ее голоса убеждало меня в ее правоте. Мне нужно вернуться в Боснию, хотя мне и не хотелось покинуть Джона. В конце концов, по-видимому, перед нами поставлены разные задачи.

Примерно через десять минут после того, как мы вселились в наш номер, с улицы слышались звуки музыки. Музыка, подобно старому другу, вошла в комнату, утешая и успокаивая мои взвинченные нервы. Мы тут же узнали мелодию — бит-ловскую «Twist and Shout». Музыка становилась все громче, и, наконец, мы вышли на балкон, чтобы посмотреть, в чем дело. Она не могла раздаваться из машины, как я думал. Для этого она была слишком громкой.

Первым делом мы увидели джип с металлическим помостом, установленным на раме, а к нему были прикреплены четыре громадных громкоговорителя, повернутых в разные стороны. За джипом шло множество людей, среди них многие танцевали и пели. Здесь собралось с флагами около десяти тысяч человек. Вся улица была запружена народом, и я не смог усидеть на месте. Не помню, как я выбежал из комнаты и спустился по лестнице. Мощный прилив адреналина буквально вышвырнул меня на улицу. Джон выбежал вместе со мной, и через несколько мгновений мы уже смешались с толпой и были увлечены ее потоком.

Это было больше похоже на вечеринку, чем на демонстрацию. Было что-то удивительное, даже сюрреалистичное в этом зрелище, когда тысячи людей, многие из которых даже толком не знали английского, танцевали и подпевали «Битлам». И все это происходило в Белграде, мы участвовали в марше протеста против зловещего диктатора. Меня переполняли чувства. Охваченный необычайным возбуждением, я начал расспрашивать окружающих.

— Несколько месяцев назад мы поняли, что Милошевич не осмелится применить против нас силу, — сказал мне один студент. — Войска НАТО стоят рядом в Боснии и не позволят ему это сделать. Поэтому мы устроили грандиозную вечеринку. Каждый день тысячи людей выходят на улицы. Мы танцуем и поем песни. Потом мы расходимся по домам. Мы не остановимся, пока он не уступит.

В тот день мы разговаривали с множеством студентов, и все они отвечали нам одно и то же. Они выходили на улицу с радостью, без гнева и злости, и правительство не знало, что делать. Затем мы подошли к большому кирпичному зданию, которое казалось покрытым каким-то странным липким веществом. Огромная толпа остановилась и принялась свистеть так пронзительно, что мне пришлось заткнуть уши. Я просто стоял и смотрел на здание, пытаюсь понять, чем это оно обмазано.

— Это здание Министерства средств массовой информации, — сказали мне. — Оно контролируется правительством и производит все телевизионные программы, которые доступны в Сербии. Три дня назад каждый из демонстрантов взял по яйцу и мы закидали здание этими яйцами. Видели бы вы это... тысячи яиц, одновременно выпущенных в воздух и разбивающихся о стену!

Меня поразило добродушие и веселье, царившие среди митингующих. Я вспомнил, как участвовал в нескольких демонстрациях в то время, когда я работал в Обществе католических рабочих. Те демонстрации скорее напоминали похороны. Серьезность и мрачность, с которыми они проводились, практически сводили на нет их истинную цель. В Белграде, положение в котором было куда более серьезным и опасным, надо всеми событиями разливалась удивительная атмосфера веселья, приводившая власти в состояние замешательства.

Пройдя с демонстрантами еще около мили, мы завернули за угол, и тут декорации внезапно переменялись. Перед нами возвышалось огромное здание правительства, а от нас его отделяли ряды солдат в защитной униформе. Каждый из них держал в одной руке большой щит из оргстекла, а в другой длинную деревянную дубинку. Я уже начал думать, что удача нам изменила, как вдруг огромная толпа замерла и над площадью повисла тишина.

Высокий человек с длинными черными волосами и бородой вскочил на джип и стал говорить в микрофон, обращаясь к толпе. «Он говорит, как важно сохранять мир, — сказал мне стоявший рядом студент. — Мы проводим мирную революцию и должны доказать, что мы заслуживаем того, ради чего устроили эту демонстрацию».

Я почувствовал, как на лбу у меня выступил холодный пот, а живот схватило от страха. В толпе перемешались стар и млад, все сбились в кучу, как стадо овец. Их решимость изменить порядок в стране бросалась в глаза, но не менее заметна была и их наивность. Они стремились победить или умереть, а я находился в самой гуще событий.

Когда высокий человек закончил речь, толпа начала строиться в ряды и двинулась прямо на солдат. Меня охватил ужас. Я думал, что сейчас на моих глазах произойдет настоящая бойня, но, к счастью, я ошибся. Они подошли вплотную к солдатам и сделали нечто невероятное: каждый из демонстрантов протянул руку и дотронулся до щита, который держал стоящий перед ним солдат, затем посмотрел солдату прямо в глаза и улыбнулся. И все. Следующий ряд сделал то же самое, и так продолжалось примерно полчаса, пока каждый из нас, включая и меня, не исполнил этот обряд.

Я сомневался, нужно ли мне присоединиться к ним. В конце концов, это была не моя война, и я думал, что мое участие может быть воспринято как оскорбление. Однако мои ноги двигались сами собой, и не успел я оглянуться, как уже стоял напротив молодого солдата, который пытался заставить себя посмотреть мне в глаза. Наконец ему это удалось, и тут с нами обоими произошло нечто удивительное. Мы смотрели друг на друга всего лишь одно мгновение, и за это время я понял, как ему страшно. Я понял, что нас разделяет не так уж много.

Вечером этого дня мы с Джоном, лежа на кроватях в нашей комнате, не переставали изумляться событиям, непосредственными участниками которых мы так внезапно оказались. Наши взгляды практически совпадали. Вообще у нас было много общего. Стал бы я таким, как он, если бы не свернул с пути, избранного в восемнадцать лет? Смог бы успешно сопротивляться законам, установленным церковью для своих слуг? Смог, как мой друг, прислушиваться к

высшему зову, принимать лицом к лицу ужасы несправедливости и жестокости, рискуя своей жизнью? Интересно, понимали его собственные собратья или нет? Относились к нему как к бунтарю и сумасшедшему или же видели, кто он на самом деле — одержимый провидец, которого нельзя втиснуть ни в какие привычные рамки?

На следующий день демонстранты вновь прошли мимо нашей гостиницы, но на сей раз отец Джон захотел остаться в стороне. Я решил поменьше разговаривать со студентами, просто идти рядом с ними и наблюдать за их героическими действиями. Вчера я многое понял, и сегодня решил держать определенную дистанцию.

Пройдя несколько кварталов, я заметил, что рядом со мной идет молодая светловолосая женщина. Она шла одна, и я почувствовал непреодолимое желание заговорить с нею. Сначала это желание удивило меня, так как всего лишь несколькими минутами ранее я решил не вступать ни с кем в беседу. Однако это чувство охватило меня с такой силой, что я не смог устоять. Я не мог сопротивляться ее неотразимому обаянию.

Она вся светилась. Более прекрасной женщины я не видел за всю свою жизнь. Наконец я попытался привлечь ее внимание, но, казалось, она в упор меня не замечает.

* Вы говорите по-английски? — решился я спросить, подойдя к ней вплотную.

* Да, — ответила она, повернувшись ко мне с улыбкой.

* Вы студентка? — я долго ждал ответа, но, не дождавшись, предпринял следующую попытку разговаривать. — Меня зовут Джимми. Я из...

* Я знаю, откуда вы. Но зачем вы здесь — этого я не могу понять.

Ее неожиданный вопрос застал меня врасплох, и все же она притягивала меня необычайной энергией, которую она буквально излучала. Внезапно я почувствовал нечто такое, чего бы никогда не смог осознать разумом. Но я не знал, что ответить, как будто неожиданно забыл, зачем я сюда приехал.

* Я приехал, чтобы установить обелиск мира в Косово, — наконец проговорил я, — и чтобы провести концерт, который,

похоже, отменен.

* Почему его отменили?

* Здесь все меняется, и я не знаю, что и подумать. Я знаю только то, что я приехал, чтобы выступить с концертом, но никак не могу найти людей, которые должны были заниматься его организацией.

* Может быть, вы приехали сюда по какой-то причине, которая вам еще неизвестна, — сказала она. — Может быть, это станет для вас сюрпризом.

* Как вас зовут? — спросил я.

* Меня зовут Мария, — ответила она, а затем улыбнулась, как будто намереваясь что-то добавить, но промолчала.

Вы не похожи на других студентов, — сказал я, стремясь продолжить беседу. — Вы сказали совсем немного, но я чувствую в ваших словах глубину, которой не замечал в разговорах с другими людьми.

* Что вы называете глубиной?

* Точно не знаю... Хотя, может быть, я и могу попытаться это объяснить. Назовите это интуицией, как будто я могу сказать о вас нечто такое, чего вы даже не подозревали.

По правде говоря, мне кажется, я начал за ней ухаживать, хотя в тот момент сам я этого не замечал. Какая-то часть меня чувствовала необозримое расстояние, отделяющее меня от этого ангела, внезапно появившегося передо мной, а другая часть всеми силами старалась преодолеть этот разрыв. Я влюбился в нее, и это обстоятельство заставляет меня забыть о всякой логике. Я шел по переполненным улицам сербской столицы вместе с тысячами других людей, а мое сознание полностью сосредоточилось на одном человеке, и этим человеком была Мария. Я спрашивал себя, кто она. Откуда она и как ей удалось разжечь в моей душе такой пожар?

* Вам предстоит открыть для себя много нового, — сказала она. — Не верьте тому, что стоит у вас перед глазами, ибо истину не проникнуть взором. Смотрите сквозь внешние формы, и вам откроется нечто, гораздо ближе стоящее к истине.

* Что вы хотите сказать? — спросил я в изумлении. Я не

ожидал услышать от нее такие слова, даже при всей излучаемой ею энергии.

Истину нельзя увидеть здесь или где-то в другом месте, — Продолжала она. — Посмотрите вокруг, и вы увидите студентов, которые, на ваш взгляд, борются за свои права. Но такой взгляд очень ограничен, он открывает перед вами лишь маленькую часть истинной картины. На самом деле они, не понимая этого, ищут самих себя. Они не умеют смотреть вглубь себя, чтобы Достичь истинной действительности, поэтому им приходится Искать ее в окружающем мире. Но однажды мир не сможет дать им ответа, и они будут вынуждены заглянуть глубже. Тогда они посмотрят на все другими глазами и поймут то, что недоступно нашим чувствам.

Она говорила это с таким выражением, как будто не имела ничего общего с остальными студентами, шедшими рядом с нами по улице. Однако на взгляд постороннего наблюдателя Мария ничем особенно от них не отличалась, разве что особой пронизательностью, которая казалась столь естественной и глубокой.

- * Похоже, вы удивительно глубоко проникаете в суть вещей, — сказал я ей в полном замешательстве. — Как вы пришли к столь необычному взгляду на мир?
- * Очень жаль, но мне пора, — сказала она, протянув мне на прощание руку. — Было очень приятно поговорить с вами.
- * Подождите секунду, — сказал я, держа ее за руку. Я не мог вынести одной мысли о том, что она сейчас так вот уйдет. — Куда вы идете? Не могли бы вы еще чуть-чуть задержаться?
- * Нет. Но мы скоро увидимся... обещаю вам.

Она вырвала руку и через несколько мгновений исчезла в толпе. Я некоторое время наблюдал, как она пробиралась между людьми, а затем потерял ее из виду. Затем я начал размышлять над тем, что же, собственно, произошло. Кто такая эта Мария, почему она вела такие странные речи и затем так внезапно исчезла? И как мне снова разыскать ее в такой толпе? На той улице, по которой я шел, я видел вокруг себя тысячи людей. Чтобы найти ее вновь, мне потребуется чудо.

Оставшуюся часть дня я провел в крайне угнетенном и подавленном состоянии. Революция больше не вызывала у меня никакого интереса, и грандиозность событий, происходивших на моих глазах, оставила меня совершенно равнодушным. Я мог думать только о Марии и о том, что она ошиблась: я никогда ее больше не увижу. Это было практически невозможно. Кроме того, я злился на себя за то, что так бестактно набросился на нее со своими приставаниями. Только так я мог объяснить себе ее внезапное исчезновение. Если бы только я не вел себя так назойливо, возможно, она до сих пор была бы со мной. Но я остался один и не видел больше никаких причин задерживаться здесь.

Вечером мы с Джоном приняли решение. Он наконец согласился, что я должен последовать совету Шринат Деви и отправиться в Междугорье. Нам не удалось получить разрешение установить в Косово стандартный обелиск мира, и поэтому было решено, что Джон поедет туда один и установит на этом месте уменьшенную шестидюймовую копию, которую мы привезли с собой специально на этот случай. Я заберу большой шестифутовый обелиск в Междугорье и попытаюсь получить разрешение установить его там. Я решил оставить всякие попытки найти Марию. Легче забыть о ней и сосредоточиться на истинной цели нашего путешествия. Времени у нас оставалось все меньше и меньше. На следующее утро, сев в автобус, уходящий из Сербии, я попытался выбросить из головы все мысли о Марии и думать только о будущем. Я поставил перед собой нелегкую задачу и старался справиться с ней большую часть поездки, и под конец это мне почти удалось.

Во мне крепло осознание того, что решение поехать в Междугорье означало новый виток моих приключений. Я знал, что Шринат Деви была права. Я чувствовал это, но ум мой пока что блуждал впотьмах. Моя поездка как-то связана с Девой Марией, но опять же, все ведь приезжали в эту деревушку с такими же ожиданиями и надеждами. Шринат Деви сказала, что я должен встретить именно Марию, которая проведет меня сквозь Врата Вечности. Тут я начал вспоминать все, что говорил о «вестнике любви» мой Учитель, и в сердце моем затеплилась надежда, что я наконец смогу узнать, что он имел в виду.

Я приехал в деревню и сразу же начал разрабатывать план действий. Улицы были заполнены паломниками, а в маленьких магазинчиках для туристов нельзя было протолкнуться. Я никогда не мог определить своего отношения к подобному духовному туризму. Жар и страсть, с которыми эти люди предавались религии и духовным поискам, не могли не вызывать у меня одобрения, но многое они, несомненно, теряли в пылу охоты за духовными сувенирами. Во всех магазинах были выставлены одни и те же товары, здесь можно было найти широкий выбор четок и дешевых керамических статуэток. Самым отвратительным, на мой взгляд, товаром была «объемная» картинка, на которой был изображен Иисус на кресте. Выражение его лица менялось в зависимости от угла зрения. Если смотреть на картинку слева, его глаза были закрыты, как будто он уже умер. Если же взглянуть справа, его глаза внезапно открывались. По-видимому, эта вещь хорошо продавалась, так как ее предлагали в каждом магазине.

Приехав в Междугорье, я сразу же пошел в дом священника. Сидя в прихожей, я рассматривал изображения Девы Марии, украшавшие стены вокруг. Неужели именно в этой комнате она явилась детям после того, как правительство закрыло вход на Холм Явления? Я переживал странные ощущения, сжимая в руках шестифутовый столб, на котором на английском, хорватском, сербском и арабском языках были написаны слова: «Да воцарится мир на Земле». Интересно, понимают ли наши намерения люди, видящие эти обелиски? Понимают ли они, что мы хотим утвердить единство и укрепить взаимопонимание между людьми? Позволят ли власти установить этот столбик в нужном месте? У меня не было времени обойти все необходимые инстанции, и я не успел получить официальное разрешение.

Однако мы составили запасной план. Мы с Джоном решили, что обелиск вовсе не обязательно следует устанавливать на всеобщее обозрение. Я могу найти укромное местечко подальше от глаз тысяч паломников, и установить его там, куда приведет меня Бог. Найдя такое место, я воткну обелиск в землю, и он будет служить невидимым маяком, знаком сострадания и взаимопонимания. На

следующее утро я поднимусь с обелиском на Холм Явления и буду ждать знака, что мне делать дальше.

Я пошел на холм по тропинке, вытопанной в земле ногами миллионов паломников, направляясь к тому самому месту, на котором случилось Междугорское чудо. Я шел молча, пока не почувствовал, как что-то заставляет меня свернуть с тропинки и углубиться в заросли кустарника. Подойдя к седьмому привалу, я внезапно обнаружил, что резко отклонился влево, как будто меня влекла некая невидимая сила. Меня окружали высокие крутые скалы, и я был вынужден прикладывать усилия, чтобы не поскользнуться и не упасть. У меня было такое чувство, как будто я несу не обелиск, а крест, влекущий меня навстречу судьбе. Высокие колючие кусты образовывали практически непроходимую преграду, но я сумел прорваться сквозь них и пошел дальше, напряженно ожидая знака или знамения. Пройдя сотню метров, я все еще ничего не замечал. Что-то должно случиться, подумал я про себя. Мне нужен хоть какой-то знак. Однако над холмами повисла гнетущая зловещая тишина, и я начал сомневаться, не ошибся ли я в своих предчувствиях.

Но затем мое внимание привлек странный звук, и когда я посмотрел себе под ноги, то увидел молодую собаку, идущую почти рядом со мной. Это была колли. Я положил обелиск наземь и стал на колени рядом с собакой.

«Даже не услышал, как ты подошла, — сказал я. — Может, ты и есть мой знак?»

Собака была похожа на уменьшенную копию Лесси из знаменитого телесериала, и я погладил ее. Что же это за знак, подумал я. Что символизирует Лесси? И тогда я услышал, как где-то вдали зазвучал колокольный звон, будто ангелы начали спускаться на холм с небес. Потом я услышал голос, раздававшийся слева от меня, с другой стороны холма.

«Лесси! Лесси!» Я не верил своим ушам. Оглянулся вокруг и увидел, что по холму идет стадо коз, а за ними крупная толстая женщина с длинной палкой. Она подзывала свою собаку, которая, по странному стечению обстоятельств, звалась именно Лесси. Женщина увидела, что я глажу колли, и остановилась, но продолжала звать.

Однако Лесси, казалось, была очень довольна моим вниманием и не хотела уходить от меня, даже когда я поднялся с колен.

«Может быть, нам нужно подойти к этой женщине, — сказал я собаке. — Может быть, это тоже знак».

Я подошел к ней, а за мной и Лесси. Женщина, казалось, немного оробела, и я подумал, что она не любит говорить с туристами. Затем я заметил, что мы стоим на громадном плоском булыжнике, с которого открывался потрясающий вид на Междугорье. Я различал церковь святого Якова. Весь край лежал передо мной как на ладони. Тогда я посмотрел себе под ноги. Справа от меня я увидел отверстие в скале, в точности подходившее по размерам для моего обелиска. Столбик вошел в отверстие, как будто оно было сделано специально для него, а я в удивлении стоял, обозревая окрестности.

После того как женщина с козами ушла, я сел на скалу и начал молиться. Я вознес в молитве благодарность за то, что мне указали это место, и просил Нашу Госпожу благословить обелиск. Я чувствовал, как от земли исходит необычайный поток энергии, как будто земля приносила мне благодарность за подарок. Через несколько мгновений я закрепил обелиск в отверстии, произнес еще одну короткую молитву и ушел. Сходя с холма, я думал о том, удалось ли Джону пробраться в Косово и исполнить свою роль в этой странной пьесе. Мы были вместе, несмотря на то что судьба развела нас. Я установил обелиск мира в Междугорье, выполнив свою задачу. На следующий день я должен был уехать в Рим, где мы с Джоном договорились встретиться.

Весь день я размышлял об этом обелиске. Мне казалось, что он призывает меня вернуться на холм, что он нуждается в собеседнике, который бы сидел и молился рядом с ним. Поздно вечером я решил навестить его на прощание, чтобы еще раз полюбоваться чудесным видом и подышать священным воздухом холма. Готовясь к прогулке, я удивлялся связи, установившейся между мной и этой странной и жестокой страной. Это была моя третья поездка в бывшую Югославию, и каждая из них дарила мне что-то особенное, начиная со встречи с Посланниками. Это путешествие не было исключением. Может, все дело в том, что когда-то вся эта земля слышала проповеди членов таинственной общины святого Иоанна? Тысячу лет назад

богомилы проповедовали здесь особую форму христианства, ставя превыше всего равенство и терпимость. За это их убивали, и с тех пор кровь так и не переставала литься. Может быть, мой маяк на вершине холма напомнит людям об их священном наследии? Идя к холму, я не переставал молиться об этом.

Я взошел на холм, продираясь через заросли кустарника и петляя между скал. Через несколько минут я подошел к обелиску и сел рядом с ним, чтобы предаться молитвенным размышлениям. День уже склонялся к концу, солнце заходило за моей спиной. Пройдет несколько мгновений, и оно скроется за холмом, унося с собой дневной свет. Интересно, смогу ли я найти в темноте путь вниз с холма? У меня был еще час. После этого спуск станет опасным.

Затем я услышал позади звуки, напоминающие шаги человека. Вскоре я понял, что и впрямь кто-то спускается с холма и движется в моем направлении. Я повернулся, но солнце светило мне прямо в глаза, и я мог различить лишь вырисовывающийся в солнечном свете женский силуэт. Я решил подождать, а затем посмотреть снова. К чему бы кто-то стал подвергать себя опасности, прогуливаясь по такой обрывистой местности перед самым наступлением сумерек? Я думал, что лишь мне могла прийти в голову такая блажь.

Я слышал звук приближающихся шагов. Если я подожду еще немного, она подойдет вплотную, и я решил посмотреть на нее. Когда я повернулся, в течение нескольких мгновений мои глаза ничего не видели из-за слепящего света, а потом я увидел ее. Когда я узнал ее, мурашки побежали по всему моему телу, и мне внезапно стало не хватать воздуха. Глаза мои расширились и я не мог двинуться.

— Здравствуйте. Вы меня помните? — улыбнулась она.

Это была Мария, та девушка, которую я встретил на улице в Белграде! Невероятно! Она училась в Сербии, а сербам совершенно нечего было делать в Боснии сейчас, когда память о войне еще так свежа. Но в любом случае шансы встретить ее на холме близ маленькой деревушки за сотни миль от Белграда были практически равны нулю. И все же невозможное случилось: она стояла передо мной. На ней был коричневый замшевый жакет, джинсы и кожаные ботинки. Ее длинные прямые светлые волосы ниспадали на плечи, прикрывая длинную изящную шею. Внезапно меня охватило то же

самое удивительное чувство, которое я испытал, встретив ее в Сербии, и тогда я наконец понял, что происходит.

— Мария! Но этого не может быть, — вырвалось у меня. — Ты...

Затем мы долго молча смотрели друг на друга. Она продолжала улыбаться, а я не мог оправиться от изумления. Вдруг подул резкий порыв ветра, заставив меня задрожать от холода. Дрожь вывела меня из транса.

* Почему ты так удивлен? — спросила она, садясь на камень справа от меня. — Я обещала, что мы снова встретимся, и почему бы этому не произойти здесь, в Междугорье? Вполне подходящее место.

* Я не верю, — у меня начала кружиться голова. — Ты Мария. Мария, ты... — Мои слова были лишены всякого смысла. Да и какие я мог найти слова? Действительность выглядела столь невероятной, что я никак не мог в нее поверить.

Она снова улыбнулась:

* Ну и что? Что тут удивительного? Ты знал, что я приду, тебе было дано много знамений. Ты чувствовал, что я приду, и я никогда не забывала о тебе. Ты дал мне обет много-много лет назад, еще в детстве. Ты забыл о своем обещании, а я нет.

* Что же я обещал? — спросил я после долгого молчания.

* Ты хотел стать орудием мира. Помнишь? Тебе было всего двенадцать лет, когда ты сидел у церкви и ждал, когда тебя заберет мать. Ты сказал, что хочешь посвятить мне свою жизнь и работать, чтобы привести людей к Богу. Я всегда была с тобой и ждала. Я никогда не забываю о таких обещаниях.

* Но почему ты явилась в таком физическом обличье? — спросил я, пораженный внезапным ярким осознанием того, КТО сидит рядом со мной. — Ты такая же, как я. Ты совершенно обычный человек и вместе с тем ты божественна. — Произнеся эти слова, я понял, насколько неприлично я вел себя в Белграде. Если бы я только знал, подумал я. Казалось, она прочла мою мысль и улыбнулась.

— Господь всегда идет доступными для понимания путями. Шести хорватским детям, знавшим лишь катехизис, я явилась в

облике Царицы Мира с четками в руках. Тебе... ты видишь, что тебе я явилась в ином обличье. Но весть, которую я несу, от этого не меняется. Я пришла вернуть людей к Богу, просить их пересмотреть свою жизнь. Но люди не понимают, что это значит. Часто они принимают это обращение за призыв к жертвованиям и покаяниям, но в действительности оно означает: вознеси любовь выше страха. Самопожертвование и самоотречение порождает и укрепляет страх, а не избавляет людей от него. Бог хочет от тебя, только чтобы ты разрушил преграды, отделяющие тебя от любви, не дающие тебе осознать, что ты составляешь одно целое с Божеством. Ты никогда не бываешь один, ни одно мгновение. Твое одиночество, твоя обособленность — лишь продукт твоего воображения. Пора отказаться от этих представлений и вернуться на свою извечную родину. Тогда ты поймешь, что любовь — твое исконное наследие, что ты божье дитя.

* Это очень похоже на весть, которую я получил от Посланников в боснийских горах, — сказал я.

* Это один и тот же призыв, просто он по-разному выражается разными людьми. Вот суть того, что ты услышал от них: когда ты открываешь божественную сущность в другом человеке, в любом, кто стоит перед тобой, ты открываешь эту сущность внутри себя. Ты часто ищешь Бога в необычайных, чудесных явлениях. Но чудо не снаружи, оно внутри тебя. Ты, все вы — чудо, и когда ты видишь суть другого человека, ты прозреваешь свою. Вот весть, которую я не устаю возглашать. Ты всегда найдешь Бога в самых простых вещах: в улыбке ребенка, во взгляде незнакомца, в стремлении распахнуть дверь перед другим. Так проявляет себя в твоей жизни любовь, так ты найдешь ту Дверь, которую ищешь.

* Посланники сказали, что я встречу другого наставника, — сказал я. — Они говорили о тебе?

* Слушай внимательно, ибо то, что я тебе скажу, очень важно. Я пришла не ради одного тебя, но ради всего человечества. Настает заря сострадания и умиротворения. Я Царица Мира, ибо я воплощаю эти качества, и я могу помочь тебе испытать их действие. Ты можешь подумать, что я воплощаю женское

начало. Эти качества действительно искони присущи женщинам, и именно женской энергией должно напитаться сейчас человечество. Я могу помочь, но только в том случае, если вы перестанете искать мира с помощью войны. Сострадание, взаимопонимание, терпимость — вот пути, ведущие ко мне. Это дверь, перед которой стоит человечество.

— Но как же те люди, которые не исповедуют католического... или вообще христианство? — спросил я. — Должны ли люди принимать тебя именно в этой роли и именно в этой религии?

— Я пришла не ради одной особенной общины или одной религии, — сказала она. — Я пришла ради всего мира, хотя многие идут ко мне своим особым путем. Форма не имеет значения. Важна лишь энергия, которую я несу миру, и каждый может причаститься этой энергии. Если человечество будет способно сместиться в область женской энергии, на всей планете установится мир. Но если вы предпочитаете власть и силу, то упустите эту удивительную возможность и будете и дальше жить среди войн и насилия.

Не знаю, сколько мы сидели на холме, но через какое-то время я почувствовал на спине дыхание холодного ветра и увидел, что солнце уже село за горизонт. В первый раз с начала нашего разговора я вновь ощущал собственное тело. Казалось, Мария заметила неудобство моего положения и встала, собираясь уходить.

— Мне надо многое еще сказать тебе, — промолвила она. — Но это подождет. Я хочу, чтобы ты начал развивать в себе эти качества, воплощая их в жизни. Живи, сострадая другим, вдыхай мир в людские сердца, проповедуй любовь, и ты почувствуешь грядущие перемены. Следующий шаг откроется тебе позже, когда ты будешь к нему готов. А так как я знаю, что ты начнешь сомневаться в том, что случилось сегодня, я дам тебе знак, который успокоит твои сомнения. В очень скором времени весь мир увидит, как я пролечу по небу со сверкающим шлейфом из яркого света. Когда ты увидишь это знамение, знай, что настала пора исполниться всему тому, о чем я говорила тебе. Пока же не забудь свое обещание и знай, что я никогда тебя не забуду.

Она повернулась и пошла вверх по склону холма в ту сторону, откуда появилась. Я попытался что-нибудь сказать, но слова не сходили у меня с языка. Я все еще не мог поверить в случившееся, в то, что Мария разговаривала со мной так, словно мы были закадычными друзьями. В это мгновение я понял, что отныне для меня начинается совершенно другая жизнь. Я уже не смогу жить, как раньше, и думать, как раньше. Затем, отойдя на такое расстояние, что я уже с трудом различал ее силуэт в наступившей темноте, она оглянулась и сказала:

* Причина, по которой я явилась тебе в этом облике, состоит в том, что все мое учение содержится в этой форме. Найди Бога в привычном. Ищите Бога друг в друге и в самих себе. Так произойдет чудо преображения. Так вы вспомните, кто вы такие: святые сущности, составляющие с Богом одно целое. Приходи сюда завтра, и мы еще поговорим. Тебе еще так много нужно узнать, особенно о том, кто грядет... о носителе Света.

* Я думал, что ждал тебя, — сказал я. — Разве не о тебе говорили Посланники, когда рассказывали мне о «следующем наставнике»?

* Следующий наставник уже с тобой. Ты узнаешь, что делать, когда наступит время. Я пришла, чтобы подготовить тебя. Я пришла, чтобы напомнить тебе о твоём обещании и взять тебя за руку. Не беспокойся, скоро все станет на свои места.

Потом она повернулась и исчезла, скрывшись с другой стороны холма. Я подумал, как это правильно и хорошо — она не вознеслась на небо, не растаяла на моих глазах, а просто ушла, как самый обычный человек. И все же это была она, воплощение всех добродетелей, о которых мы мечтали, «вестник любви», о котором говорили Посланники. Однако, по ее словам, не она будет моим наставником, и это приводило меня в смущение. «Вестник любви» и «следующий наставник», оказывается, разные люди? Подумав, я начал понимать, в чем дело. Я вернулся к самым истокам.

Я стал спускаться с холма к гостинице, в которой я остановился. Мне казалось, я парю по воздуху, лечу с холма через камни и тернии. Добравшись до ровной земли, я заметил слева небольшую

часовенку, а во дворе этой часовни стояла большая статуя святой Матери, такая же, как та, что была во дворе у Шринат Деви. Эту статую вырезали из дерева по описаниям шести детей. Я остановился перед ней на минуту, чтобы вознести благодарственную молитву, но когда взглянул ей в лицо, то чуть не потерял сознание. Это было лицо Марии, и оно было полно жизни. Как будто она сама позировала скульптору. Впрочем, чему я удивляюсь?

Я провел весь вечер в междугорской церкви Св. Якова, молясь и пытаюсь понять, что со мной случилось. Но это мне так и не удалось. Никакая логика не могла бы объяснить, кто такая Мария и почему она явилась мне. Мой разум отказывался принять подобную информацию и логически оценить события, настолько выходящие за грани разумного. Я сидел и смотрел на статую Марии, стоявшую справа от алтаря, пытаюсь заполнить разрыв между Господой, которой я молился всю мою жизнь, и прекрасной энергичной девушкой, которую я встретил на холме. Неужели они обе — одно лицо? Или мне пора освободиться от детских образов и представлений?

В тот вечер я прослушал две службы, одну на хорватском, Другую на английском. Оба раза я причащался. При этом у меня было такое чувство, как будто я принимаю в свои уста саму Марию. Меня пронизывало необыкновенное ощущение, будто бы она вливала в меня свою любовь, заполнявшую собой все мое существо. Это невозможно описать словами, это может передать лишь хорал «Мария, Мария, Мария», звучавший в моих ушах и отзывавшийся в самой душе. Влечение к ней, которое я ощутил с момента нашей встречи в Белграде, превратилось во всеобъемлющее чувство любви, страстное крещендо, подобного которому я никогда не испытывал прежде.

Когда пришло время закрывать церковь, я вернулся к себе в комнату. Не знаю, как долго лежал без сна. Мне все казалось, что я уже во сне. Весь этот день представлялся мне залитым светом добра и любви, и я все думал, как встречу с ней снова. Я радовался тому, что вновь увижу ее и причащусь ее сияния. Она стала моей священной Возлюбленной, ведущей меня по пути к божественному океану. Она уже не была в моих глазах матерью, как прежде. Куда

ушла эта женщина? Не привидение ли она, не призрак ли? Я уверен, что нет. Женщина, которую я встретил на холме в Междугорье, была реальной женщиной из плоти и крови, и я влюбился в эту женщину. Даже если завтра она явится мне в обличье, к которому я не готов, вернувшись к традиционному образу, восхищаться которым я привык с детства, ее сущность навсегда отпечатается в моем сознании и в моей душе. Она всегда будет ждать меня там.

Я проснулся на рассвете и подготовился к прогулке. Мария не сказала мне вчера, когда мне ждать ее появления, но по моим представлениям, это было совсем не важно. Даже если бы мне пришлось прождать на холме весь день, пока солнце не сядет за горизонт и на ночном небе не зажгутся звезды, я не стал бы жаловаться, ибо это было лучшее, что до сих пор случилось в моей жизни. По крайней мере, я еще раз посижу в том самом месте, где она явилась мне, побуду в том святилище, в котором она перевернула всю мою внутреннюю сущность, навсегда изменив мою жизнь. Ибо мне казалось, что часть меня внезапно умерла, а вместо нее я получил нечто совершенно новое и неизвестное. Останется ли это новое во мне, сохраню ли я эту новую жизнь, которую она мне дала? Я совсем не думал об этом. Мои мысли полностью сосредоточились на предстоящей мне встрече, и я помнил лишь о взгляде ее лучезарных глаз.

По пути я почувствовал необоримое желание заглянуть в один из множества магазинчиков для туристов, выстроившихся по бокам узкой улочки. Рассмотрев ассортимент, я обратил внимание на кучу одноразовых фотоаппаратов, и внутренний голос призвал меня купить один из них. Я уже несколько лет ничего не снимал и хотел проигнорировать этот призыв, но голос звучал все громче и настойчивей. «Купи аппарат», — убеждал он меня. Казалось, у меня нет выбора. Я заплатил в кассу и положил фотоаппарат в карман пиджака.

Не встретив по пути ни души, я пришел на то место, где вчера свернул с дороги. Я легко прошел сквозь заросли кустарника, будто перенесся через все препятствия, которые раньше надолго бы меня задержали. Когда еще я ощущал такой прилив энергии, приток адреналина и жизненных сил, бьющихся в моем сердце? Неужели я

действительно влюбился? Будь осторожен, не поддавайся ее обаянию безоглядно. Помни, кто она на самом деле, какое бы обличье она ни приняла. Правда, она без остатка заполнила пустоту в твоей душе, но не забывай, что перед твоими глазами сидит божественная Мать, само женское начало. Не прыгай с утеса в надежде, что тебя Подхватят ангелы.

Через несколько минут я уже видел вдали обелиск мира, и мое сердце сжалось от радости, когда я увидел, что она уже сидит рядом с ним и ждет меня.

— Доброе утро, — сказала она, подвинувшись на камне и освободив для меня место. Сев рядом с ней, я почувствовал, как взбудораженные волны моего сознания внезапно улеглись. Беспокойство и нетерпеливое ожидание, обуревавшие меня, пока я взбирался на холм, сменились умиротворением и полным покоем.

* Я не знал, будешь ли ты ждать меня так рано, — сказал я. — Я знал, что мне нужно прийти пораньше. Я просто не мог больше ждать.

* Я ждала тебя дольше, чем ты думаешь, — сказала она. — Но и ты ждал меня не меньше, разве не так?

Некоторое время я собирался с мыслями и не мог понять, что она хочет сказать, хотя в сердце моем уже пробудилась догадка.

* Я ждал тебя давно, в этом я уверен. Я знаю лишь, что в тот самый момент, когда я увидел, как ты идешь ко мне по этому холму, нет, с того момента, как я увидел тебя в Белграде, мое сердце ожило. Я как будто пробудился ото сна, до сих пор я не знал, что сплю.

* И все-таки есть нечто еще, правда? Ее синие лучащиеся глаза сверкнули при этих словах, как будто она хотела напомнить мне о чем-то давно мною позабытом, но чрезвычайно важном. Она ждала от меня следующего хода.

* Я не понимаю, о чем ты, — сказал я в замешательстве.

* Когда ты жил у Посланников, у тебя не было возможности узнать, кто они такие и чем на самом деле занимаются. Поэтому ты был не в силах понять, почему к ним привели именно тебя. Разве ты об этом не думал? Посланники Света молятся о

просветлении человечества уже две тысячи лет, и все же, когда пришла пора завершения их миссии, они пришли к тебе. Почему?

* Я так и не смог этого узнать, — сказал я. — Я думал, что, может быть, просто потому, что я оказался... в пределах досягаемости. Больше я ничего не мог придумать.

* Это не все, — сказала она. — Далеко не все. Ты уже начинаешь вспоминать. Ты начал понимать, кто такие Посланники на самом деле.

— Ты имеешь в виду Общину Любимого Ученика? Это так. Посланники — прямые наследники святого Иоанна. Когда церковь стала преследовать их орден, они ушли в подполье и с тех пор так там и остались. Это означает, что роль святого Иоанна выполнена. Иисус сказал, что Иоанн пребудет, пока Он не придет. По крайней мере, пребудет его община. То, что Посланники распустили свой орден, означает, что Иисус вернул ноль. Сам Иоанн не может этого увидеть, но вместо него об этом свидетельствует основанная им община.

* Нет, Он хотел сказать лишь то, что сказал, — промолвила Мария. — Иоанн пребыл, он и сейчас здесь.

* Не понимаю, — сказал я. — Ты говоришь о реинкарнации?

* Ваши человеческие представления о реинкарнации — сплошная фантазия, — ответила она. — Правда гораздо проще, чем ты думаешь. И одновременно гораздо сложнее, это как посмотреть. Иоанн никогда не покидал Земли, как и Иисус.

— Ты хочешь сказать, что они последние две тысячи лет жили на Земле? Но возможно ли это?

— Ты думаешь, что этот мир ограничивается физическим, воспринимаемым тобой миром, — сказала она. — Существует множество других уровней реальности, которых ты еще не можешь воспринимать, и они столь же реальны, как этот. Как раз на этих глубинных уровнях начинается настоящая работа. Именно туда вознесся Иисус после воскресения, там он и остался вместе с Иоанном и многими другими, ожидая времени великого сдвига.

Можешь назвать их попечительским советом или, лучше, советом директоров.

Посланники представляют собой физическое соответствие этой особой общины, состоящее из существ, достигших высшего просветления на этом уровне бытия. Существуют и другие уровни реальности над тем уровнем, где находятся Иисус и Иоанн. Можешь называть их ангельскими мирами. Посланники — это нечто вроде точки пересечения, связующей все эти эфирные царства с миром физическим.

— Нас всегда учили, что Иисус вознесся на Небеса, — сказал я, — и я думал, что святой Иоанн тоже там. А по твоим словам получается, что они где-то между Небом и Землей и когда-нибудь покинут свою обитель и вернуться на Землю.

Мария улыбнулась, услышав от меня эти слова. В ее улыбке светилась любовь. Так взрослые улыбаются детям, когда те что-то не понимают. «Если хочешь, назови это Небом. Во многом это очень близко к вашим представлениям о Небесах. И все же это лишь малая часть действительности. Есть много других уровней, столь далеких, что ты не в силах составить о них ни малейшего представления. Наставники не возвращаются с этих уровней на Землю в физическом смысле, разве что в той форме, которую ты видишь перед собой. Я облеклась в это тело, чтобы дать тебе определенное наставление. Когда урок закончится, тело исчезнет.

В мир возвращается то, что вы могли бы назвать «энергетическим отпечатком». Например, «Христос» — это опыт, а не личность. Пожалуйста, постарайся это понять, так как это жизненно важно: Иисус, конечно же, был Христом, но **Христос** не ограничивается вашими представлениями о том, кем был Иисус. Иисус принял эту систему координат, или этот энергетический отпечаток, и потому стал Спасителем для своей эпохи. Учитель, которого ты ждешь и которого называешь «следующим наставником», примет ту же систему координат, что и Иисус. Он будет таким же, но будет и иным. Он будет Иисусом, но и кем-то большим.

* Я не уверен, правильно ли я тебя понял, — сказал я. — А как же Второе Пришествие? Иисус вернется на Землю или это

вернется его душа?

* И то, и другое, и вместе с тем ни то, ни другое, — ответила она. — Мне жаль, что я не могу уложить это в логические рамки, но логикой тут ничего не понять. Иисус, вне своего тела и вне своей личности, всегда пребывает на эфирных уровнях в ожидании времени, когда он должен будет вернуться на Землю. Это предначертанное время пробуждения, тот момент, когда «Христос» вернется для создания Нового Мира. Но это произойдет вовсе не так, как ты думаешь. Другими словами, не думай, что появится еще один еврей с бородой и спасет мир. И это возвращает нас к Иоанну и основанному им сообществу.

Перед тем как умереть на кресте, Иисус доверил меня, свою мать, попечению Иоанна, — продолжала она. — С того самого дня обо мне заботился апостол, а также последовавшие за ним ученики. Он был со мной, когда я перенеслась в реальный мир, а через много лет последовал за мной туда же. Он не испытал физической смерти, как принято считать. Он остался живым наставником основанной им общины и, что самое важное, сохранил самую великую тайну — истинную природу возвращения Христа. Видишь ли, в действительности есть два проявления Христовой энергии. Последние две тысячи лет она воплощалась в мужском образе Иисуса. Новый Мир, о котором я говорю, по сути своей будет означать смену полюсов. Энергия Христа, как и все остальное, должна будет уравновеситься.

— Я все еще плохо понимаю, — сказал я ей в полном смятении. — Шринат Деви говорила нечто похожее — что есть другой Христос, — но как это связано со святым Иоанном?

— Две тысячи лет Иоанн заботился обо мне и защищал того, кого ты называешь «следующим наставником», — сказала она.

— Он взял ее в свой дом и в свое сердце, а ныне возвращает ее миру.

— Но ты же сказала, что не тебя я ждал, — воскликнул я, — хотя он-то заботился о тебе. Разве это не означает, что ты и есть «следующий наставник»?

* Не я, а энергия, которая во мне, — сказала она. — Отвлекись

от своих представлений о том, кто я, поднимись над верованиями, в которых ты воспитан. Я несу женскую сущность Бога, энергию сострадания и любви. Иоанн должен был не только защищать эту энергию, но и вернуть ее миру. Это Иоанн теперь и делает — с твоей помощью.

* Что? Теперь я уж точно ничего не понимаю.

* Ну что ж, попытаюсь объяснить иначе, — сказала она.

— Как ты уже, наверное, знаешь, до своего вознесения Иисус уже понимал, что в будущем должен возникнуть раскол между официальной церковью, возглавляемой Петром, и внутренней церковью во главе с Иоанном. Из Евангелия также становится ясно, что Петр не понимал роли и задач Иоанна, да и как он мог понять это, когда его первейшая обязанность заключалась в создании и укреплении официальной власти? Пока Петр и другие апостолы проповедовали учение Иисуса и устанавливали церковную организацию, Иоанн был погружен в экстатические видения, позднее принявшие форму «Откровения Иоанна». Он и его ученики занимались изучением эзотерических уровней реальности, которые являются ключом к мистической духовности Иисуса, — тайнами воскресения и вознесения, исцелением больных и воскрешением мертвых.

По учению Римской католической церкви, каждый папа является наследником святого Петра, который был первым папой. Римская церковь также учит, что каждый раз, когда на кафедру вступает новый папа, между ним и его предшественниками устанавливается мистическая духовная связь. Новый папа исполняет роль Петра. В этом заключается истинный смысл догмата о папской непогрешимости. Это не имеет ничего общего с реинкарнацией, но непосредственно связано с «энергетическим отпечатком», о котором я уже говорила. В сущности, папа вступает в энергетическое поле, которое когда-то занимал сам апостол. Принимает ли и активирует новый папа это энергетическое поле, — это совсем другой вопрос.

— То же относится и к внутренней церкви, — продолжала Мария.
— Со времен вознесения Иоанна сотни людей вступали в энергетическое поле, которое он оставил после себя, точно так же,

как каждый следующий папа вступает в энергетическое поле, оставленное святым Петром. Каждый из них продолжал исполнять тайную миссию Иоанна, сохраняя в сердце своем «женственного Христа» и укрывая этот свет в ожидании того времени, когда можно будет выпустить его наружу. Они исполняли роль Иоанна и продолжали его работу. Когда официальная церковь в страхе перед тайной этой общины попыталась уничтожить ее, самая тайная ветвь ордена ушла в подполье, чтобы и дальше вести порученное ей дело. Их называли разными именами — катарами, рыцарями Храма, богомилами, а с недавних пор и Посланниками Света. Их орден существует уже две тысячи лет, и сейчас он не прекратил своего существования, а просто сменил цели и ориентиры своей деятельности.

* Если правда то, что ты говоришь о папе, то это справедливо и по отношению к Учителю, главе Посланников. Он является наследником Иоанна?

* Верно, — сказала она. — А теперь, когда его миссия завершена, он передал свое наследство другому. И этот другой — Ты, Джимми.

Когда я услышал эти слова, мне внезапно стало не хватать воздуха, но все же я начал смутно понимать, к чему она ведет. Последние три года я спрашивал себя, почему именно мне Посланники доверили огласить миру их весть. Об этом же меня часто спрашивали и другие, а я всегда чувствовал себя крайне неловко, когда в чужих глазах выглядел каким-то особенным. Во мне определенно нет ничего особенного, заявлял я, и именно поэтому я избран, так как всем нам пришла пора вступить в Новый Мир, о котором говорили Посланники. Но в словах Марии заключалось нечто совсем другое. Похоже, она подтверждала мысль о моей особенностях, о моей избранности, как будто я был наделен уникальным даром.

* Дело не в том, что ты особенный, — сказала она, прочтя мои мысли. — Это никак не связано с уникальностью, так что выбрось это из головы. Каждый из нас, приходя в этот мир, несет особый дар, и наша обязанность состоит в том, чтобы

мудро воспользоваться им для совершенствования человечества. Это похоже на пьесу с множеством персонажей и костюмов. У каждого персонажа своя роль, и он должен убедительно ее сыграть. У некоторых актеров роль больше, чем у других, но это не придает им большей важности. Когда пьеса заканчивается и падает занавес, все они уравниваются друг с другом. Когда костюмы сняты и смыт грим, они ничем не отличаются от любого другого.

* Но почему именно я? Кто я такой, чтобы играть такую роль?

* Я могу лишь сказать тебе, что ты сам давно ее избрал. Считаю это соглашением, заключенным задолго до твоего рождения. Пришло время выполнить его условия.

Проговорив эти слова, она улыбнулась. Очевидно, это была шутка, но я не чувствовал желания рассмеяться. Часть моего существа, находящаяся глубоко внутри меня, знала, что Мария говорит правду. В некотором смысле это меня вовсе не удивило. В мире было множество самых обычных людей, которым приходилось исполнять самые необычайные задачи, и я хорошо это знал. С одним таким человеком я был лично знаком. Это Ник Баник, герой книги «Вестники» *Город Творцов**. Я познакомился с Ником на одном из его выступлений и вскоре подружился с ним. Хотя поначалу я с подозрением относился к его утверждению о том, что он является реинкарнацией святого Павла, наша дружба убедила меня в его правоте. Мне было ясно, что Ник выполняет важную миссию, но все, кто знал его до наступления этого важнейшего периода его жизни, никогда бы не могли этого заподозрить. То же самое, видимо, произошло и со мной. Такого откровения не ожидал бы даже я сам. И все же на некоем сокровенном уровне, в каком-то глубинном смысле все это было правдой, и я это знал.

— Что все это значит? — спросил я. — Чего ты от меня ждешь?

— Ты уже выполняешь свою миссию, — сказала она, коснувшись моей руки. От прикосновения ее тонких нежных пальцев по моему телу пробежала приятная дрожь, но через несколько секунд она убрала руку. — Ты провозглашаешь весть Посланников в точности так, как от тебя и ожидали. Но теперь ты должен перейти к

следующей стадии. Помнишь, как Учитель велел тебе созвать новую общину Посланников? Внутренняя община вышла на поверхность, и теперь, когда Посланники Ушли, настало время начать новую фазу, вновь создав Общи ну Любимого Ученика. Видишь ли, я хочу, чтобы ты примирил Петра и Иоанна.

Я не мог поверить своим ушам. Правильно ли я ее понял? Не ослышался ли? Если нет, то это было выше моего понимания. Она просила меня преодолеть древний раскол между официальной церковью и церковью внутренней, основанной святым Иоанном. Католическая церковь долго подвергала ее гонениям, и разве теперь не настал подходящий момент, чтобы отбросить все мнимые различия и противоречия? Однако все это показалось бы безумием любому, кто не входил в узкий эзотерический круг людей, понимающих, о чем идет речь. Ни один член официальной церкви, ни один прихожанин, исправно посещающий воскресные службы, не стал бы слушать такую чушь.

- * Но как мне это сделать? — спросил я ее. — И кто я такой?
- * Ктебе, Джимми, это не имеет ни малейшего отношения, — сказала она. — Все это связано исключительно со мной... С женской сущностью Христа. Настало предвозвещенное время исцеления и воссоединения. Две церкви подобны разошедшимся братьям, вынужденным идти разными путями. Один захватил царство, а другому досталось гонение и изгнание. Но времена изменились, как ты видишь. Если человечество наконец готово создать Новый Мир, который являлся тебе в мечтах, тогда все должны действовать заодно: внутренняя и внешняя церкви должны объединиться. Такова задача матери: она примиряет своих возлюбленных сыновей.
- * Почему все это завязано на христианстве? — спросил я. — А как же другие религии?
- * Ты спрашиваешь об этом, потому что хранишь наследие любимого ученика, — ответила она. — Таково одно из важнейших учений Иисуса, принятых внутренней церковью, но до сих пор отвергаемых церковью внешней. Все пути ведут к Богу, если они зиждятся на любви и сострадании. Это не имеет

ничего общего с признанием какой-то конкретной личности, определенной фигуры спасителя. Единственный Спаситель — сама Любовь. Святой Иоанн узнал это от Иисуса, а официальная церковь только сейчас начинает освобождаться от шор, мешавших ей увидеть истинную красоту остальных традиций.

Те люди, которых ты приведешь к Богу, вместе со всеми теми, кто уже трудится над этой задачей, будут проповедовать это учение, и тогда миру откроется женская сущность Христа.

- * Еще один вопрос... Женская сущность Христа — это ты?
- * Я ношу женскую сущность Христа в своем сердце, — сказала она. — А так как мое сердце открыто, ты чувствуешь только этот Свет, исходящий из него. Но этот Свет горит в сердце каждого, ему не дают проявиться лишь века страха и недоверия. Грядет время пробуждения, и Свет выше всякого света осветил всех вас. Когда вы приблизитесь к предначертанному часу, свет внутри вас будет разгораться все ярче, пока не наступит предел вашему ожиданию. Я говорю о всех людях, ибо женственный Христос грядет не через меня, но через всех вас. Таково послание любимого ученика, которое отныне станет твоим посланием.
- * Ты сказала, что мне доверена власть, оставленная святым Иоанном, — сказал я. — Что мне делать с этой властью?
- * Лучше не употребляй слова «власть», — сказала она. — Это неправильное слово, ибо оно не выражает истинного значения предводительства. У тебя не больше власти и авторитета, чем у любого другого, но ты, вместе с еще несколькими людьми, носишь мантию, оставленную апостолом. Ему было доверено попечение о женской сущности Христа, забота обо мне. Та же задача перешла к другим членам ордена, как к тем, кто был с Иоанном, так и тем, кто пришел после него. Когда я оставила физический мир, эта задача не изменилась, но перешла на внутренний уровень. Таково одно из великих таинств Общины Любимого Ученика — таинство сохранения женской сущности Христа в самых священных глубинах сердца до тех пор, пока не настанет время явить ее миру.

- * И теперь это время настало? — спросил я ее.
- * Воистину настало, — ответила она с улыбкой, осветившей все вокруг. — Поэтому роль Посланников перешла к тебе и тем, кто будет с тобой. Настало время явления женской сущности Христа, Божьего сострадания, которое всегда пребывало в этом мире, но до сих пор спало под покровом иллюзорности. Миссия ордена Иоанна состоит в раскрытии ее природы, и это должно случиться в скором будущем. Ты постиг таинства Посланников, пора и всему миру постичь их.
- * Мария, — сказал я, чувствуя, что голова моя закружилась от всего, что мне довелось услышать сегодня. — Ты знаешь, как я боюсь... может быть, правда, не страх владеет мной, а смущение. Я всегда знал то, о чем ты говоришь, на каких-то глубинных уровнях сознания, но пытался выбросить эти мысли из головы. Ребенком я испытал откровение, но у меня не было возможности понять его, поэтому я счел его пустым сном. Но ведь это был не сон? Ты говорила со мной? Я слышал твой голос.
- * Как я уже говорила, я всегда была с тобой. Теперь мы вместе, но мы были вместе и раньше. Помнишь?
- * О чем ты говоришь? — спросил я. — Мы еще где-то встречались?
- * Это неважно. Все станет на свои места, когда ты будешь готов. Однако сейчас тебе следует узнать вот что: будут и такие, кто попытается помешать тебе выполнить миссию. Ты уже столкнулся с этими силами, и они полны решимости вырвать с корнем семя, уже посеянное в землю. Помни об этом. Пока это все. Ты узнаешь, что нужно делать, когда настанет время.
- * Ты права, я уже начинаю это чувствовать. Мне пришлось преодолеть множество препятствий, чтобы попасть сюда, как будто эти силы хотели удержать меня.

Они на самом деле хотели этого, — сказала она. — Нам было очень важно встретиться именно здесь в Междугорье, а теперь мы готовы сделать следующий шаг. Тебе предстоит пройти сквозь множество испытаний, прежде чем мы встретимся снова, но помни,

что я всегда с тобой. Раз уж ты встал на этот путь, ты пройдешь его до конца.

Затем я высказал ей просьбу, которая показалась странной нам обоим. Я сунул руку в карман пиджака и нащупал фотокамеру.

* Мария, я знаю, что это будет выглядеть несколько странно, и я не могу понять, как я решился попросить тебя об этом... но что, если я тебя сфотографирую? — Я задержал дыхание, а она удивленно смотрела на меня.

* Пожалуйста, — наконец сказала она. — Если ты думаешь, что это тебе поможет, почему бы нет.

Когда я встал с камня, на котором мы сидели, я почувствовал, что ноги подо мной подгибаются. Я как будто спал и не мог правильно воспринимать происходящее. Она сидела на камне, и я немного отошел. Она ласково улыбалась, а ее глаза лучились ярким светом. Я один раз сфотографировал ее... На большее я не осмелился.

Затем она встала и пошла прочь от меня. Мне показалось, как будто с меня живьем сдирают кожу, как если бы мы слились в одно целое и стали одним человеком. Последние ее слова испугали меня, и я не хотел, чтобы она уходила. Я не хотел вновь остаться в одиночестве.

— Пока что никому не говори о том, что ты узнал сегодня, — сказала она. — Пусть пьеса разыгрывается сама собой, тогда ты поймешь все, что тебе нужно. Просто знай, что Свет сошел в мир, а ночь уже на исходе.

Она повернулась и пошла вверх по холму. Я не мог ни двинуться с места, ни сказать хоть слово. Солнце уже высоко взошло, и я слышал, как в отдалении на холм взбираются паломники. «Если б они только знали», — сказал я сам себе. Но откуда им знать? Они бы не узнали ее, даже если бы она взбиралась на холм вместе с ними. Так и должно быть, в этом сокровенный смысл услышанного мной. Настало время искать Бога в обычных вещах и явлениях, искать Бога друг в друге. Такова моя миссия, а также миссия древней общины. Теперь это было ясно, у всех нас открылись глаза. Но мог ли я предвидеть это?

— Я очень тебя люблю, — сказала она, вновь обернувшись ко мне. И все же эти слова я услышал не ушами, а сердцем. Этот голос

доносился из моего детства, прекрасный голос Бога, столь смущавший и восхищавший меня. — Ты поймешь, что надо делать, ибо я все открою тебе. Доверься мне и верь, что я безгранично доверяю тебе.

Затем она пошла своей дорогой и исчезла за склоном холма.

Хотел бы я вспомнить и записать каждое слово, что я услышал от Марии в Междугорье. Я знаю, что разговоры, которые я запечатлел в этой книге, отражают самую суть ее послания, а это для меня важнее всего. Энергия ее присутствия до сих пор наполняет меня и постоянно пребывает со мной. Эта беседа изменила мою жизнь, и я навеки обязан Марии за то, что она не забыла обещание, которое я дал много лет назад.

Через неделю я вернулся в дом Лиз Стори в Прескотте (штат Аризона). Я провел в путешествии почти месяц, и теперь был очень рад тому, что у меня появилось время, чтобы разобраться в случившемся. На небе загорелись миллионы звезд, высыпали целые туманности новых миров. И тогда я увидел комету. Сначала я не осознал, что в этом заключен некий особый смысл, но затем вспомнил ее слова: «В очень скором времени весь мир увидит, как я пролечу по небу со сверкающим шлейфом из яркого света. Когда ты увидишь это знамение, знай, что настала пора исполниться всему тому, о чем я говорила тебе».

Комета Хейла-Боппа была не просто астрономическим явлением: это был знак с небес, подтверждающий, что все идет предначертанным путем.

Часть 2

Художники в Мексике начали обращать внимание на творчество Жаклин Рипстейн, когда ей было всего двенадцать. Хотя она никогда не училась мастерству рисования, специалисты отмечали, что в ее картинах есть нечто особенное. В том году она выиграла национальный конкурс, и хотя ее стиль еще не вполне сформировался, в мазках ее кисти присутствовало неотразимое очарование, сравнимое с магией, и все это чувствовали. Началась история любви: взаимной любви Жаклин и искусства живописи.

В 1994 году, через четыре года после того, как ее муж был жестоко убит в Мехико, она переехала во Флориду. Начался долгий период поисков смысла в жизни и искусстве. «Должно же быть что-то еще, — думала Жаклин. — У моей жизни должна быть какая-то цель, не просто слава, а высшее призвание». Жаклин была к тому времени художницей, широко известной и уважаемой в Мексике, но в США люди еще не были знакомы с ее творчеством. Она поклялась себе выйти в своей работе на новый уровень, сделаться орудием истины и безграничной любви.

— Бог иногда подшучивает над нами, — позже любила говорить она. — Мы думаем, что просим об одном, а затем получаем нечто совершенно другое, чего не могли даже ожидать. Мы Должны поставить перед собой задачу полностью открыться Богу, с охотой отдавать ему все — наш талант, нашу энергию. Тогда мы обретем наше истинное призвание, так как не мы уже будем определять наши действия и поступки. Через нас будет Действовать сам Бог.

В марте 1997 года, в тот самый месяц, когда я был приглашен в Белград, Жаклин получила заказ от Дианы Абузейд нарисовать Деву Марию для «центра духовного обновления» в Боснии. Диана основала этот центр, чтобы помогать семьям и детям, живущим близ Междугорья и пострадавшим от войны между хорватами, мусульманами и сербами. Центр духовного обновления должен был стать пристанищем и убежищем. Люди всех вероисповеданий могли рассчитывать на то, что здесь к ним отнесутся с состраданием и любовью. Жаклин сразу же почувствовала необъяснимую тягу к этому поручению и лишь сомневалась в том, уместно ли ей рисовать Деву Марию. Будучи художницей, она научилась черпать вдохновение из всех религий и видеть в них прежде всего объединяющие, а не разделяющие черты. Однако воспитывалась она в иудейском вероисповедании, и, хотя ей было ясно, что Мария стоит выше религиозных и этнических барьеров, она ощущала определенную неловкость, не зная, как отнесутся к ее работе церковники. Безграничная любовь и поддержка Дианы помогли Жаклин преодолеть нахлынувшие на нее страхи и сомнения. Диана напомнила ей об универсальности послания Нашей Госпожи и о материнской любви, которая объединит все человечество.

* Послание Марии, которое услышали дети в Междугорье, обращено ко всему человечеству, — сказала Диана. — Однажды дети спросили у явившейся им Марии, кто из них предан Ей больше всех, и Мария назвала имя маленькой девочки, которую они все хорошо знали. Дети очень смутились, потому что девочка была не католичкой, а мусульманкой. «Но вы же не спросили, кто из вас самый набожный католик, — объяснила Мария. — Преданность не имеет ничего общего с религией».

Я поняла вас, — сказала Жаклин. — Как художница, я понимаю, как важно черпать истину во всех религиях. Но разве я не должна быть теснее прочих связана с Марией? Разве не такой художник вам нужен?

— Если Мария захочет, чтобы эту картину написали именно вы, то она так или иначе даст вам об этом знать. Через несколько недель я собираюсь совершить паломничество в Междугорье. Почему бы вам не поехать с нами? Тогда бы вы выяснили, насколько тесна ваша связь.

Жаклин приняла приглашение и начала готовиться к путешествию. Через несколько дней она поняла, что должна три месяца поститься. Она почувствовала необъяснимую необходимость очистить тело, ум и душу в первый раз за всю свою двадцатилетнюю карьеру. Несколько недель она медитировала и молилась, чтобы ей был указан следующий шаг. Она решила не принимать заказ, если Мария не явит свою волю. Хотя Жаклин до того выполнила множество заказов на религиозные темы, она прекрасно понимала, что на сей раз случай поистине особый. Воля Марии должна быть выражена абсолютно недвусмысленно, а сама Жаклин должна полностью отдаться этой задаче, иначе она отклонит просьбу Дианы.

Поездка в Междугорье явилась поворотным пунктом в эволюции живописи и в собственном духовном развитии Жаклин. Группа паломников прибыла в Боснию и была потрясена не только невероятной духовной энергией, наполняющей эту страну, но и насилием, много веков заглушавшим эту энергию. В то время как само Междугорье являет собой символ мира и терпимости, всего в

нескольких милях от него находится Мостар, один из худших примеров несправедливости и ненависти. Именно здесь католики-хорваты убили несколько сотен мусульман, снесли их дома и разрушили мост, долгие века служивший памятником мира и согласия. Казалось вполне Понятным, почему Мария выбрала это место, чтобы возвестить послание любви и надежды: в этом районе Боснии совершенно не было заметно ни того, ни другого.

С этой группой паломников ехал и католический священник по имени отец Томас. Во время автобусной поездки из Загреба в Междугорье он решил удовлетворить свое любопытство и расспросить женщину, которая должна была нарисовать Деву Марию. Он испытывал определенные сомнения в правоте Дианы, отдавшей этот заказ Жаклин. Он бы предпочел видеть на ее месте католичку или, по крайней мере, христианку. Как только выдалась благоприятная возможность, он перешел в конец автобуса и спросил, разрешит ли она ему сесть рядом с ней.

* Что вы думаете об этом заказе? — спросил он Жаклин. — Я уверен, вы прекрасно понимаете, какая это большая честь для вас — поручение нарисовать Нашу Госпожу. Многие удивятся тому, что для столь важного дела выбрали художницу-иудейку.

* Хотела бы я знать, почему выбор пал на меня, святой отец! Однако я не думаю, что вероисповедание может служить преградой. Иудейка я, христианка или индуистка, самое главное — мое желание исполнять волю Бога.

* Разве мы можем знать волю Бога? — спросил он. — Конечно, у вас могут быть свои причины, побудившие вас принять это предложение, и, может быть, они исходят от Бога, а может быть, и нет.

* Уже то, что меня попросили выполнить этот заказ, говорит о многом. Я не навязывалась. Диана сама обратилась ко мне. К тому же я еще не знаю, приму ли его. Поэтому я и участвую в вашей поездке: чтобы понять, хочет ли этого Бог.

* Вы верите в Иисуса?

Жаклин поразила резкость, с которой был задан этот вопрос.

— А вы верите в Бога? — спросила она в ответ.

- * Конечно. Как бы я мог стать священником, если бы...
- * Тогда вы должны верить и в то, что Божья воля находится за пределами наших представлений, — прервала она священника. — А потому разве может кто-нибудь вообще судить о том, что должно быть, а чего не должно. Это не наше дело. Мы можем лишь поддерживать друг друга в наших стремлениях узнать волю Бога в том, что касается нас самих. Именно это я и делаю, святой отец. Я знаю, вы хотите, чтобы этот проект получился как можно лучше, но этого хочу и я. Я лишь прошу вас, чтобы вы помолились Деве Марии и просили ее указать мне путь.

Отец Томас вернулся на свое место. В его чувствах странным образом перемешивались смирение и раздражение. Жаклин знала, что он будет следить за ней и, если сочтет нужным, прилюдно заявит о своем недовольстве. Она знала, что поставила его в неловкое положение. Она лишь надеялась, что, если ей не суждено нарисовать Деву Марию, она вовремя это почувствует. А если суждено, что тогда?

Междугорье совсем не оправдало надежд Жаклин. Эта маленькая деревушка, когда-то совсем скромная, была переполнена туристическими магазинами, и каждый из них старался извлечь максимальную выгоду из постоянного притока туристов, желающих запастись керамическими статуэтками и четками. Дух торгашества, веявший в воздухе, приводил Жаклин в беспокойство и недоумение. Разве этого требует вера, разве это ей нужно? Не в силах избавиться от изумления, она бродила по улицам. И только свернув с оживленной главной улицы и направившись на Холм Явления, она наконец ощутила подлинную энергию Междугорья.

Пилигримы группами шли по узкой извилистой тропинке, ведущей на холм. Некоторые молились, другие тихо переговаривались. Во время этого долгого подъема Жаклин ощутила, что атмосфера вокруг наполнена духом почитания и благоговения, который красноречивее, чем что-либо, говорил о подлинной значимости послания Девы Марии. Это же чувство подсказало ей, что именно на этом холме нужно вознести собственную молитву, прося знака с небес, который указал бы ей, стоит ли браться за выполнение столь ответственного заказа. Здесь поистине находилось сердце

деревни, место, с которого началось паломничество. Здесь она должна получить ответ.

Казалось, что-то или кто-то следит за ней: она чувствовала необычайную теплоту, наполнявшую ее восторгом и радостью. Будто бы сама земля здесь была напоена светом Богоматери и излучала благословение, передававшееся всем присутствующим. Или было что-то еще? Может быть, она здесь не одна? Конечно, кругом были люди, но не этим вызывалось это чувство соприсутствия. Оно было настолько сильным, что его можно было сравнить с мощным лазерным лучом, пронизывающим сердце Жаклин, достигая самых его потаенных глубин. «Интересно, что это со мной», — подумала Жаклин.

Спустившись к подножию холма, она остановилась у небольшой часовенки, во дворе которой стояла статуя Девы Марии. Казалось, статуя излучает ту же энергию, которую Жаклин ощутила на холме. На нее вновь нахлынуло чувство, что на нее смотрит нечто Божественное, но она повернулась, подумав, что у нее просто разыгралось воображение, и пошла к деревне.

Поздно вечером того же дня Диана сообщила своим спутникам, что скоро они встретятся с отцом Йозо Зовко, духовным вождем Междугорья. В свое время Йозо Зовко бросили в тюрьму и пытали за то, что он не опроверг «смехотворные заявления» междугорских детей.

Местные власти приводил в крайнее раздражение подъем религиозного чувства, вызванный явлениями Девы Марии. Мысли о революции носились в воздухе, и власти вовсе не хотели, чтобы их еще больше подогревал пыл «религиозного фанатизма». С момента своего освобождения отец Йозо приобрел широкую известность. Тем не менее этот скромный францисканец совсем не желал этой славы, и возможность встретиться с ним выпадала далеко не каждому.

Диана представила священника Жаклин, как только они прибыли в центр, в котором он работал. Он уже слышал о предполагаемом заказе и охотно согласился повидать иудейку, которой хотели доверить столь важное задание. Отец Йозо и не думал ставить под сомнение правильность выбора лишь из-за разницы в вероисповедании. Его терпимость свидетельствовала о его высоких

человеческих качествах, о его умении не обращать внимания на преграды, разделяющие людей, и сосредоточиваться лишь на том общем, что объединяет всех нас. Он верил, что Жаклин отлично справится со своей миссией, раз уж она для этого решила приехать сюда, чтобы глубже понять волю самой Девы Марии и смысл ее послания. Жаклин была очарована этим удивительным священником и через несколько дней с радостью приняла его приглашение навестить вдов, мужей которых унесла война.

В маленькой комнате было не протолкнуться. Женщины сидели за длинным столом и шили небольшие безделушки, которые затем продавались в деревне. Отец Йозо попросил Жаклин сесть во главе стола и предложил ей с помощью переводчика поговорить с женщинами.

* Мы черпаем силы друг в друге, — сказала одна из них. — Хорошо, когда вокруг тебя люди, понимающие, что ты чувствуешь.

* Конечно, мы очень горевали, — промолвила пожилая женщина, склонившаяся над столом. — Но в Боснии тысячи Женщин, жен и матерей, перенесли такую же утрату, потеряв свои семьи в пожаре войны.

Жаклин была тронута их откровенностью. Они с готовностью разговаривали с иностранкой, которую раньше никогда не видели и которая вряд ли сможет понять их горе, и это помогло ей по-новому взглянуть на предложенный заказ.

Выслушав женщин, Жаклин начала говорить, стараясь выговаривать медленно, чтобы переводчик успевал переводить. «Я не так уж сильно отличаюсь от вас, — сказала она. — Ваша война происходит на глазах у всех, она очевидна, ее ужасы открыты каждому. Я приехала из страны, где идет тайная война, скрытая от чужих глаз. Многие женщины в Мексике пережили такое же горе, как и вы. Мой муж был убит, когда он садился в машину, убит в своем собственном гараже. Мы так и не знаем, кто убил его, а я смогла простить убийц лишь через много-много лет. Поэтому для меня так важна встреча с вами. Я вижу, что мы похожи. Ваша боль — это и моя

боль, и сегодня я здесь, чтобы помочь всеми доступными мне способами».

Выйдя из комнаты, отец Йозо взял Жаклин за руку. «Спасибо вам за то, что вы сказали. Я верю в то, что именно вы достойны такой работы, вы сможете написать Деву Марию. Именно вы способны понять всю силу ее сострадания. Ведь именно это вы будете рисовать: не женщину, а ее сущность. Люди могут не видеть ее глазами, но всегда чувствуют ее сердцем. Для меня большая честь встретить человека, принявшего на себя такую высокую обязанность».

«Разве я уже приняла ее?» — подумала Жаклин. Отец Йозо говорил с такой уверенностью, его убежденность была заразительна. Жаклин впервые подумала, что ведь она и в самом деле не прочь принять заказ. Она начала верить, что ее попросили об этом не просто так: должна быть какая-то серьезная причина, пусть пока ей и непонятная, по которой выбор пал именно на нее. Прежняя осторожность исчезла, уступив место уверенности в собственных силах.

Следующим утром все паломники собрались в церкви святого Якова в центре Междугорья. Жаклин сидела во втором ряду с несколькими своими новыми друзьями, наблюдая за разношерстной толпой. Ее тронула искренняя набожность этих людей. Здесь собрались паломники со всего мира, желающие причаститься тайны, окружавшей и освящавшей это место.

Но чего они хотели и ради чего они на самом деле собрались здесь? Хотели ли они получить откровение или просто ощутить необычайную энергию, действовавшую в Междугорье? Жаклин чувствовала, как ее переполняет любовь к каждому встречному. Она начала ощущать истинную энергетику этого священного места, которая заключалась не столько в незримом присутствии Девы Марии, наполняющем собой атмосферу, подобно запаху цветов, сколько в любви и сострадании, исходящем из сердец окружающих людей. Это было чудесно, а испытываемое паломниками преобразование происходило из них самих.

Во время мессы Жаклин, уйдя в свои мысли, рассеянно смотрела по сторонам. Вдруг что-то привлекло ее внимание. Она посмотрела

чуть выше и левее алтаря, прямо на луч света, проникавший в здание через грязное оконное стекло. То, что она увидела в солнечном свете, не поддается никакому объяснению, но Жаклин тут же поняла все значение этого видения. Она увидела прекрасную женщину, плывущую в солнечных лучах и взирающую на толпу с неопишуемой любовью и милосердием. Должно быть, Жаклин сильно изменилась в лице, так как другие прихожане обратили свои взоры в том же направлении и увидели то же самое.

— Это Она, — прошептали рядом в благоговейном ужасе. —

Дева Мария.

Другой человек сказал, что это оптический обман, искажение солнечных лучей, но Жаклин поняла, что это знак, небесное знамение, вселившее в ее душу спокойствие и уверенность.

Ее беспокоил теперь лишь вопрос, в силах ли она передать всю красоту этого видения. Казалось, краски неспособны на это, но она подумала, что по крайней мере стоит попытаться. Если воля Богоматери состоит в том, чтобы она нарисовала эту картину, то, наверное, Она поможет ей и направит ее кисть. В противном случае Жаклин напишет обычный портрет, очередную простую картину на простом холсте.

Жаклин вернулась во Флориду и немедленно принялась за работу. С удивлением она почувствовала, что к ней вернулись прежние сомнения, прежняя тревога, которая, как она думала, исчезла после поездки в Междугорье. Она полностью погрузилась в работу, но ее не оставляло ощущение, что чего-то не хватает, что она делает что-то не так, словно часть ее, пусть самая укромная и незаметная, до сих пор не поверила в знамение, в неисповедимые пути, приведшие ее к выполнению этой задачи.

Четыре дня спустя она стояла перед чистым холстом в ожидании вдохновения. Блокнот для набросков, который она всегда носила с собой, пестрел разными идеями, лицами и фигурами, которые, казалось, только и ждали, чтобы их перенесли на холст. Но какие-то необъяснимые узы как будто удерживали ее кисть. Жаклин никак не могла ухватить будущую картину во всей полноте. И все-таки перед ее глазами все чаще мелькало одно видение. Она видела Марию, парящую в облаках высоко над Землей. Внутренним зрением Жаклин

видела и лицо Марии, но не знала, получится ли изобразить его красками и кистью.

Весь день Жаклин боролась с сомнениями, еще больше затруднявшими работу. Тогда она открыла Библию на Книге Иова и прочла отрывок, который убедил ее в том, что у этих испытаний есть определенная причина. Она поняла, что чем сильнее боль и творческие муки, тем больше шанс воплотить свое видение. Она решила преодолеть все трудности и села рисовать Деву Марию. Она будет продолжать свою работу во что бы то ни стало, но ей нужна помощь. «Откуда может прийти эта помощь?» — думала она.

Была уже почти половина одиннадцатого вечера, и Жакта устала. Она весь день провозилась с наброском и чувствовала что не может продолжать. Но прежде чем отложить работу, она перенесла блокнот к небольшому алтарю, который когда-то установила в своей студии. На алтаре горела большая яркая свеча в стеклянной колбе, и Жаклин положила блокнот рядом с ней. Она просила дать ей еще один знак, который вселил бы в нее спокойствие и уверенность в том, что она на правильном пути. Она нуждалась в подтверждении, что именно этот набросок и есть то, чего от нее ждут. Жаклин полностью положила на волю Божью. Она была равно готова как отказаться от работы, так и продолжить ее. Но ей нужен был знак.

Ровно в полночь, спустя полтора часа, Жаклин проснулась от воя пожарной сигнализации. Она наспех оделась и выбежала в гостиную. Жаклин не заметила ни дыма, ни огня. Сработал детектор дыма, находившийся рядом с дверью ее спальни. Отключить его никак не удавалось, и она вызвала электротехника. Он тоже не смог ничего сделать, только разобрал сигнализацию и унес в свою мастерскую, пообещав починить : следующий день.

Возвращаясь в спальню, Жаклин прошла мимо алтаря, на котором горела свеча и лежал блокнот. Что-то заставило ее остановиться. Свеча горела уже три дня без малейшей копоти. И теперь в пламени, казалось, пылал какой-то посторонний предмет. На самом деле это наплывы парафина образовали на стенках стеклянной колбы причудливую фигуру. То, что она увидела в следующее мгновение, явилось последней каплей, убедившей ее в том, что она поступила правильно, взявшись за этот заказ. Наплывы образовали в точности

ту же фигуру, которую она набросала в блокноте. Жаклин открыла блокнот, чтобы увериться в сходстве образов. Да это было и не сходство, а полная идентичность! Вновь взглянув на парафиновую фигуру, она обратила внимание на то, что свет свечи пронизывал ее насквозь, создавая впечатление, будто она живая, движется. Слезы потекли по щекам Жаклин. Ее молитвы были услышаны!

Она схватила блокнот и побежала в студию. Той ночью Жаклин провела за холстом несколько часов, стремясь всецело использовать божественную энергию, окружавшую ее. К утру картина стала приобретать плоть и кровь. Всякие сомнения, обуревавшие ее прежде, исчезли.

Через несколько дней Жаклин пригласила домой подругу, чтобы показать ей свечу и образ Марии. Подруга пришла в восторг, увидев такое чудо, и ушла от Жаклин лишь спустя несколько часов. Выходя из лифта на первом этаже, она чуть не налетела на пожилого мужчину, который проходил мимо. Схватив его за рукав и благодаря этому удержавшись на ногах, она извинилась за свою невнимательность. Мужчина посмотрел ей прямо в глаза и сразу же заметил что-то необычное в выражении ее лица.

* Ваши глаза лучатся прекрасным светом, — сказал он. — Должно быть, вы только что видели нечто удивительное.

* Да, можно сказать, я увидела чудо, — ответила она.

* Вы кого-то здесь навещали?

* Да, моя подруга — художница, и...

* Похоже, я должен познакомиться с вашей подругой, — убежденно заявил мужчина. — Не знаю почему, но мне кажется, это важно. Я раввин и обещаю, что не доставлю ей никаких неприятностей.

* Моя подруга тоже еврейка, но, к сожалению, я не могу вам назвать ее имя, это было бы вмешательством в личную жизнь.

Раввин продолжал настаивать, но женщина отказалась от дальнейших разговоров и ушла. Убежденный в безошибочности своей интуиции, раввин начал опрашивать жильцов и наконец узнал имя Жаклин, единственной художницы, проживавшей в этом доме.

Он оставил записку для Жаклин у консьержа, и на следующий день она ему позвонила.

— Я рада, что вы нашли меня, — сказала Жаклин по теле фону, а затем рассказала о чуде со свечой. — На наплывах пара фина появились странные знаки, напоминающие еврейские буквы. К сожалению, я не читаю на иврите, поэтому, может, вы подскажете мне, что они значат.

Вечером того же дня раввин пришел к ней домой. Жаклин открыла дверь и увидела пожилого человека небольшого роста в черном пальто и *kipe*, с пронизывающим взглядом узких глаз. Она пригласила его в гостиную, где уже собралось несколько ее друзей. Они немного поболтали, а затем Жаклин внесла свечу. Раввин несколько минут внимательно разглядывал колбу, поднеся ее к свету, чтобы определить, не подделка ли это. Удовлетворив свое любопытство, он поставил свечу на стол и посмотрел на Жаклин.

— Я должен вам сказать две вещи. Во-первых, это не просто еврейские буквы, а целые слова.

— Что за слова, равви? — спросила она, чуть не вздрогнув. — Они переводятся так: «Бог существует и творит чудеса». Жаклин замерла от изумления. Она и представить себе не могла, что ее история окажется еще чудеснее! И если бы это чудо случилось с кем-то другим, вряд ли Жаклин поверила бы в него. Задержав дыхание, она спросила:

* А что еще вы хотели мне сказать?

* Должно быть, это чудо сотворил Бог, но вы должны отвернуться от этих людей. — В его голосе внезапно зазвучали суровые холодные нотки, заставившие Жаклин содрогнуться.

На его лице появилось странное, не поддающееся описанию выражение, так что она непроизвольно отдернула руку, когда он наклонился, чтобы коснуться ее своей рукой.

* Дитя мое, вы попали в ловушку... Они обманули вас, — сказал он немного дрожащим голосом. — Вы иудейка, а не христианка. Эти слова — Божье знамение, призывающее вас прислушаться к своей крови. Иначе почему они написаны на иврите?

* У художника нет религии, — ответила она. — И тем не менее

все, что случилось со мной, идет от Бога. Может быть, все дело в том, что сама Мария была еврейкой.

- * Пожалуйста, послушайте мои слова, — сказал он мягким и вместе с тем озабоченным тоном. — Я понимаю, что это чудо кажется поистине удивительным, и я согласен, что здесь есть над чем задуматься. Но женщина, которую вы нарисовали, — христианка, а не иудейка. Вы не можете посвятить ей свой дар и даже приписать ей это чудо, продолжая считать себя еврейкой.

В его глазах Жаклин вновь заметила то, что уже видела раньше. В них горел тот же страх, который мерцал в глазах отца Томаса. И тот, и другой боялись ошибиться. В глазах отца Томаса выбор еврейки для написания картины, изображающей Деву Марию, угрожал его представлениям о католицизме как единственно правильной религии. Для раввина же происходящее означало, что подлинные чудеса на самом деле могут происходить вне всякой связи с иудаизмом. Раввин и отец Томас очень похожи друг на друга, поняла Жаклин. А поскольку все, что мы делаем, в сущности является либо актом любви, либо призывом к любви, она решила не обращать внимания на слова раввина и дать ему то, в чем он на самом деле нуждался.

— Мне очень жаль, что вы смотрите на это с такой точки зрения, — ответила она. — Но я могу определить, что исходит от Бога, а что нет, лишь по одному критерию. И этот критерий — любовь. Все, что происходило со мной с того момента, как я приняла заказ, выражало любовь. А теперь, когда случилось это чудо, я не могу расценивать его иначе, как еще один призыв к любви. — Сказав это, Жаклин вновь вспомнила слова, начертанные на стекле: «Бог существует и творит чудеса».

- * Тогда зачем я вам понадобился? — спросил раввин.
- * Вы были посланы, чтобы разъяснить мне значение букв, — ответила Жаклин. — Благодаря этому я знаю, что сделала правильный выбор, приняв заказ. Поймите меня правильно, я вовсе не хочу оспаривать вашу веру. Однако я считаю, что всем нам этим чудом явлена удивительная возможность отбросить

все, чем мы отличаемся друг от друга, и сосредоточиться на том, что нас объединяет.

* Меня впечатляет ваша убежденность, — сказал раввин, — и я буду молиться за вас. Возможно, я уже слишком стар для таких вещей... Возможно, вы правы. Я не могу отрицать, что случилось чудо, и попытаюсь не судить.

Очень скоро раввин извинился и ушел. Жаклин села на диван и вновь посмотрела на свечу. Она почувствовала удивительную волну тепла, прошедшую по ее телу, словно свеча еще горела. Жаклин поняла, что это *в ней самой горит духовный свет*. Официальные религии в лице своих представителей постарались отстраниться от ее работы, но она знала, что это ничего не изменит. Слишком сильная энергия проявилась в последних событиях, слишком очевидны и важны случившиеся в последнее время чудеса. В конечном счете, все случившееся прекрасно укладывалось в ее представления о Деве Марии. «Она пришла, чтобы принести в мир сострадание и всепрощение, — размышляла Жаклин, — а вовсе не осуждение. Она стремится объединить людей, а не разделить их. Может быть, это и вызвало такую странную поляризацию с первых же моих шагов».

Прилив энергии, который почувствовала Жаклин, вдох новил ее на работу. Ее переполняли мысли и образы, а кисть скользила по холсту с изумительной быстротой и изяществом. Прошло совсем немного времени, и картина была почти готова: оставалось нарисовать лишь глаза. По какой-то непонятной причине Жаклин не могла сосредоточиться на этой последней детали, а ведь без нее картина выглядела абсолютно безжизненной. Эта странная внезапная беспомощность была сродни той неуверенности, которую испытывает мать при последних родовых схватках, в последние мгновения перед рождением ребенка. Но уже слишком поздно, ребенок уже готов сделать первый вдох. Точно так же картина, которую породила Жаклин, ждала лишь последних штрихов, чтобы задыхаться полной грудью.

Жаклин четыре раза ходила к известному целителю в Йнадежде, что он поможет ей преодолеть эту последнюю преграду. Каждый раз она возвращалась в студию и долго стояла перед холстом в бесцельном ожидании. Картина не оживет, думала Жаклин. Она

боялась оживить ее. Она пошла к целителю снова, остро чувствуя, что это ее последний шанс.

Лежа на столе, она почувствовала необычайный прилив энергии, волнами прокатившейся по ее телу, как будто душу ее пронзил ослепительный луч света, проникнув в самые глубины ее сознания. Этот луч подчинялся в своем течении определенному ритму, он как будто плясал в ее жилах. Сначала Жаклин испугалась и хотела освободиться от этого нового необычного ощущения, но оно было столь приятным, столь успокаивающим, что она решила подождать еще немного и посмотреть, к чему это может привести. Затем она увидела глаза Девы Марии, смотрящие прямо на нее. Она все еще не двигалась, неподвижно лежа на столе. Затем все прошло, но что-то изменилось навсегда, или, лучше сказать, Жаклин от чего-то освободилась.

Вернувшись в студию, Жаклин подошла к неоконченной картине и, инстинктивно взяв в руку кисть, начала рисовать глаза, какими они явились ей в видении. Голова у нее закружилась, и она была вынуждена несколько раз энергично встряхнуть головой, чтобы прояснить этот образ и продолжить рисовать. И вот наконец Жаклин закончила работу. Она отступила на несколько шагов, чтобы рассмотреть картину.

Картина ожила и даже задышала, как будто атмосфера ее была напоена настоящим воздухом. Из глаз Жаклин полились слезы, а сердце наполнила неизъяснимая радость. Мария обрела жизнь с ее помощью, и Жаклин благодарила небо за то, что именно ей было доверено вдохнуть в Нее жизнь.

Диана, заказавшая Жаклин эту картину, пригласила тех людей, с которыми она ездила в Междугорье, на обед. Должен был присутствовать и отец Йозо. Когда с холста сняли покрывало, на его глазах выступили слезы. Отец Йозо сказал, что картина явила ему то, что выше даже любой религии, — сущность Вселенской Любви. Жаклин не была удивлена. Картина начала проявлять свою магическую силу.

На следующий день отец Йозо отправлялся в поездку по пятнадцати городам, в которых собирался показать эту картину, и попросил оставить ее на эту ночь в его комнате. Он чувствовал

присутствие Девы Марии и так и не смог заснуть. На следующее утро, когда все собрались за столом, отец Йозо рассказал, что картина помогла ему подняться на совершенно иной уровень сознания. Тогда Жаклин показала ему чудесную свечу. «Да, Она здесь, — произнес отец Йозо. — Она — Мать всех и всего. И Она хочет пробудить нас. Она хочет, чтобы нашу жизнь осветила любовь».

Первая выставка началась в тот же день. Посмотреть на новую картину пришло много народу. Галерея была заполнена людьми, желавшими своими глазами увидеть изумительное произведение искусства, о котором уже много говорили. Но лишь немногие знали о чудесах, сопутствовавших созданию картины. Большинству было известно о том, что она предназначалась для центра в Междугорье, но никто не мог даже предположить, что произойдет.

С каждым, кто подходил к картине, начинали происходить странные вещи. Входя в галерею, люди вели себя свободно и непринужденно, много болтали и шумели, но, по мере того как они приближались к полотну, их поведение совершенно менялось. Разговоры постепенно затихали, а когда посетители останавливались у самой картины, воцарялась мертвая тишина. Вокруг полотна образовался полукруг, больше напоминавший молитвенное бдение, чем художественную выставку. Чувство *уединенности* или, лучше сказать, самоотречения, казалось, витало в воздухе и окутывало всех, стоявших перед картиной.

Некоторые входили в состояние глубокой медитации. Один священник был настолько поражен, что упал на колени и начал молиться. Когда Жаклин включила инфракрасный излучатель, позволявший увидеть недоступные при обычном освещении краски и изображения ангелов, раздался общий глубокий вздох. Никто не говорил ни слова. Все стояли с глазами, полными слез. «Жаклин, это невероятно, — сказал отец Йозо, прикоснувшись к ее плечу. — Нужно совсем немного света, чтобы увидеть Свет!»

Затем вперед выступил человек небольшого роста, по виду индус, и нарушил всеобщее молчание. Это был целитель в десятом поколении, действительно происходивший из очень уважаемой индусской семьи. Один лишь он знал, что нужно делать. Он видел нечто, недоступное другим.

* Разве вы не видите, что онажива? — спросил он Жаклин. — Она жива, у нее даже есть пульс.

* Что вы говорите? — спросила одна женщина.

— Сейчас я покажу.

Он взял женщину за руку и поставил ее перед картиной, затем положил ее палец на то место, где обычно берут пульс. Женщина чувствовала себя глупо, пытаясь нащупать пульс у изображения, но индус успокоил ее, положив ей на голову свои руки.

— А теперь сосредоточьтесь на изображении. Ощутите святость этой девы, войдите в свет, исходящий от ее тела.

Наступило долгое молчание. Все затаили дыхание.

— О Боже, — сказала она наконец, — я чувствую ее пульс! У нее действительно бьется пульс!

Люди начали один за другим подходить к картине, индус возлагал руки на их головы. Некоторые в слезах падали наземь. Другие отходили в изумлении. Жаклин смотрела на происходящее с глубоким удивлением. Мария выполнила свое обещание, подумала она. Она совершила чудо в линиях и цвете, явив послание любви и единства в форме картины!

Часть 3

Я разъезжал по всему миру уже два с половиной года, и у меня появились признаки заметного охлаждения к этому занятию. Большую часть времени я проводил в путешествиях с одной конференции на другую, иногда давая концерты, пока все это не слилось в моем сознании в одну непрерывную череду лекций, интервью и выступлений. Хотя я по-прежнему испытывал живейшую благодарность за предоставленную мне возможность поехать по свету, распространяя простое и ясное послание, полученное в боснийских горах, я начал задумываться, когда же наступит конец моего долгого пути. Прошло уже полтора года с того момента, как я расстался в Междугорье с Марией, и я пребывал в сомнениях, не забыла ли она обо мне. Именно о ней говорили Посланники, называя ее «следующим наставником», в этом я был уверен, но прошло уже столько времени, а никаких изменений не видно. Может быть, в этом моя вина. Возможно, я не выполнил ее поручения; возможно, я

неправильно распространял весть о сострадательной природе Господа. В общем, по той или иной причине я впал в странную меланхолию и появлялся на публике как будто во сне, перестав отличать одно мероприятие от другого.

И все же в 1998 году случилось множество невероятных событий. В феврале я получил приглашения одновременно от правительств Ирака и Северной Ирландии, обратившихся ко Мне с предложением исполнить молитвы о мире во время важнейших переговоров. В обоих случаях через Интернет заблаговременно распространялись извещения, и миллионы людей по всей Земле возносили молитвы о мире вместе со мной. Я даже не подозревал, что столь многие готовы открыть свои сердца и влиться в общее движение за мир, охватившее всю планету. Возможно, Посланники правы. Возможно, мы стоим на пороге Нового Мира, воплощающего законы любви, а не страха.

Через три дня после каждого такого молитвенного бдения происходило чудо. В Ираке, несмотря на кажущуюся неизбежность войны, Кофи Ананом и Саддамом Хусейном был подписан мирный договор, а в Северной Ирландии представители различных политических партий совершили за столом переговоров настоящий прорыв, позволивший им подписать соглашение за месяц до назначенного срока. Для меня великой честью было уже одно сознание того, что я был некоторым образом причастен к обоим этим чудесным событиям, и я начал думать, не близится ли время исполнения пророчества Марии.

В апреле мы сделали следующий важнейший шаг в деле обретения этого Нового Мира. Я завязал тесную дружбу с двумя известными писателями и ораторами: Греггом Брейденом и Дорин Вёрче. Мы встретились на конференции в Хьюстоне и сразу же поняли, что нам предстоит совместная работа. Мы решили, что не имеем права упускать возможность, предоставленную нам молитвенными бдениями в Ираке и Северной Ирландии, и вместе организовали «Великий Эксперимент». Целью эксперимента было выяснить, что произойдет, если миллионы людей сосредоточат свои мысли в молитве о мире в одно и то же время. Можно ли измерить такое глобальное событие научными средствами, доказав раз и навсегда, что мистики правы и мы способны изменить мир, просто

изменив наше представление о нем? Я уже получил приглашение выступить 23 апреля с концертом перед сорока послами в Церковном центре ООН в Нью-Йорке. В тот же день Грегг должен был находиться с группой людей в Тибете. Нам показалось, что все складывается лучше не придумаешь, и через несколько дней мы составили извещение и начали рассылать его по электронной почте.

Мы никоим образом не могли вообразить, какое важное значение приобретет «Великий Эксперимент». По некоторым подсчетам, в нем приняло участие от пяти до десяти миллионов человек в восьмидесяти странах. Весь мир внезапно замер и объединил силы в едином порыве к любви, в молитве, подобной которой мир до сих пор никогда не видел. ООН проявила такую активность, какой от нее никто не ожидал. Хотя концерт для послов проходил в узком кругу, являясь событием, в общем-то, частного характера, сотни людей звонили на ооновский коммутатор, пытаясь попасть на это мероприятие. И хотя их просили не приходить, толпы людей бродили на улице, не оставляя надежды «прорваться». Многим это удалось. Чудесным образом люди наугад проходили в нужное здание и нужную комнату.

За пятнадцать минут до прихода послов организаторы мероприятия попросили меня помолиться с ними в кругу. После того как несколько человек высказали свою радость по поводу того, что они способствуют делу мира, в центр круга вышла одна женщина, сказавшая нечто такое, во что я едва мог поверить.

Четыре года, четыре месяца, четыре недели и четыре дня назад группу старейшин индейского племени хопи пригласили в ООН рассказать об их видении Нового Мира. Помимо прочего, старейшины сказали, что точно через четыре года, четыре месяца, четыре недели и четыре дня в этом здании произойдет нечто такое, что навсегда изменит наш мир. И вот день, предсказанный старейшинами, настал. Началась новая эра сострадания, любви и мира.

Когда назначенный час наконец наступил, в комнате воцарилась мертвая тишина. Казалось, будто с небес дождем стекают миллионы молитв. Я никогда раньше не испытывал такого глубокого умиротворения и знал, что женщина, говорившая в центре круга,

была совершенно права. Что-то изменилось, и все мы это чувствовали. Никто не знал, как это проявится, но каждый из нас осознавал, что в этот день мы прошли некую поворотную точку и Новый Мир родился!

После этого всякий раз, вспоминая этот день, я преисполнялся необычайной благодарности и благоговения. Эти воспоминания помогали мне сосредоточиться на том, что действительно важно, на том, что следует делать, одновременно помогая мне преодолеть тот упадок сил и энергии, который я преследовавшее меня подобно мрачному облаку, но теперь оно скорее напоминало тихое постукивание барабана, повторяющийся ритм, слышимый в отдалении, неотвязный и до боли знакомый.

К тому времени я уже три года как не бывал дома. Я был чрезвычайно востребован как оратор и певец, и мне это нравилось, но долгое отсутствие пробило в моей душе брешь, которую необходимо было залатать. Мне нужно было вновь ощутить ту уверенность и устойчивость, которую я испытывал в присутствии Марии. Не могу описать, что именно я чувствовал рядом с Марией, но мне казалось, что я «дома» в высшем и глубочайшем смысле этого слова. Превыше ее необыкновенной красоты, превыше даже ее удивительной мудрости, сказывавшейся в каждом ее слове, была неопишуемая энергия, составлявшая самую ее сущность. Именно об этом свете я молил и мечтал. Лишь эта пища могла утолить мой духовный голод.

Несколько месяцев спустя я готовился к предстоящей конференции, предвкушая новую встречу с Греггом и Дорин. Мы должны были встретиться впервые со времен конференции в Хьюстоне. «Это-то мне и нужно», — подумал я. Они должны напомнить мне, зачем я встал на этот путь и отправился в это путешествие. И, непонятно почему, я был убежден в том, что они помогут мне восстановить утраченную связь с Марией.

Когда люди встречаются и сосредоточиваются на какой-либо важной задаче, их энергия может выйти из привычного монотонного ритма. Хотя моя жизнь внешне была не такой уж монотонной и даже полной приключений, я чувствовал, что уже позабыл, зачем я все это делаю. И, самое главное, зачем я когда-то слушал Посланников.

У меня была еще одна причина надеяться на то, что эта конференция выведет меня из состояния меланхолии: мы с Греггом и Дорин организовали следующее всемирное молитвенное бдение под названием «Нечего бояться» и наметили его на 13 ноября 1998 года. Назначая это время, мы не знали того, что США с союзниками находились на грани войны с Ираком. Саддам Хусейн вынудил инспекторов ООН покинуть Багдад и отказался подчиниться требованиям международного сообщества. Переговоры зашли в тупик и война казалась неминуемой.

Мы с Греггом и Дорин прибыли в Уэст-Палм-Бич (Флорида) и начали раздумывать над тем, как отреагировать на угрозу нового кризиса. Слухи о молитвенных бдениях разошлись по всему свету, и, очевидно, мы втроем встретились на этой конференции вовсе не случайно. Я открывал конференцию, а Дорин должна была выступить позже.

В своей речи я говорил о необходимости рассматривать мир как *наличную действительность*, а не *предполагаемое* состояние, которого мы пытаемся достичь. «Если мы обратимся мыслями к иракскому конфликту и попытаемся разрешить его, то на самом деле лишь усугубим положение, — сказал я. — Наши мысли лишь питают то, о чем мы думаем. Если же мы сосредоточим свои мысли на мире, как если бы он был уже достигнут, наши молитвы вступят в энергетическую связь с решением, а не с конфликтом». Я слышал это от самих Посланников и был убежден в их правоте. Но в тот момент эти слова исходили из моего собственного сердца.

Во время выступления Дорин на сцену поднялись и мы с Греггом. Когда наступило время для молитвенного бдения, мы попросили присутствующих почувствовать свое единство со всеми людьми на планете, молящимися о мире в этот самый момент. «Это Единое Сознание обладает силой устанавливать мир там, где царит насилие, — сказала Дорин. — Наши молитвы о мировой гармонии обойдут весь свет, и все, кто верит в то, что война может быть вариантом решения проблемы, в Ираке или любом другом месте, изменят свое мнение и присоединятся к нашей революции, раз и навсегда преобразив этот мир.

Отсюда начнется победное шествие мира. Мы знаем, что так будет, и мы возносим нашу благодарность за то, что нам доверено стать орудиями мира».

Никто из нас не знал, что президент Клинтон только что отдал войскам НАТО приказ нанести удар по Ираку. Через несколько минут истребители поднялись в воздух. Но в очередной раз случилось нежданное чудо. Спустя три часа после начала нашего молитвенного бдения Саддам Хусейн отправил в ООН послание, в котором соглашался на возвращение международных инспекторов. Президент Клинтон узнал об этом и отменил свой приказ. Истребители вернулись на аэродромы. Однако шахматная партия еще не кончилась. Клинтон еще раз приказал истребителям атаковать и вторично отменил приказ за какие-то секунды до того, как они должны были сбросить бомбы. Никто не знал, почему он принял такое решение. Шли томительные напряженные часы и дни ожидания, но конфликта удалось избежать, и на земле вновь воцарился мир.

Мы были преисполнены радости от такого развития событий. Вовсе не считая, что лично мы ответственны за этот чудесный оборот, мы прекрасно знали, что усилия миллионов людей, молившихся о мире, не пропали даром. Я вспомнил обет, который в возрасте двенадцати лет принес Марии. Я просил ее сделать меня своим орудием, использовать меня, чтобы нести миру мир. Я начал понимать, что Бог всегда использует нас для этого; в сущности, это единственная молитва, которая доходит до Бога. Все мы должны отдавать все силы, все наши таланты и способности делу мира и исцеления. Даже такая простая вещь, как молитва, может помочь, ибо Господь использует ее как движущую силу, чтобы воплотить в жизнь все благие намерения всех людей на земле. Когда мы прислушиваемся к божественному ритму, пульсирующему в нашем сердце, когда мы действуем как одно целое, весь мир преобразуется в один разум, одно сознание. Вот что я понял благодаря нашим молитвенным бдениям.

После того как Дорин закончила свое выступление, я стоял и разговаривал с людьми. Вдруг я почувствовал, как на мое плечо легла

чья-то рука. Я обернулся и увидел женщину с глубоким пронизывающим взглядом.

— Меня зовут Жаклин Рипстейн, — сказала она. — Я художница и собираюсь выставить на этой конференции несколько своих картин. Мне хотелось бы, чтобы вы посмотрели на одну из них.

Она взяла меня за руку подвела к стене, рядом с которой на козлах стояли три картины. Мы остановились перед одной из них. Это было чудесное изображение Марии, парящей в облаках [Город Творцов*](#). Меня тут же охватило неизъяснимое чувство благоговения.

— Эта картина называется «Наша Госпожа Вселенной», — сказала она. — Я прочла вашу книгу «*Посланники Света*» и знаю, что вы бывали в Междугорье. Эта работа была заказана тамошним Центром духовного обновления. Впрочем, кажется, заказ исходил и от кого-то еще. Похоже, с этой картиной происходят чудеса каждый раз, когда она где-нибудь выставляется. Она обладает чудесной силой, как будто получила благословение от самой Девы Марии.

Я не сразу осознал связь между картиной и своими воспоминаниями об общении с Марией. Я взглянул на работу и воздал должное таланту художника, а затем попросил прощения и разрешения уйти. Я устал от этого полного событиями дня и хотел отдохнуть. Жаклин сказала, что хотела бы поговорить со мной до того, как закончится конференция, и я ответил, что, возможно, нам представится удобный случай. Если честно, я не думал, что смогу выбрать время, и потому вовсе не испытывал уверенности, что наш разговор состоится — по крайней мере в тот момент у меня не было на это ни малейшего желания. Энергия, которую я почувствовал во время молитвенного бдения, была так сильна, что я не хотел связывать себя никакими обязательствами.

Той ночью я крепко заснул и увидел череду удивительных снов. В одном из них я вернулся в Боснию к Посланникам и был с Учителем, главой общины. Он сидел напротив меня и смотрел мне в глаза через пламя огня, но не сказал ни слова.

Это было очень необычно, так как именно в этом месте мы по большей части вели наши беседы. Я наблюдал за тем, как искры

разлетаются во все стороны, окутывая нас, и ждал, когда он наконец заговорит, но так и не дождался.

Затем я очутился в Иерусалиме, где побывал несколько месяцев назад. Я бродил по часовне, возведенной на том месте, где две тысячи лет назад жила Мария. Эта часовня представляла собой круглую комнату, стены которой украшали прекрасные картины. Но это были совсем не те картины, что я видел там наяву. Остановившись и разглядывая каждую из них, я начал понимать, что они изображают сцены из моей жизни. На первой я был изображен ребенком, приносящим обет Марии. На второй я молился в монастыре перед ее статуей. Затем я увидел себя сидящим в боснийских горах с Учителем, а следующая картина представляла мою встречу с Марией в Междугорье.

Наконец осталась последняя картина, заставившая меня призадуматься. Это была работа Жаклин «Наша Госпожа Вселенной». Меня поразило портретное сходство Марии на этой картине с тем образом, который запечатлелся в моей памяти со времен наших бесед в Междугорье. Мне было непонятно одно: почему все другие картины отражали события, уже случившиеся в моей жизни, а эта последняя картина — нет. Мне подумалось, что, возможно, она возвещает нечто еще не состоявшееся.

В последнем сне я оказался в Ираке. Я сидел в холле гостиницы «Ар-Рашид». Там я проводил много времени, когда был в Багдаде, наблюдая за сотнями журналистов, таскающих свое снаряжение туда и обратно, или же спокойно поджидая господина Сабара, моего гида. Внезапно я почувствовал, что кто-то сел в соседнее кресло. Я повернулся и увидел Учителя, старого Посланника, который так и не открыл рта в предыдущем сне.

- * Ну как, уловил картину? — спросил он меня.
- * Это шутка? Намекаете на сегодняшнюю выставку?
- * Если ты думаешь, что речь идет о живописи, то глубоко заблуждаешься, — сказал он. — Учитывая все, что тебе довелось пережить, я думал, ты окажешься догадливей. Картина — это символ Ее сущности, точно так же, как символом была и женщина, которую ты встретил в Междугорье. Иными словами,

она не имеет ничего общего с тем, что изображает. Истина лежит глубже. Она является тебе любым угодным Ей образом. Она избирает способ, как преподать тебе урок. И вот ты увидел Ее снова, но так как ты не можешь отвлечься от образа, то упустил эту возможность.

- * Что вы хотите сказать? Вы все еще говорите о картине?
- * Я говорю о Ее замысле, которого ты не знаешь, но который начинает претворяться в жизнь. Все к этому идет — твои беседы с Посланниками, молитвенные бдения, встреча с Марией в Междугорье. Каждый раз миллионы людей вместе возносят молитвы, а это значит, что грядет Сдвиг. Все, чему ты научился, ныне проходит последнее испытание.
- * Что такое Сдвиг? — спросил я.
- * Она рассказывала тебе об этом. Человечество готово вступить в ту энергию, которую вы называете состраданием. Об этом возвещает женственная сущность Бога, о которой говорила Мария. Но это еще не все. Одно из побочных действий этого Сдвига заключается в том, что люди научатся напрямую обращаться к этой энергии. Вы слишком долго полагались на опыт других людей. Стоит в месте, подобном Междугорью, случиться чуду, как туда стекаются толпы народа, чтобы услышать о случившемся. Но они не верят, что могут лично участвовать в этих событиях. Всегда легче расспросить кого-то о Боге, когда все уже позади.
- * Перемены произойдут именно в этом, — продолжал он. — Пора уже людям самим причаститься этой энергии. Так человечество сделает следующий шаг, переступит порог Двери. Вам нужна непосредственная связь с божественной любовью, и именно в этом состоит главная роль Марии. Так как она воплощает в себе сострадание, женственную энергию Бога, именно она затронет человеческие сердца и откроет их для восприятия истинного мира.
- * Я уже давно ждал чего-то подобного, — сказал я. — Когда полтора год назад я увидел комету, то подумал, что события ускорятся. Но вместо этого, как мне казалось, они замедлились.

* Иногда плод должен вызревать дольше, чем обычно, — сказал Учитель. — Все шло своим чередом, а ты сделал все, что мог. Просто ты не подозреваешь этого, но скоро все изменится. Поэтому я пришел, чтобы указать тебе на происходящее.

— А как же картина? — воскликнул я. — Я знаю, что в ней заключено нечто очень важное, иначе она не появилась бы в моем сне.

— Будь внимателен. Ты находишься в правильном месте... Это все, что я могу тебе сказать. Вскоре ты получишь все необходимые сведения, чтобы сделать следующий шаг. А теперь я отвечу на вопрос, который ты так и не задал. Не волнуйся, Она не забыла тебя.

Вот и все, что я вспомнил, проснувшись утром. Я тут же сел за стол и записал весь сон, по возможности подробно. Нельзя ничего пропускать, подумал я. Если настал поворотный момент на моем жизненном пути, я должен быть к этому готов.

На следующее утро я отправился на розыски Жаклин. Сотни людей толпились в коридорах, ведущих к комнате, в которой проходила конференция, и я не был уверен, что смогу найти ее до начала утреннего заседания. Но когда я проходил через гостиную, меня окликнули:

— Джеймс, пожалуйста, посидите с нами.

Жаклин завтракала с несколькими друзьями, и они подвинулись, освободив место и для меня. Я сел, налил себе чашку кофе и глубоко вздохнул.

— Я рад, что вы меня увидели, — не сумев избавиться от охватившего меня волнения, начал я. — На самом деле я искал вас, но в этой толпе...

— Мы хотим вас кое о чем спросить, — на этот раз обратилась ко мне Конни, прекрасная испанка, сопровождавшая Жаклин и вчера. — Мы верим, что в сочетании разных форм искусства заключена великая сила. Мы поставили себе задачу показать картину Жаклин как можно большему числу людей, но нам кажется, что действие ее будет сильнее, если выставлять ее при музыкальном сопровождении.

— Мы хотели попросить вас написать пару песен для этой картины, — подхватила Жаклин. — У меня засела в голове эта мысль с тех самых пор, как я прочла вашу книгу, тем более вчера мы слышали, как вы поете. В вашей музыке есть нечто такое, что прекрасно гармонирует с картиной, и мне кажется, что эти звуки могут усилить воздействие живописи. Я понимаю, что мы только что познакомились и моя просьба может показаться вам неуместной, но вы окажете мне большую честь, если подумаете об этом.

* Для меня это вовсе не так неожиданно, как вы думаете, — сказал я. — Пожалуйста, расскажите мне об этой картине, особенно о той энергии, которой она, по вашим словам, обладает.

* О, это долгая история, — сказала Жаклин. — Прежде всего, я не католичка, по правде говоря, даже не христианка. Я иудейка. Тем не менее, будучи художницей, я не связываю свое творчество с какой-либо отдельной религией, а черпаю вдохновение во всех вероисповеданиях. И все же я сильно удивилась, когда получила заказ нарисовать *Нашу Госпожу Вселенной*. Я сомневалась в том, что смогу его выполнить. Я думала, что не так сложно найти какого-нибудь другого художника, который стоит гораздо ближе к Деве Марии, чем я. Поэтому я решила, что не возьмусь за эту работу, если не получу знак свыше. Карандашные наброски, которые я делала время от времени, немного меня успокоили, так как я чувствовала, что от них исходит мощный поток энергии, даже на такой предварительной стадии работы. Но мне была нужна большая определенность, и потому я молилась Госпоже, чтобы она ниспослала мне знак.

Жаклин рассказала мне о случае со свечой, о том, как наплывы парафина образовали фигуру, во всех подробностях соответствующую сделанному ей наброску.

* Расскажи ему о буквах, — сказала Конни.

* Ах да, над этой фигурой проявились странные значки, и я узнала в них буквы еврейского алфавита. К сожалению, я не умею читать на иврите, поэтому пригласила посмотреть на них

одного раввина. Он сказал мне, что это не просто буквы. Они образуют законченную фразу: «Бог существует и творит чудеса». Представляете себе, что я почувствовала? Могу лишь сказать, что с той поры я не стала терять времени.

— Когда она закончила картину, — сказала Конни, — было организовано несколько выставок. И тогда мы поняли, что картина поистине вдохновлена свыше. Люди впадали в измененные состояния сознания, лишь бросив на нее взгляд. В ней присутствует энергия, проникающая в самые сердца людей, и мы поняли, что Госпожа имеет на картину свои виды.

Меня переполняли одновременно радость и страх. Все, что я узнал от Учителя и Марии, начало складываться в единую картину. Оба они говорили о том, что людям необходимо испытывать Божественное напрямую, а не через посредников. Кажется, картина этому как раз и способствовала. У меня оставался единственный вопрос: причем здесь я?

— Я не знаю ответа, — сказала Жаклин, покачав головой. — Но у меня есть такое чувство, что вы каким-то образом при-частны к этой картине. Опять повторяю, в вашей музыке есть что-то гармонирующее с изображением.

В тот же день я выбрал удобный случай на несколько минут остаться наедине с картиной Жаклин. Стоя перед ней, я ощутил уже знакомое мне чувство. Такое же чувство я ощущал, встречаясь с Марией в Междугорье, хотя сейчас оно не проявлялось с такой силой. Впервые с тех пор, как мы расстались с Марией на боснийском холме, я понял, что она зовет меня. Я вновь чувствовал ее присутствие, наполнявшее меня неизъяснимой энергией.

* Что вы чувствуете? — спросил меня чей-то голос. Я обернулся и увидел, что позади стоит Жаклин. — Чувствуете что-нибудь необычное?

* Как вы думаете, что это значит? — спросил я, намеренно уходя от ответа. — У нее должна быть какая-то цель, какая-то высшая причина или предназначение. Как вы думаете, в чем она?

* Я думаю, что на Землю ныне нисходит много благословений, — ответила она, — как будто мы вступили в новую

историческую эпоху. И я верю, что Нашей Госпоже отведена в ней особая роль, по крайней мере, той особой энергии, которую она излучает и воплощает.

* И какова эта роль?

* Она воплощает любовь, мир. Поэтому ее зовут Царицей Мира. Я верю, что настала пора, когда человечество вступит в сферу ее энергии, энергии сострадания. Люди будут всеми силами стремиться к обретению сострадания, и она дарует его им.

* Но вы же иудейка, — сказал я, слегка поддразнивая ее, чтобы посмотреть, как она себя поведет. — Вы хотите мне сказать, что она будет занимать одинаковое место в жизни всех людей, вне зависимости от их вероисповедания?

* Прежде всего, Мария тоже была иудейкой, — ответила Жаклин. — И я не думаю, что это вообще связано с религией. Речь идет о любви, которая превосходит религию. Задача Нашей Госпожи состоит вовсе не в обращении всего человечества в католицизм, а в сообщении людям Божьей благодати, которая не знает границ. Она может являться одному человеку так, а другому иначе, но Она всегда остается собой, кем бы ни была. Она постоянно изливает на весь мир божью благодать. Вот что Она воплощает.

* И каким образом, по-вашему, эта картина поможет людям осознать это?

— Не знаю, — сказала она. — В общем-то, это не мое дело, она сама позаботится об этом. Вот, я хочу вам кое-что показать.

Жаклин подошла к картине и включила верхнюю инфракрасную подсветку. Внезапно над изображением Марии появились лучи света, окутавшие ее волшебным сиянием.

— Это называется «Техника невидимого рисунка и света», — сказала она, отступив назад. — Ее придумала я сама. В обычном свете картина имеет один вид, а когда вы включаете инфракрасную подсветку, — несколько другой. Появляются лучи. Можно понимать это как прекрасную метафору. Глядя нашими физическими глазами, мы видим лишь внешние формы, но глазами духовными мы видим

гораздо больше. Мы видим свет, дар Небес. Разве не любопытно, что истинную суть картины открывает нам *невидимое* излучение? Точно так же мы должны относиться к незримым сторонам нашей сущности, к тем вещам, которые скрываем от других из стыда. Только ког да мы полностью открываем себя Богу — все наши добрые и злые, положительные и отрицательные черты, только тогда мы можем достичь просветления.

Я был поражен мудростью и пронизательностью Жаклин. Мы с ней были очень похожи, особенно же нас роднило стремление стать орудиями мира. Она делала свое дело кистью и красками, а я — звуками. Что произойдет, если мы соединим наши усилия? Возможно, именно в этом состоял замысел Марии: в объединении всех ее детей, которое положит начало великому Сдвигу. Я раздумывал, стоит ли рассказать Жаклин об истории моей встречи с Марией и о том, как она изменила мою жизнь. По некоторым причинам я решил этого не делать, а подождать еще немного. Что-то должно произойти, нечто такое, что сведет воедино все разрозненные фрагменты картины. Я подожду до тех пор, пока не увижу ее во всей цельности, пока вновь не почувствую под ногами твердую почву.

- * Что мне для вас сделать? — спросил я.
- * Не думаю, что у меня есть право просить вас о чем-то, — сказала она, прикоснувшись к моей руке. — Это не мое дело. Я, как и вы, всего лишь следую приказам. Спросите у Нее.
- * Уже спрашивал, — сказал я, — и мне кажется, я знаю ответ. Позвольте мне побыть немного наедине с этой картиной. Я должен узнать, какая музыка снизойдет на меня. Если Она этого действительно хочет, это случится само собой, без всяких усилий с моей стороны. Я согласен со всем, что вы говорили, Жаклин. Сочетание двух этих видов искусства должно безмерно усилить воздействие картины. Это сочетание обострит те переживания, которые люди испытывают при виде картины. Я верю, что музыка и живопись обладают особой способностью проникать в человека, минуя его разум и обращаясь прямо к сердцу. Поэтому их воздействие не рационально, по крайней мере с логической точки зрения. Однако с точки зрения

духовной оно совершенно рационально, поэтому мы инстинктивно тянемся к искусству.

* Тогда Ей решать, — сказала Жаклин. — Мы будем Ее орудиями, и пусть Она использует нас так, как Ей угодно. И если эта картина и ваша музыка входят в Ее замыслы, то все сложится как нельзя лучше.

Я чувствовал, что меня связывают с Жаклин какие-то необъяснимые узы, как будто очень давно мы заключили договор, который наконец начал претворяться в жизнь. Я провел оставшуюся часть конференции в ожидании сам не знаю чего. Но я знал: что-то должно случиться. На нашем пути мы подошли к важнейшему рубежу, и время ожиданий прошло. Настала пора действовать, осталось только дождаться знака Марии. И я знал, что знак не замедлит последовать.

Два дня спустя я летел из Денвера в Сан-Франциско. Жаклин дала мне небольшую фотографию своей картины, и я часами смотрел на нее, погружившись в размышления. Эта картина вновь приближала меня к Марии, наполняя чувством любви, которое я испытал на холме в Междугорье полтора года назад. Картина как будто оживала, принося мне радость, за которую я благодарил судьбу. «Чего же Ты ждешь от меня? — спросил я. — Ты завела меня так далеко, и я знаю, что конец близок. Пожалуйста, не заставляй меня больше ждать. Я сделаю для Тебя все что угодно, но Ты должна сказать мне, что именно».

Внезапно случилось нечто, чему я не могу ни найти объяснения, ни даже слов для описания. Я почувствовал, будто нахожусь одновременно в нескольких местах. Дух мой перескочил через границы измерений, и я во всей полноте осознал *многоуровневость* действительности. Хотя я по-прежнему ощущал свое тело, погруженное в глубокие раздумья и находящееся на борту самолета, я был где-то еще. Нити времени сплелись, и линейное движение прекратилось. Хотя объяснить это ощущение невозможно, его можно в грубом виде свести к трем отдельным составляющим. Во-первых, я сохранял физическое ощущение своего тела в самолете. Во-вторых, мне казалось, что я снова встретился с Учителем и сижу у костра в

боснийских горах. И наконец, я был с Марией на холме в Междугорье. Каждая из этих трех действительностей обладала абсолютной явленностью, и все они были явлены одновременно. И тем не менее я присутствовал нераздельно в каждой из них. Мое «я» полностью присутствовало на каждом уровне, и все три уровня сошлись в одной точке времени.

* Понимаешь, что происходит? — спросила Мария.

* Я чувствую это, но не могу понять. Мы на перекрестке, ведь так?

* Мы всегда стоим на перекрестке, — сказал Учитель. — Просто ты только что это осознал.

* Я не уверен в том, что осознаю это.

*

* Ты всегда существуешь во множестве мест одновременно, — сказала Мария. — Дверь Вечности находится внутри тебя. Ты стоишь по обе ее стороны. Теперь же ты способен одновременно воспринимать обе реальности.

* Так в этом и заключается твое послание? Если я готов понять его, то и все люди поймут. Разве не так?

* Лучше сказать, что ты готов к возможности понять его, — объяснил Учитель. — Когда ты освобождаешься от страха перед полной открытостью Богу, то вся твоя самая сокровенная сущность выдвигается вперед. Она всегда внутри тебя, просто ей мешало твое же сопротивление.

* Грядет эра мира, — сказала Мария, — просто потому, что человечество начало это осознавать. Все уровни реальности сосуществуют одновременно, как и все возможности. Мир страха соседствует с миром любви, и ты всегда выбираешь тот мир, который хочешь принять. Революция любви заключается в стремлении проникнуть сквозь завесу действительности к самой действительности. Таково истинное значение Двери Вечности. Это метафора, как и все остальное.

* Значит, Дверь Вечности означает выбор между страхом и любовью, — сказал я. — Когда мы выбираем любовь, мир также меняется.

- * Мир, который ты видишь вокруг, также представляет собой следствие этого единственного решения, — сказал Учитель. — Представь себе, что ты включаешь свет. Комната, за мгновение до этого наполненная темнотой, вдруг освещается. Ты способен видеть вещи, которые ранее были недоступны твоему взору. Они всегда были здесь. Единственное изменение в том, что теперь ты хочешь их видеть.
- * И потому ты здесь, — продолжала Мария, — на перекрестке, как ты говоришь. И с тобой все человечество. Ты не можешь принять решение, которое не затрагивало бы всех людей. Настало время преобразования, и оно произойдет, когда люди сами войдут в дверь, вступив в прямое общение с Божественным. Ты больше не должен полагаться на чье-либо свидетельство: следуй только собственному опыту. Бог открыт для всех, он ждет каждого. Нужно лишь захотеть войти. Остальное доверь Божьей благодати.
- * Тебе и Жаклин ниспослан очень важный дар, — сказал Учитель. — Ее рисунки и твоя музыка станут для многих людей мостом, по которому они смогут достичь этого.
- * Мне нужно, чтобы через три дня ты отправился в студию звукозаписи, — сказала Она. — Я буду с тобой и войду в твою музыку. Ты будешь петь для меня, а через тебя я буду петь миру. Музыка и изображение обладают особым свойством, не имеющим себе равных. В этих произведениях может воплощаться духовная энергия, запечатленная в звуковых и световых волнах. Человеческое «я» не осознает этого процесса и потому не может в него вмешаться. Он минует разум и обращается к духу. Когда ты будешь петь свои песни, я волью в звуковые волны мою энергию. Я уже сделала это с картиной. При таком сочетании, когда музыка и живопись сольются воедино, многие люди обретут исцеление и тысячи обратятся к своей божественной природе.
- * Не думай о том, что ты будешь петь, — сказал Учитель. — Все придет к тебе само собой. Ты хотел стать орудием мира, что ж, ты им будешь. Обратись к Богу и открой ему свою душу. Отдай

Богу свой голос, и пусть божественный свет изливается из твоих песен. Этого ты ждал. Дар Духа — совсем рядом.

Я не могу подобрать слов, которые были бы способны передать то, что произошло дальше. На меня нахлынули волны любви, наполняя меня состраданием ко всему существу и раскрывая передо мной все тайны вселенной. Внезапно я увидел всю картину, как если бы передо мной вдруг раскрылась сама действительность. Над Новым Миром поднялась скрывавшая его завеса. Я ощущал Марию и Учителя так полно, как никогда раньше, как будто исчезла разделяющая нас преграда. Они больше не были вне меня, но нераздельно слились с моей сущностью. Свет и тьма также переплелись настолько тесно, что казались не разными, противоположными явлениями, а двумя сторонами одной действительности. Я очутился в ином мире, никуда не двигаясь. Изменилось все и ничего. Невозможно описать словами то, что случилось со мной во время перелета в Сан-Франциско, но с этих пор мир стал представляться мне совсем по-другому.

Я словно пробудился от забытья, когда в громкоговорителе раздался голос пилота, просивший пассажиров подготовиться к посадке. Я был не в силах пошевелиться, отчаянно пытаюсь удержать ускользающее видение. Ремень безопасности лежал рядом со мной, и в конце концов мне удалось натянуть и закрепить его. Самолет снижался, казалось, целую вечность. Мне чудилось, что вместе с ним снижаюсь и я, словно падаю с небес на землю. Я вновь чувствовал свое тело, но теперь физические ощущения приобрели для меня какую-то странную отчужденность. Что-то изменилось, только я не знал что. Мое видение было более реальным, чем все, что случалось со мной до сих пор.

Когда мы наконец приземлились, меня охватило странное чувство. В нем смешивались страх и восторг, и я не знал, какое из этих чувств более уместно в данной ситуации. Даже выйдя из самолета, я все еще ощущал присутствие Марии и Учителя. Но у меня не было времени сжиться с тем Новым Миром, который мне открылся. Наверное, тоже самое испытывает дитя, выходя из материнской утробы. Я жил в Новом Мире, но у меня не было ни

малейшего представления о том, как к нему относиться и как в нем жить.

Выйдя из самолета, я, как всегда, сразу включил мобильный телефон и увидел, что мне пришло голосовое сообщение. Я нажал на кнопку.

— Джимми, это Шринат Деви. Мне нужно срочно с тобой поговорить. Пожалуйста, позвони мне, как только сможешь.

Я не мог поверить своим ушам. Уже прошел год со времени нашей последней беседы. Это Шринат Деви сказала мне, что я должен встретить Марию в Междугорье. Как она сумела выбрать именно этот момент для звонка? Я без колебаний набрал номер. Пульс у меня заметно участился. Происходило нечто странное. Мне казалось, что откровение на борту самолета имеет исключительно индивидуальную, субъективную природу. Встреча с Марией в Междугорье носила совершенно иной характер, так как я напрямую общался с человеком из плоти и крови. То, что Шринат Деви пыталась дозвониться до меня, возможно, в тот самый миг, когда я находился во власти видений, подтверждало реальность всего случившегося со мной.

— Джимми, я очень рада, что ты позвонил, — сказала она, подняв трубку. — Где ты сейчас?

* Только что сошел с самолета в Сан-Франциско. Но постой, сначала скажи мне, почему ты выбрала именно этот момент, чтобы позвонить мне? Что происходит?

* Час назад я медитировала и почувствовала присутствие Блаженной Матери, — ответила она, и в голосе ее неожиданно зазвучали нотки умиротворения и благоговения. — Она сказала мне, чтобы я позвонила тебе и задала один вопрос. Она хочет знать, прислушался ли ты к Ее словам. Она что-то сообщила тебе и хочет знать, услышал ли ты Ее.

Я был поражен и долгое время не мог вымолвить ни слова. Откровение явилось мне примерно час назад. Получалось так, будто сама Мария, покинув меня, тут же бросилась к телефону и позвонила Шринат Деви, чтобы удостовериться в том, что я ничего не забыл. Вот доказательство, которого я ждал!

- * Да, я слушаю, — ответил я наконец. — Что еще Она сказала?
- * Только то, что Она очень тебя любит. Я не знаю, что Она сказала тебе, но, судя по моим ощущениям, это должно быть очень важно.

Я сел в автобус и доехал до Сан-Рафаэля, где меня ждала моя подруга Би. Всю дорогу меня переполняли благоговейный страх и чувство благодарности. Мария сдержала слово. Только я начал думать, что мой путь закончен, как он перешел на совершенно иной уровень.

Мы с Би пошли в тайский ресторан в центре Сан-Рафаэля. Я попытался рассказать ей о том, что произошло за последние несколько дней с тех самых пор, как я уехал на конференцию во Флориде и повстречал там Жаклин, но мысли мои мешались и никак не могли успокоиться, так что рассказ мой был, наверное, путаным и бессвязным. Да и как я мог что-то объяснить? Не было никакой возможности описать те переживания, которые я испытал во время перелета, да и все остальное представлялось какой-то чередой чудесных, фантастических событий.

Мы еще не закончили есть, как зазвонил мой телефон.

— Привет, Джимми, это Мария-Кристина из Аргентины.

В моей жизни три женщины выступали в роли посредников, через которых иногда осуществлялась моя связь с Марией. Первая — это Шринат Деви, посоветовавшая мне поехать в Междугорье, так как Мария должна мне что-то сообщить. Вторая — моя подруга Даниэлла. И, наконец, есть Мария-Кристина Урхарт из Буэнос-Айреса, которая обладает тем, что я называю «энергетикой Марии», в большей степени, чем любая другая известная мне женщина. При виде ее я всегда как бы переношусь обратно на холм в Междугорье и вновь веду беседу с ее тезкой. Я не имел случая поговорить с Марией-Кристиной уже несколько месяцев, поэтому внезапность ее звонка поразила меня.

— Около двух часов назад я медитировала и ощутила присутствие Блаженной Матери, — сказала она. — Она хотела, чтобы я спросила у тебя, услышал ли ты Ее зов.

Я и так не мог прийти в себя от сегодняшних событий, а звонок Марии-Кристины едва не переполнил чашу. Должен быть еще один звонок, подумал я. Все такие вещи идут тройками, указывая нам на то, что происходит какое-то чудо. По крайней мере, так я всегда считал. Сообщения Шринат Деви и Марии-Кристины совпадали до мелочей, и я знал, что получу еще одно послание. Через час, когда мы с Би уже сидели в машине, вновь зазвонил телефон.

* Кто говорит?

* Это Даниэлла. Джимми, как ты?

* Ничего не говори, — сказал я. — У тебя сообщение для меня от Нашей Госпожи.

* Откуда ты знаешь?

* Это долгая, но чудесная история, — ответил я. — Но я не хотел тебя прерывать. Расскажи мне все.

* Несколько часов назад я молилась и ощутила присутствие Марии. Я даже слышала Ее слова, как сейчас слышу тебя. Она трижды повторила одни и те же слова, и на третий раз я поняла, что Она хочет, чтобы я их записала. Так я и сделала. Теперь я их прочту, так как это сообщение для тебя.

Я попросил Би остановить машину на обочине, чтобы внимательно прослушать послание.

* Я готов, — сказал я.

* Вот что Мария попросила тебе сообщить:

*

Открой свое сердце, мой дорогой и единственный, и слушай звук Моего голоса, отзывающийся в глубине твоего сердца. Я твоя Мать, и Я пришла вывести тебя к Свету. Протяни руку к другим, к тем, кто молит о той же награде, и вы двинетесь в объятия Божественного. Этого времени вы все ждали, времени великого пробуждения. Ты был со Мной с самого начала, и теперь ты тоже со Мной. Да возродится Моя Община, исполняя обеты и миссию, порученную тебе с начала времен. Слышишь ли ты Меня, Любимый ? Откройся звукам Моего голоса, и Я отведу тебя домой.

Твоя Мать *Город Творцов**

Даниэлла помолчала и спокойно произнесла:

— Вот и все послание.

— Как ты думаешь, что оно означает? — спросил я, пытаюсь скрыть, насколько глубоко оно меня затронуло.

— Мне кажется, должно случиться нечто из ряда вон выходящее, что-то такое, что коснется всех нас. Мария сказала, что настало время великого пробуждения. Эти слова можно истолковать превратно, если не знать, кто Она на самом деле. Мария — это воплощение Божьего сострадания. Поэтому, по-моему, это послание возвещает наступление эпохи сострадания и любви. Ее возвещает Мария, поскольку сострадание обычно считается женским качеством в противоположность мужским свойствам власти и искупления, которые связаны с образом Иисуса.

* Так ты считаешь, что мы на пороге Новой Эры? — спросил я.

* Мне не нравится это выражение, «Новая Эра», поскольку в последнее время оно употребляется без разбора. Эти слова больше ничего не значат. Пятнадцать лет назад так называли эзотерическое течение, пытавшееся синтезировать все религии. Поэтому в нем не было ничего «нового». Затем против него поднялись представители традиционных религиозных направлений, так как они посчитали, что новое течение вводит людей в смущение и соблазн. И в некотором смысле они были правы. Сущность духовных традиций, к которым стремились мистики «Новой Эры», все больше разжижалась и выхолащивалась, и со временем от изначальной мудрости остались лишь красиво упакованные суррогаты. Но, возвращаясь к твоему вопросу, я должна ответить да: мы вступаем в новую эру, но она никак не связана с кристаллами и ченнелингом. Эра, которую возвещает Мария, основывается на получении Божественного Света. Каждый из нас должен стать его проводником, и в этом суть ее послания. В этом нет ничего мистического, это истинная суть любого духовного пути.

Я поблагодарил Даниэлла за ее мудрые слова и попрощался.

Чтобы послание Марии ко мне обрело совершенную действительность, должно было произойти еще одно, последнее событие. Она сказала, что через три дня я начну записывать музыку к

картине. Так как я не планировал сочинять музыку, пока находился в Сан-Франциско, я не мог понять, каким же образом можно это устроить. И тогда я вспомнил про друга, у которого была студия в здании церкви в Пресидио, на бывшей военной базе, ныне служившей прибежищем для сотен некоммерческих организаций. Год назад мы с Колином вместе трудились над одним проектом, и мне показалось, что лучшего выхода нельзя себе и представить. Я решил провести в церкви импровизированный концерт и одновременно записать музыку, выполнив указание Марии.

Я пригласил на этот особый концерт нескольких друзей. Что же произойдет? Мария сказала, что Она войдет в музыку, воплотится в звуковых волнах. Сама возможность такого чуда поражала мое воображение. По словам Марии, люди должны вступить в непосредственное общение с Божественным, и этому будут способствовать картина Жаклин и моя музыка, которые разбудят в зрителях какие-то неведомые чувства. Я был не в силах понять, что значат ее слова, но у меня также не было причин ставить их под сомнение. Я уже не мог сомневаться, учитывая все, что со мной случилось. Сама атмосфера внушала уверенность, и я был готов сыграть свою роль в этой необычной постановке.

Микрофоны были установлены, зрители ждали. Я взял небольшую фоторепродукцию картины, которую дала мне Жаклин, и прикрепил ее к большому студийному микрофону. Как только Колин предоставил мне слово, я сделал глубокий вдох и начал играть. Я спел свою версию «Славься, Мария», созданную год назад, и еще несколько песен, написанных за несколько дней до концерта. Энергия возрастала, и я с интересом ожидал, как Мария сдержит слово и войдет в музыку, запечатлев свою энергию в звуковых волнах.

Я думал, что спел уже последнюю песню. Гитарные струны все еще вибрировали, а звук моего голоса эхом отражался от церковных стен. И тогда я ощутил Ее, точно так же, как ощутил Ее присутствие на холме в Междугорье и во время перелета в Сан-Франциско. Я знал, что Она рядом, но не мог бы сказать, в каком образе или где Она находится.

Я посмотрел на фотографию, которую закрепил на микрофоне. Что-то в Ней поменялось, как будто Она начала двигаться под моим взглядом. Я почувствовал легкое головокружение, а мое зрение на мгновение помутилось. То же самое ощущение испытала Жаклин, когда пыталась нарисовать глаза Нашей Госпожи. Казалось, время остановилось, и я закрыл глаза, не понимая, что со мной происходит. Снова открыв их, я взглянул на картину. В лице Марии я заметил удивительную перемену.

Раньше Она смотрела вниз и вправо. Теперь же Она смотрела прямо на меня, а Ее глаза казались живыми. Она моргнула, и я даже не был удивлен, словно ожидал чего-то в этом духе. Долгое время мы смотрели друг на друга. И тогда мне показалось, что изображение заговорило.

Не знаю, слышал ли я ее ушами, наяву, или умом. Может быть, и тем, и другим одновременно. Однако я никогда не забуду того, что Она мне сказала. Эти слова исходили от изображения на фотографии размером не больше визитной карточки. Мне показалось, что мне снова двенадцать лет, когда я впервые услышал Голос. Он и сейчас наполнил все мое существо, точно также, как тогда.

— Пой то, что я скажу тебе, — прошептала Она. — Я дам тебе слова, а ты положишь их на музыку.

Ни о чем не думая, я начал петь слова, которые услышал от нее:

*Свет — в тебе, открой Дверь, встретить Меня на пороге.
Твое сердце принадлежит Мне, Я взываю к тебе, Божественный,
Познай Меня, когда войду внутрь тебя,
Ибо Я твоя Мать, и Я дам тебе все, что нужно,
Чтобы осветить все вокруг Божественным светом.*

Слова и музыка лились и лились из меня. Я не знаю, сколько времени это продолжалось. Я впал в глубокий транс. Все происходило без малейших усилий с моей стороны. Мои глаза не могли оторваться от изображения Марии, от чудесной картины, которую нарисовала Жаклин. Весь окружающий мир Перестал для меня существовать.

Затем все кончилось так же внезапно, как и началось. Изображение на фотографии приобрело первоначальное положение, и все вернулось в обычное русло. По моему телу пробегали странные энергетические волны, я вскочил со стула и начал ходить взад и вперед. Мои друзья смотрели на меня, не понимая, что со мной. Они что-то почувствовали, но не могли осознать, что именно. Я рассказал им о том, что со мной только что случилось, о том, как картина ожила и говорила со мной. Она вошла в мою музыку, и мы все это поняли. В тот момент живопись, музыка и энергия сплелись воедино. То ли еще будет, подумал я.

Я закрыл глаза и увидел Ее мысленным взором. «Спасибо, Любимая, — сказал я. — Спасибо, что не забываешь обо мне».

Часть 4

Мир вокруг нас меняется. Это очевидно даже на физическом уровне: мы наблюдаем бурное развитие технологий, рост и миграцию населения и политические перемены. Если же сосредоточить внимание на более тонких уровнях ощущений и эмоций, мы увидим перемены и там. Мария помогает нам раскрыть наши души любви и состраданию, но от нас зависит, сделаем ли мы следующий шаг, откроем ли мы дверь и обретем ли непосредственное ощущение божественной любви. Пусть нам помогают все силы небесные, но это зависит только от нас, и это стало для меня совершенно ясно, когда я поехал в лагерь беженцев в Македонии.

— Мне очень неприятно вам это сообщать, но вы не сможете попасть ни в один из лагерей беженцев в Косово, — сказал мне американец.

Автобус, в котором сидели мы с Джиллиан, только что пересек границу с Македонией со стороны Болгарии, и примерно в то же время мы поняли, что сидим рядом с американским журналистом, который также ехал в Скопье. Он говорил медленно и размеренно, отвечивая слова. Казалось, его раздражала мысль о том, что мы едем в лагерь, чтобы провести концерт мира и молитвенное бдение.

* Почему вы думаете, что это невозможно? — спросила его Джиллиан.

* Я езжу по лагерям с самого начала этого конфликта, — сказал он, наклоняясь к нам, чтобы мы не упустили ни одного его слова. — По всему маршруту стоят полицейские кордоны. Единственная возможность прорваться сквозь них — получить аккредитацию и от македонского правительства, и от НАТО. Для этого у вас должен быть журналистский паспорт, заверенный официальной пресс-службой. У вас его нет... Вы просто хотите пробраться в страну, чтобы, как они думают, мешать людям, которые действительно занимаются делом.

Я чувствовал, что Джиллиан начинает злиться на журналиста, поэтому решил встрять между ними:

— А как все-таки получить эту аккредитацию? Недоверчивое выражение застыло на лице нашего собеседника.

— Вы что, меня не слушаете? — сказал он. — Вы не сможете ее получить: у вас нет журналистского паспорта. Это единственный возможный путь, если вы, конечно, не собираетесь спрятаться в грузовике Красного Креста или что-нибудь в таком духе. Вы, очевидно, не имеете ни малейшего представления о том, как здесь все сложно. НАТО постаралось переселить всех беженцев в палатки, но у сотен тысяч людей так до сих пор ничего нет. Они умирают от голода, у них нет крыши над головой. Вы вполне можете возвращаться, так как ничем им не поможете.

Через два часа автобус прибыл на автобусную станцию в Скопье, и наш друг-журналист пожелал нам удачи, садясь в такси.

* Я не верю этому человеку, — сказала Джиллиан, глядя ему в спину. — Он не понимает, о чем говорит.

* Может быть, он и знает, о чем говорит, но не понимает, зачем мы здесь на самом деле. Мне неважно, насколько это сложно. Если мы должны попасть в лагерь, мы это сделаем. Кстати, я не рассказывал тебе о сне, который мне приснился этой ночью?

* О каком сне?

* Мне приснилась женщина маленького роста в белом монашеском одеянии, проходящая через двери и идущая по аллеям. Она не сказала ни слова, но, когда она посмотрела

прямо на меня, я понял, кто она. Это была Мать Тереза. Поэтому я надел эту футболку.

Я расстегнул рубашку и показал футболку. На моей груди была улыбающаяся Мать Тереза. Из ее удивительных глаз словно струился свет. В одном зрачке отражался голубь.

* Это прекрасно, — сказала Джиллиан. — Но не знаю, удачная ли это мысль — носить такую футболку в Македонии. Она была албанкой по национальности, ты же знаешь, а албанцев здесь не любят, особенно сейчас.

* Но она родилась в Скопье, — ответил я. — Поэтому мне кажется, что это хорошая мысль. Мне кажется, она все-таки сказала мне во сне что-то особенное. Она словно проложила нам путь. Кроме того, как человек сможет отказать нам, когда она будет смотреть ему прямо в глаза?

* Ну что, с чего начнем? Я склонна доверять тому, что этот журналист рассказывал о НАТО. Вероятно, они не захотят нам помочь.

— А если захотят? — сказал я. — Это явно самый короткий путь. Если они откажут, тогда попробуем другие варианты.

Было три часа дня, а еще через три часа уже должно было начаться молитвенное бдение. Времени для того, чтобы достать необходимые удостоверения, а затем разыскать ближайший лагерь, было в обрез. Встреча с журналистом сослужила нам добрую службу. Из его предупреждения мы сделали вывод об ограниченности наших возможностей. Кроме того, он сказал нам, с чего начать: мы должны попасть в штаб-квартиру НАТО, размещавшуюся в гостинице «Континенталь». Не раздумывая долго, мы поймали такси и поехали туда.

Войдя в штаб-квартиру, мы разыскали нужный кабинет и позвонили в небольшой звонок на столе. Через несколько секунд из глубины комнаты вышел французский офицер и сел за стол.

— Чем могу помочь? — сухо спросил он.

— Мне сказали, что здесь мы можем получить аккредитации, чтобы попасть в ближайший лагерь беженцев, — сказал я.

— Ваши журналистские паспорта, — потребовал он, без всякого выражения произнес фразу, которую повторял, наверно, уже сотни раз.

— Вот в этом-то и сложность, — сказал я. — На самом деле мы не журналисты, хотя я и пишу, если это как-то меняет положение.

— Зачем же вы хотите попасть в лагерь? — он положил ручку на стол и стал пристально нас разглядывать. Очевидно, к нему нечасто обращались с подобными просьбами, и он явно заинтересовался.

— Мы представляем миллионы людей всего мира, которые должны вознести молитвы о мире в шесть часов вечера по местному времени. Мы раньше проводили подобные мероприятия в таких местах, как Ирак, Северная Ирландия и Израиль, и мы знаем, как важно найти кого-то в самом эпицентре мировых конфликтов, чтобы молитвы не пропали даром.

Не слишком ли я переусердствовал? Не лучше ли было ограничиться заявлением вроде: «Я писатель и работаю над книгой»? Вместо этого я ступил на зыбкую почву «эзотерики», которую он, по идее, должен считать полнейшей чепухой. Офицер смотрел мне прямо в глаза, и я был уверен, что все пропало.

— Так вас что, двое? — спросил он, берясь за ручку и принимаясь писать на листе бумаги.

— Да, — ответила Джиллиан.

— Будем считать, вы сказали мне, что вы независимые корреспонденты. Надеюсь, Министерство информации не потребует ваших журналистских паспортов. Может быть, они подумают, что я уже их проверил.

— Так нам теперь в министерство? — спросил я.

— Да. Любой водитель такси знает, где это. И... в общем, я рад, что вы приехали, чтобы провести это... ну, то, о чем вы говорите. Я не вполне все это понимаю, но я — за. Все что угодно, лишь бы сработало. Молитва — это замечательно!

Я переглянулся с Джиллиан, и мы улыбнулись. Как ни удивительно, прямой путь оказался самым коротким. Через несколько минут мы уже сидели в такси и ехали к Министерству информации. Осталось сделать всего один шаг. Если мы преодолеем

следующее препятствие, то совершим невозможное. Мы получим доступ в лагерь и окажемся в нужном месте, чтобы провести молитвенное бдение.

Министерство информации выглядело обычным офисным зданием. Меня удивило, что нигде не было видно длинной очереди из журналистов, которую я приготовился увидеть. Мне казалось, что это будет серьезным препятствием. Мне говорили, что иногда на рассмотрение журналистских запросов уходит два дня. Мы вышли из такси и двинулись ко входу в здание. Открыв дверь, мы увидели человека, сидящего за столом. Он работал на компьютере.

— Здравствуйте, здесь можно получить аккредитацию? — спросил я.

— Да, — ответил человек, не поднимая головы. — Пожалуйста, подождите немного.

Мы сели в кресла у стены и попытались придать себе «официальный» вид. Мы независимые корреспонденты, убеждал я себя. Поэтому мы здесь, и в этом нет ничего странного и необычного, совершенно не о чем беспокоиться. Просто выдайте нам нужные бумаги, и мы пойдем делать репортаж. Мы ничем не отличаемся от сотен других журналистов, которые входили в эту дверь.

— Покажите ваши натовские аккредитации, — наконец сказал он, прервав течение моих мыслей. Мы с Джиллиан про тянули ему бумаги и снова опустились в кресла. Он так ни разу и не взглянул на нас, продолжая смотреть на экран. Затем он просмотрел наши бумаги и, по-видимому, занес сведения в компьютер. Мы не дыша следили за его действиями. Если он не спросит наши журналистские паспорта, мы попадем в лагерь. Просто не надо делать ничего особенного, ничего такого, что не сделал бы любой другой репортер.

Внезапно он встал из-за стола и начал яростно копаться в каких-то печатях, папках и бумагах, которых нам с нашего места было не разглядеть. На пару секунд его взгляд остановился на наших лицах, но вскоре он снова отвел глаза. О чем он думает? Я посмотрел на Джиллиан и постарался придать ей уверенности своим взглядом. «Уже почти», — тихо прошептал я. Я положил ногу на ногу, всем своим видом демонстрируя, что мы здесь находимся на самых законных основаниях.

Человек за столом протянул нам два листа и снова сел за стол.

* Держите, — сказал он и вернулся к своему компьютеру. Мы встали и взяли бумаги.

* Спасибо, — ответили мы и вышли из комнаты. Выйдя на улицу, обнялись, вне себя от восторга.

* Похоже, все в порядке, — сказала Джиллиан, — и у нас есть еще два часа до начала бдения.

Пока мы все еще стояли у двери, подъехали три такси и человек десять журналистов выскочили из машин. Они приехали за такими же аккредитациями, которые мы только что получили. Как хорошо, что нам удалось это сделать до их приезда! Появись мы чуть позже — ни за что бы не успели вовремя приехать в лагерь.

Мы с Джиллиан сели в одно из приехавших такси и спросили водителя, где находится ближайший лагерь беженцев. Кто бы стал задавать такие вопросы в «обычной действительности»? Здесь же это был вполне естественный вопрос для журналиста. НАТО потратило кучу времени и энергии на обустройство нескольких лагерей в предместьях Скопье, пытаясь решить задачи первой необходимости и предоставить беженцам кров и пищу. Таксист кивнул и повез нас в Бразде, один из двух лагерей, расположенных сразу за городом.

Мы увидели сам лагерь еще за милю. Высокая ограда окружала обиталище тридцати пяти тысяч людей, очень походившее на тюрьму. Мы без всяких неожиданностей миновали несколько полицейских кордонов, но когда свернули на грязную дорогу, ведущую к лагерю, сердце у меня начало медленно проваливаться куда-то вниз. Я видел сотни людей, смотрящих на нас из-за ограды. Их лица были искажены отчаянием, пустые глаза выражали полную безнадежность. Они смотрели на мир за оградой, как будто это был единственный существующий мир, в котором им не было места. Они могли протягивать к нему руки и вдыхать пыль, поднимающуюся от проносящихся мимо такси и натовских грузовиков, и все. На большую свободу они рассчитывать не могли.

Мы вышли из такси, и я закинул за спину гитару. Как я выглядел в их глазах, проходя через ворота лишь с гитарой за спиной и, конечно, с большим мешком шоколадок, который я купил в магазине близ

Файндхорна? Я начал сомневаться в правильности нашего плана. Заинтересует ли этих людей молитвенное бдение или песни о мире, которые я собираюсь им спеть? Большинство здесь настолько поглощено мыслями о самом примитивном выживании, что я почувствовал некоторую неловкость от собственных намерений. На мгновение меня охватило смущение, и я подумал, не стоит ли мне отказаться от намерения петь в то время, как миллионы людей будут молиться.

И тут я услышал голос, идущий как бы из глубин моей души: «Доверься Мне, — сказал он. — Я не стала бы заводить тебя так далеко ни за что ни про что. Я с тобой, все будет хорошо».

Это была Мария. Я внезапно почувствовал Ее присутствие, Ее энергию и сделал глубокий вдох. Ее голос оказывал на меня невыразимо умиротворяющее воздействие. Одно сознание того, что Она рядом, что Она здесь вместе со мной, наполняло меня силой и решимостью.

- * Что Ты от меня хочешь? — громко спросил я.
- * Делай то, зачем приехал. Как Я уже говорила когда-то, открой свое сердце и стань Моим орудием, тогда Я буду творить через тебя Свою волю.
- * Что ты сказал? — переспросила Джиллиан. Очевидно, я говорил несколько громче, чем надо. Я не знал, нужно ли что-то объяснять. Не то, чтобы Джиллиан не могла понять, просто само положение, в котором мы очутились, было слишком невероятным. Если бы я сообщил ей о присутствии Марии в данный момент, это лишь осложнило бы все дело.
- * Нет, ничего, — сказал я. — Я просто говорю сам с собой.

Мы подошли к воротам и показали наши пропуска македонским солдатам. Они тщательно их проверили и пропустили нас. Я не сразу осознал, что мы наконец-то добились своего. Все говорили, что это невозможно, что нам никогда не удастся попасть сюда. И тем не менее вот мы здесь, стоим по эту сторону ограды, отделяющей беженцев от остального мира. Все складывалось как нельзя лучше, и я благодарно погладил футболку с изображением Матери Терезы на груди.

Спасибо за то, что проложила нам путь, мысленно обратился я к Ней. Я знаю, Ты где-то рядом и трудишься на благо этих людей.

Как только мы вошли в лагерь, к нам стали подходить со всех сторон люди, задававшие один лишь вопрос: «Телефон?» Благотворительные организации вполне, хотя и очень скудно, удовлетворяли их насущные потребности, к тому же они находились вдали от страшной сербской армии. Теперь они хотели лишь позвонить по телефону, чтобы сообщить своим родственникам о том, что они все еще живы. Мы почувствовали крайнюю неловкость и смущение, так как не могли дать им то, что они просили. Я знал, что должен довериться Марии и сосредоточиться на том, ради чего мы проникли в лагерь. Я был уверен в том, что Мария поможет нам. Нужно просто продолжать свое дело.

До начала молитвенного бдения нам хватало времени как раз на то, чтобы обойти весь лагерь. Мы решили использовать в качестве приманки шоколад, чтобы привлечь людей и рассказать им о молитвенном бдении. Мы поставили перед собой задачу собрать как можно больше беженцев. Тогда я спою «Молитву святого Франциска», и одновременно миллионы людей будут молиться вместе со мной. Мы выбрали место, которое показалось нам наиболее подходящим, я закинул голову назад и посмотрел на небо. Конечно, нельзя увидеть молитвы, тем более телесными глазами, и я это прекрасно знал, и вместе с тем я также знал, что они уже стремятся сюда со всех концов Земли.

Все это очень напоминало колесо Посланников, только на сей раз в его центре находился я. Моей задачей было сосредоточить в одной точке молитвы, несущиеся к нам со всех сторон света. Я испытывал те же ощущения, которые охватывали меня в Ираке, Северной Ирландии, Израиле и во время проведения Великого Эксперимента. Такие же чувства я испытывал во время всех наших молитвенных бдений. Сейчас я уже почти к этому привык. Ощущение такое, будто стоишь под водопадом. Энергетические волны бьют вокруг меня, подобно волнам света, а затем я фокусирую этот свет, как это делает ребенок с лупой, превращающий рассеянные солнечные лучи в яркую иглу света. В этом заключается волшебство. Конечно, оно не имеет никакого отношения ко мне, по крайней мере к моему «я». Я

должен отвлекаться от собственных желаний и переживаний и выполнять лишь волю Бога, становясь Его послушным орудием. В данном случае меня вела Мария, и я чувствовал Ее присутствие так же реально, как на холме в Междугорье.

Я отдал Джиллиан половину нашего запаса шоколадок, и мы разошлись. Таким образом мы могли поговорить с большим числом людей и рассказать им о том, что здесь должно произойти. Мы договорились встретиться в условленном месте за двадцать минут до начала молитвенного бдения. Может быть, к тому времени сотни или даже тысячи людей уже начнут возносить молитвы. Тогда же начнем и мы.

Я остановился и осмотрелся, чтобы определить направление. Передо мной стояли тысячи палаток, расположенные рядами. Перед палатками большего размера выстроились сотни людей в ожидании чего-то. Я подошел к одной из таких очередей и нашел в ней человека, говорившего по-английски.

- * Это очередь в Германию, — объяснил он мне. — Каждая очередь стоит в определенную страну, и мы встаем в очередь в ту страну, куда мы хотим попасть.
- * Так вы хотите перебраться в Германию, пока не кончится война. А что потом? Вы хотите вернуться на родину?
- * Конечно, но откуда нам знать, насколько все это затянется. Может быть, это будет продолжаться очень долго. Мы очень рады, что НАТО нам помогает, но не можем оставаться здесь в палатках. Мы вынуждены уехать и вернемся сюда, только когда наступит мир.

Я бродил по лагерю, наблюдая картины и слыша звуки, выходящие за пределы моего понимания. Куда бы я ни посмотрел, я видел маленькие красные мячики, летящие по воздуху. Дети, взрослые и даже солдаты играли ими на множестве футбольных площадок, которыми был усыпан весь лагерь. Затем я увидел стариков, неподвижно сидящих перед своими палатками и сохраняющих удивительно прямую осанку, придававшую им сходство с каменными изваяниями. Я присмотрелся к одной старухе. Она как будто витала в каком-то другом мире. Я видел слезы и

слышал смех, передо мной проходили люди, полностью раздавленные горем, и те, кто еще сохранял надежду. Этот мир распадался на столько различных измерений, что я не мог сложить для себя общую картину. Могу сказать лишь одно: это было вовсе не то, чего я ожидал.

Идя по грязной дороге, разделявшей два длинных палаточных ряда, я ощутил странное чувство, которое уже научился распознавать. Где-то рядом была Мария. Я чувствовал Ее присутствие. Эта мысль поразила меня, но вместе с тем меня не покидали сомнения в правильности моего инстинкта. Сама по себе эта мысль несла лишь утешение, успокаивая ту часть моей души, которая болела при виде несчастий и страданий этих людей. Но что, если Она на самом деле здесь? Возможно, именно благодаря Ей мы сумели преодолеть всевозможные препятствия и пробраться в этот лагерь. Возможно, сейчас я снова увижу Ее, и в моем сердце снова настанет весна.

Я пошел быстрее, как будто ноги сами несли меня вперед. Я оглядывался по сторонам в надежде увидеть знак или образ, который приведет меня к Ней. Пару раз мне показалось, что я вижу Ее, и я бежал, чтобы всмотреться в Ее черты, но каждый раз это оказывалась обычная белокурая косовская девчушка, и мне приходилось продолжать свои поиски.

Мария, если Ты здесь, явись мне. Ты нужна мне. Ты всегда была мне нужна. Объясни мне, что делать в этой обители скорби. Объясни мне, как помочь этим людям. Используй меня, чтобы обратиться к ним и принести им утешение. Я чувствую Тебя так, как будто Ты прямо передо мной. Если Ты здесь, дай мне знак.

Я посмотрел на одну из палаток и увидел старуху, ползущую на четвереньках. Наши взгляды встретились, когда она села рядом с маленькой девочкой, спящей на груди одеял. Она улыбнулась и поманила меня. Я неохотно подошел к ней и остановился в нескольких метрах.

- * Ты ищешь меня? — спросила она по-английски.
- * Наверное, нет, — ответил я. — Я просто гуляю.

* Ты ищешь меня? — снова спросила она.

В глазах ее мерцали знакомые искорки, и когда я заглянул за завесу неприглядной внешности, мне показалось, что я проваливаюсь в пропасть. Это была Она. Никакая это не старуха, это Возлюбленная моя Мария!

* Да, я ищу тебя. Но как же ты...

* Помнишь, что я тебе говорила, — перебила она меня. — Когда ты впервые увидел меня в Белграде, кем я тебе показалась?

* Студенткой?

* Обычной студенткой, и ты не узнал меня. Потом на холме в Междугорье я объяснила тебе суть моего учения. Помнишь, в чем она?

* Да, ты сказала, что следует искать Божественное во всем, в самых обычных вещах.

— Верно, — сказала она, улыбаясь беззубым ртом. — Не смотри на внешность, во всех и всегда замечай мой лик.

Внезапно взгляд старухи изменился. Она начала говорить, но уже не по-английски. Мария исчезла, на ее место вернулась старуха. Я протянул ей шоколадку, затем встал, собираясь уходить.

— Куда ты идешь? — спросил меня мужчина средних лет, когда я проходил мимо него. — Подожди минутку.

Я взглянул в его глаза и был поражен в самое сердце. На меня смотрели Ее глаза, те самые источники света, которые я видел много раз. Она просто переходит из одного человека в другого и тем самым дает мне самый важный урок.

— Есть лишь один подлинный дар, который ты можешь им дать, — сказал он. — Пища, которую ты принес с собой, накормит их тело, но если ты хочешь заглянуть глубже, за пределы внешности и личности, то увидишь истину в каж дом из них. И только тогда ты сможешь оказать им реальную помощь, ибо только это им и нужно. Теперь посмотри на это тело перед собой. Оно устало и измождено, одето в лохмотья и измучено днями и неделями беспрестанных усилий выжить. Если хочешь, можешь дать ему свои шоколадки, но это не решит проблему. Если же ты увидишь в нем истину, его вну

треннюю сущность, в которой пребываю я ныне, ты разож жешь в нем искру, которая сумеет преобразить его жизнь. Ты можешь сделать это, просто не обращая внимания на то, чем он отличается от тебя. Сосредоточься на том, что вас объединяет, и это единство откроет тебе путь к душе, к единой общей действительности.

И вновь взгляд Марии пропал, и мужчина в удивлении уставился на меня, будто только что очнулся от забытья. Я улыбнулся ему и посмотрел вокруг, желая узнать, куда Она делась.

- * Я здесь, — раздался голос. Я увидел маленькую девочку, одиноко сидящую у палатки и улыбающуюся мне. Я подошел к ней и сел рядом.
- * Мария, это ты?
- * Я та, кого ты хочешь увидеть, — ответила Она. — Даже твое представление о Марии уже накладывает определенные ограничения. Тебе нужно избавиться от него и осознать бесформенную действительность, выходящую за границы всяких внешних проявлений. Ты думаешь, что Мария отличается от Джимми или от этой девочки. Нет Марии, и нет Джимми. Есть лишь Бог. Есть лишь Свет. Мир — это игра, но ты не можешь в нее играть, пока не поймешь этого. И даже здесь, в этом печальном месте ты должен прозревать истину.
- * Ты действительно хочешь стать Посланником Света? — продолжала Она. — Что ж, будь по-твоему. Выбрось из головы все свои представления о том, кто такая Я, кто такой Бог и кто такой ты. Избавься от них и смотри на мир глазами Бога, который видит всех одинаково сияющими светом и благодатью. Тогда ты поймешь, что значит быть Посланником на самом деле. Тогда ты осознаешь свою роль — роль Учащего о Боге.
- * Мария, я вроде бы понимаю, о чем Ты говоришь, но я еще не готов. Мне все еще нужна Твоя помощь.
- * Тебе не нужна ничья помощь, — сказала молодая женщина, подходя ко мне. Я поднялся на ноги и посмотрел на нее. — Взгляни Мне в глаза, — продолжала она. — Что ты видишь?
- * Глаза, карие...
- * Смотри глубже, отбрось внешнее и зри в корень. Смотри на

Лик за лицом, на Свет за светом.

Я почувствовал, как мой взгляд смягчается и одновременно сосредоточивается. Ее глаза, казалось, сверкали ярким пламенем, и вот рядом со мной уже не было ни палатки, ни молодой женщины. Я видел Дверь Вечности. Это была та самая дверь, которую показал мне Учитель в последний раз, когда я его видел, дверь, ведущую в истинный мир. Тогда я испугался, но сейчас она как будто звала меня к себе, тянула меня с такой силой, которой я не мог сопротивляться. Свет обволакивал меня со всех сторон, и я ощутил поразительное чувство восторга и свободы. Я не в силах этого описать, но в то мгновение все было наполнено смыслом, и я понял все.

* Ты ощущаешь Небеса, — сказала она мне. — Вовсе не нужно умирать, чтобы почувствовать в венах пульс истины. Нужно лишь освободиться от страхов, а затем войти в Дверь Вечности через человека, который находится рядом с тобой. Я всегда здесь... Бог всегда здесь. Нужно лишь пожелать, и тогда ты увидишь единственный истинно существующий лик — лик Божественного.

* Это так просто и вместе с тем так верно, — сказал я. — Как я не понимал этого раньше?

* Потому что ты боялся. Никогда не бойся, Джимми. Все изменится, и ты должен быть готов к переменам. Как еще ты выполнишь свою задачу?

* А какая у меня задача?

* Увидишь, — сказала она. — Ничто еще не закончено, в сущности, все только начинается. Я тебя больше никогда не покину. Лишь взгляни в чьи-нибудь глаза, и ты вновь увидишь Меня. Просто иди своей дорогой и призывай всех идти к Свету. Человечество стоит на пороге Реальности. Настало время, которого мы ждали. Настало время пробудиться и понять истину. Благодарю Бога за эту возможность, ибо ты прошел долгий путь.

Выражение лица женщины внезапно изменилось, и я понял, что Мария опять исчезла. Но так ли это? Я улыбнулся ей, и она

улыбнулась мне в ответ. Это была широкая улыбка, не натянутая, не холодная. Я полез в карман, вытащил шоколадку и протянул ей.

Через час я встретил Джиллиан. Мы сообщили о молитвенном бдении всем, кому могли, и надеялись, что скоро они подойдут и мы начнем. Итак, все пришло в движение... Я чувствовал, что Мария рядом, я знал, что миллионы людей по всему свету скоро начнут молиться. Все стремится к развязке, которой никто из нас не может предсказать. Таков этот мир. Я думал, что знаю о нем хоть немного, но с тех пор, как встретился с Посланниками, и до сего момента, когда приехал в лагерь беженцев, я понял, что не знаю вообще ничего. Можно сказать, что я забыл все, что раньше знал — или думал, что знаю. И вот я здесь, за тысячи миль от дома среди десятков тысяч людей, не знающих, что с ними случилось. В этом мы были очень похожи, хотя наши условия жизни были, естественно, существенно лучше, чем у них. Наша общая молитва поможет всем нам, и от этого выиграет весь мир.

Я посмотрел на горы, отделяющие Косово от Македонии, и увидел, как из нависших над ними туч ударила первая молния. Тучи двигались в нашем направлении, и я заметил, что многие беженцы потянулись в палатки. Через несколько минут начался дождь, а длинные очереди людей, стоящих на улице, искали укрытия под огромными белыми навесами. Небеса разверзлись, превратив землю, на которой располагался лагерь, в непролазную грязь и затопив дороги и тропинки. Один итальянский солдат жестом пригласил нас идти за ним в ближайший палаточный госпиталь, в котором мы могли бы укрыться от дождя. Мы с Джиллиан недоумевали, что нам делать. Бдение должно было начаться через несколько минут, а на прекращение дождя не было никакой надежды.

Мы стояли в палаточном госпитале и ждали, ждали, когда перестанет лить дождь. Неужели мы напрасно заехали так далеко? Несмотря ни на что, мы прорвались в Скопье, затем получили допуск в лагерь беженцев. Миллионы людей по всему свету прервут все свои дела, чтобы уделить время молитве, полагая, что я молюсь с беженцами. Да, я был среди них, но я не был с ними. Десятки тысяч беженцев спрятались в палатках, стремясь укрыться от непогоды.

Точно так же поступил и я. И вот стою под навесом в окружении итальянских солдат.

С нами был русский журналист, тоже загнанный в палатку дождем. Он спросил у меня, какое агентство я представляю. Я попытался объяснить ему, кто мы такие и зачем сюда приехали, но в тот момент мои объяснения, наверное, казались бредом сумасшедшего. По крайней мере, такое впечатление возникло даже у меня. Он никак не мог понять, зачем нам понадобилось забираться так далеко, чтобы просто помолиться. «Почему вы не молились дома? — спросил он. — Зачем вам обязательно надо было приезжать сюда?»

Я почти был готов с ним согласиться, когда ко мне подошел итальянский офицер. «Вы говорите, что собираетесь здесь молиться?» Я рассказал ему, зачем мы приехали в Македонию, а также обо всем, что было связано с предыдущими нашими молитвенными бдениями. Он внимательно слушал, проявляя искреннюю заинтересованность. Затем отошел и начал шепотом переговариваться с другим офицером.

— У нас есть предложение, — сказал он, вновь подойдя ко мне. — Почему бы вам не помолиться с нами? Мы можем привести сюда солдат. Таким образом мы присоединимся ко всем тем людям, которые одновременно будут молиться по всему свету. Мы можем расчистить для вас место вот здесь в углу, и вы споете ваши песни. Как вам такое предложение?

Это была блестящая мысль, которая почему-то не пришла мне в голову. Вновь мне был преподан великий урок смирения. Я не знал, что делать. А мне всего лишь надо было отойти в сторону и не мешать событиям разворачиваться своим чередом. Каждый раз, когда я так поступал, случалось чудо. Именно так было и на сей раз в палаточном госпитале.

Через несколько минут под навесом столпилось множество итальянских солдат. Дождь стучал по брезенту, а в качестве драматической прелюдии к намечавшемуся действию выступили оглушительные раскаты грома. Некоторые солдаты в знак уважения сняли фуражки. Другие тихо переговаривались, чтобы не нарушать торжественность момента. Я взглянул на часы — до начала осталась ровно минута. Я чувствовал, что вокруг меня начинает скапливаться

особая энергия, и взглянул на Джиллиан. «Ты готова?» — спросил я. Она кивнула в ответ.

«*Бонджорно*, — обратился я к собравшимся. — *Грацие*. Спасибо, что вы нашли время присоединиться к нам. Примерно через минуту миллионы людей во всех странах мира отложат все свои дела, чтобы поддержать народы Косово и Сербии. Вы все собрались в этом лагере, потому что международное сообщество не может спокойно взирать на происходящую трагедию. Но я надеюсь, что настанет день, когда мы откажемся от противодействия злу насилием. Потому мы и собрались здесь, чтобы вместе вознести наши молитвы, чтобы приблизить этот светлый день. Он наступит, когда мы захотим, чтобы он наступил, когда мы поймем, что только любовь может победить страх».

Я взял гитару и начал исполнять «Молитву святого Франциска». Казалось, что даже солдаты, не понимавшие по-английски, знают слова песни. Несколько лет назад я выучил перевод этой песни на итальянский, но теперь в моей памяти сохранилась лишь одна строчка: «*O Signore, fa da me uno strum-ento della tua race*»^{Город Творцов*}. Я снова и снова пел эту строчку, пока они не подхватили мелодию и не стали петь вместе со мной. Я пел и ощущал, как молитвы миллионов людей буквально изливаются с Небес. Эти люди сердцами были с нами, точно так же, как были с нами и все беженцы, и все сотрудники благотворительных организаций в этом лагере. Конечно, с нами была и Мария. Мне казалось, что я чувствую, как Ее руки обнимают нас, как нас окутывает Ее аура любви и сострадания.

Молитвы изливались с Небес подобно дождю. Нас насквозь пропитала святость происходящего. Затем дождь прекратился, и беженцы стали покидать свои палатки, заполнив грязные дорожки и не менее грязные площади лагеря. Они несли с собой футбольные мячи и вскоре снова начали играть в футбол. Мы с Джиллиан в недоумении озирались вокруг.

Мы выполнили нашу задачу, какой бы она ни была.

Она рядом, Она вокруг нас. Она заботится о нас, Она наша Мать. Настало предначертанное время, наконец на нас должен излиться ее Божественный Свет, излучение «Женственной, Сострадательной

Стороны Бога». Но Она не может сделать это без нашей помощи. Мы — орудие, с помощью которого проявляется этот свет и рождается Новый Мир, в котором будет царить лишь любовь, в котором не будет места страху. Мы слишком долго жили в его тени. Мать идет к нам, Своим детям, раскрыв нам объятия. Она готова вывести нас к Свету. Примем ли мы руку помощи или продолжим скрываться от Ее сияния во тьме, страшась взглянуть в лицо любви?

Оглядываясь на события последних нескольких лет, я поражаюсь тому, какой свет озарил всю мою жизнь, какую благодать я получил. Я принес обет Марии еще ребенком, и что бы я ни делал, как бы ни старался затушить однажды озаривший меня свет, Она не забывала обо мне. Она терпеливо ждала нужного момента, чтобы явиться мне вновь. И как мог я подготовиться к Ее лучезарному откровению? Откуда мог я знать, что Она явится мне так просто и непосредственно, в таком обычном и вместе с тем совершенно Божественном облике? И вот наконец я был готов к этому. В этом и заключалась суть Ее вести и того, что возвещали Посланники. Все мы готовы вступить в Новый Мир, понимаем мы это или нет. Именно это Она пришла возвестить. Путешествуя по свету и исполняя молитвы о мире, я понял, что Она права.

Как просто спасение! Эти слова постоянно отзывались в моем сознании. Пора прекратить усложнять то, в чем нет никаких сложностей. Дверь Вечности всегда открыта, нужно просто взглянуть в глаза того, кто в данный момент находится рядом с нами, чтобы увидеть ее. А когда мы увидим в их глазах божественный свет, мы безо всяких усилий вознесем на Небеса. Это совсем не сложно, надо лишь захотеть. Нужно лишь попросить о помощи, а потом поверить в то, что откроется нам. Нужно просто поверить в новый, исцеленный мир. Этот мир открывается в нас и через нас самих, через наше желание постичь истину. Что есть истина? Она состоит в том, что мы уже исцелены, уже просветлены и уже святы сами по себе. Мария лишь напоминает нам об этом.

Куда же лежит наш путь? Мы стремимся туда, откуда никогда не уходили, в Царство, которого никогда не теряли, точнее, которое было утеряно только в нашем воображении. Изменение нашего сознания отразится на окружающем нас мире. Да и как может быть

иначе? Мир — это всего лишь продолжение наших мыслей о себе, друг о друге и о Боге. Когда мы изменим наши мысли и будем обращать внимание на святость, а не на насилие, на любовь, а не на страх, мир изменится сам собой. Так и будет. Мир наполнится благодатью. Мы живем в поистине чудесное время, возможно, в лучшее из времен.

За несколько недель до того, как сербская армия ушла из Косово и в край вступила армия НАТО, чтобы принудить противоборствующие стороны к прекращению огня, отец Джон отправил письмо архидьякону Радомиру Радичу, советнику патриарха Сербской православной церкви, с которым он встречался во время его поездки в Белград. Несколько месяцев назад Джон без приглашения явился в приемную архидьякона и спросил, нельзя ли устроить совместную молитву об осуществлении духовной победы, обещанной князю Лазарю. Архидьякон попросил секретаря не соединять его ни с кем и преклонил колени с отцом Джоном. Они молились вместе полчаса. Спустя несколько месяцев отец Джон отправил своему другу по факсу письмо, отрывок из которого я привожу ниже.

Дорогой брат во Христе!

Почти год назад я навестил Вас в Белграде. Я помню, что после того, как мы поговорили с Вами о политических и церковных делах, а также о наших общих христианских ценностях и нашей любви к бывшей Югославии, Вы попросили секретаря отменить все встречи, заперли дверь, и мы преклонили колени и молились о душевном исцелении вашего великого народа и о том, чтобы Сербия исполнила свое истинное духовное предназначение.

Я часто думал об этой поездке и о нашей совместной молитве, особенно в связи с событиями последних пяти месяцев и натовскими бомбежками. Сотни тысяч человек в Косово были вынуждены оставить свои дома и уехать из страны. Бомбежки же достигли такого размаха, что в дополнение к огромному ущербу, нанесенному инфраструктуре вашей страны, и множеству убитых невинных людей сам дух Земли подвергся такому осквернению, что готов восстать на нас во гневе. С вашей страной и всем миром случится

нечто поистине ужасное, если бомбежки и война не прекратятся. А они продолжаются.

Мы можем очень скоро достичь такой черты, переступив которую уже не сможем вернуться назад. Я чувствую, что грядет момент Божественного Вмешательства. Но оно явится не в виде Страшного Суда и всемирной катастрофы: это будет вмешательство молитвы, и исходить оно должно из Сербии. Это открылось мне в моих молитвах. Истинное разрешение всех конфликтов может исходить лишь из вашей страны. Поэтому я и обращаюсь к Вам, мой возлюбленный брат во Христе. Я знаю, что Вы верите в того же Бога, что и я, так же, как и я, почитаете святую Матерь Божью, и так же, как и я, служите Христу, исполняя Его волю. Лишь духовное вмешательство способно остановить лавину несчастий, готовых обрушиться на наш мир, и это вмешательство должно исходить от Церкви и верующих Сербии. Да пребудут с вами мои молитвы и молитвы миллионов людей во всем мире, но только вы можете сделать что-то.

Итак, я умоляю вас именем Святой Матери обратиться к патриарху. Пусть он потребует от Милошевича подчиниться авторитету Матери-Церкви, покаяться и обратиться к истинной вере. Напомните ему, что блаженной памяти князь Лазарь, когда ему предоставили сделать выбор между материальной победой (земным царством) и духовной победой (Царствием Небесным), выбрал второе. А чтобы одержать эту победу и даровать ее плоды последующим поколениям, он пожертвовал своей жизнью и жизнью своих воинов. Милошевич же сделал противоположный выбор.

Выбрав материальную победу и земное царство и стремясь пересмотреть исход Косовской битвы, разыгравшейся шестьсот лет назад, пытаясь изгнать из Косово мусульман, поселившихся там после поражения князя Лазаря, Милошевич вступил в прямое противостояние с волей Лазаря, оскорбив его память и подвергнув саму Сербию опасности полного уничтожения.

Только Церковь и ее духовный авторитет могут сохранить целостность вашей страны и призвать ее народ вернуться к вере. На данный момент множеству сербов режим Милошевича надоел до смерти, но у них нет возможности избавиться от него без того,

чтобы их обвинили в поддержке со стороны НАТО. Однако именно Церковь в состоянии изменить судьбу Сербии, если она сумеет правильно распорядиться своим нравственным и духовным авторитетом.

Пожалуйста, простите мне ту смелость, с которой я обращаюсь к Вам и к патриарху, но я лишь исполняю волю Божью. Эти слова и откровения передал мне Бог с тем, чтобы я передал их Вам. Помолитесь, и Вы увидите, что все это исходит от Христа и Богородицы. Когда Вы убедитесь в этом, передайте мое письмо патриарху. Я всецело к Вашим услугам и к услугам Вашей страны, так как знаю, что на кону стоит ее духовная судьба и равновесие слишком легко нарушить, а ведь от этого зависит судьба всего мира. С любовью, благословением и уважением,

*Ваш брат во Христе
Отец Джон,
Община Любимого Ученика*

Джон назвал это письмо своей «пламенной стрелой». Он отправил мне его по факсу, и я отложил его в уверенности, что позже мне придется к нему вернуться.

Через неделю после вывода сербских войск я читал «Нью-Йорк-таймс» и наткнулся на удивительную статью. Патриарх только что официально призвал президента Милошевича к немедленной отставке. Возможно, стрела Джона достигла цели, подумал я. Читая эту статью, а также отрывок из постановления патриарха, я думал о моем друге. Каким образом призывы патриарха послужат делу рождения Нового Мира, Священной Женственности и восстановлению Общины Любимого Ученика?

Затем я подошел к столу и разыскал в ящике письмо, которое Джон послал архидьякону. И вот оно передо мной. Некоторые строки буквально совпадают с выражениями из постановления патриарха.

Может быть, Посланники правы. Может быть, мы действительно готовы!

В заключение

Интересно, как Она использует все это, чем это поможет Ей в выполнении Ее задачи. Я все еще не вполне понимаю, кто «Она».

Конечно, с одной стороны, Она — та Мария, Благословенная Мать, которую я люблю всем сердцем и которая всегда заботилась обо мне, но с другой стороны, не является ли даже это определение недостаточным? Возможно, Она и Мария, и одновременно нечто большее, удивительная сущность, преисполненная светом, прототип, которому мы должны подражать, чтобы вступить в следующее тысячелетие. По ее словам, мы уже вступили в Новую Эру, эпоху милосердия и сострадания, в которой любовь составляет единственную действительность, а страх отошел в страну забвения. Я верю, что Она права, как правы и Посланники. Я верю, что наступило время, которого мы ждали так долго.

Но, что важнее всего, мы должны понять, что Мать — это часть нас самих, что мы сами порождаем тот же свет. Возможно, именно это называется Вторым Пришествием. Мы смотрели вовне и ждали, что кто-то принесет нам с Небес пылающий факел. В действительности его несем мы сами. Эта Новая Эра, великий Сдвиг, о котором мы все слышали, сводится к самопознанию, к воплощению в действительность нашей подлинной сущности. Мы готовы... Мы готовы осознать, кто мы такие на самом деле.

Жаклин, я и отец Джон молились об одном и том же: мы хотели стать орудиями мира. Я не знаю, каким образом живопись и музыка повлияют на людей и каким образом они смогут приблизить к нам Новый Мир, который возвестила Мария, но я счастлив тем, что мне доверена роль в этой грандиозной драме. Я знаю, что Мария рядом со мной и в каждом из нас, ведь Господь тоже ни на мгновение не оставляет нас одних. Может быть, в этом и заключается смысл происходящего — в том, чтобы мы наконец осознали, что мы не одни. Если в этом и состоит мораль моей повести, очень хорошо! Давно я не слышал таких хороших вестей.

Когда я уже писал эту книгу, мне позвонил отец Джон и сказал, что ему и Шринат Деви нужно поговорить со мной. По его словам, это было очень важно. Мне предстоял концерт недалеко от Лос-Анджелеса, но тем не менее я сумел выкроить несколько дней, чтобы пообщаться с друзьями. Мы с Джоном приехали к дому Шринат Деви, к тому священному для меня месту, в котором я впервые узнал о Марии и мне впервые было возвещено ее скорое появление. Я был

очень рад тому, что я снова среди друзей, которым могу рассказать все, что случилось со мной за последние несколько месяцев. С того дня, как я впервые услышал о существовании Посланников, мною был пройден полный круг. Я наконец узнал, кто они такие и куда идет наш мир.

* Итак, ты знаешь, что должно произойти? — спросила Шринат Деви.

* На самом-то деле не знаю, — ответил я. — Но я верю, что пути грядущего откроются нам. Так обещала Мария.

Мы с Шринат Деви говорили о том, каким должен быть следующий шаг, — сказал Джон. — Это примирение Петра и Иоанна, о котором ты говорил... Именно в этом направлении мы должны двигаться. В мире так много людей, получивших в прошлом глубокие травмы... Особенно сильный вред нанесли человечеству догматы и правила множества официальных церквей. Во многих случаях из-за этих травм люди отпадали от церквей, в которых они были воспитаны, и стремились к более свободному выражению своей духовности. Но они так и не смогли исцелиться. Они не могут избавиться от чувства обиды и возмущения и называют себя разными именами вроде «новых католиков». Они похожи на детей, с которыми плохо обращались родители и которые, повзрослев, вместо того, чтобы простить родителей, стараются изгнать всякое воспоминание о детстве, забывая не только о полученной травме, но и о любви как таковой.

* Они не понимают, — продолжила Шринат Деви, — что теперь настала пора вернуться в церковь, которая когда-то причинила им вред. Так много людей получили дары от духа, и эти дары могут помочь тем, кто все еще опутан официальными формами, вступить в более тесное и непосредственное общение с Богом. Именно так прекратится древний раскол между Петром и Иоанном. Мы должны открыть свою душу прошлому и вернуться в него, чтобы поделиться полученными дарами. Если мы будем хранить их, ни с кем не делаясь, то перестанем расти.

* С другой стороны, и у Петра есть дары, которые он может

предложить Иоанну, — сказал Джон. — Мудрость веков хранится в эзотерических традициях любой крупной религии. Проникнув за внешнюю оболочку, мы достигнем самого сердца, и как сердце каждого человека на Земле бьется одинаково, вне зависимости от расы и вероисповедания, точно так же внутренняя мудрость каждой религии питается единой истиной. Когда Петр и Иоанн встретятся, чтобы дать друг другу свои дары и поделиться друг с другом мудростью, которую они копили веками и тысячелетиями, разрушится стена, разделявшая внутреннюю и внешнюю церкви, эзотерическую и экзотерическую традиции. Должно быть, того хочет и Мария, ведь настала пора объединиться, обратить наше внимание прежде всего на то, что объединяет, а не на то, что разделяет нас.

- * И как же нам это сделать? — спросил я.
- * Ты говорил, что Община Любимого Ученика хранила суть Женственной Стороны Бога две тысячи лет, терпеливо ожидая, когда истечет исторический срок мужского начала, — сказала Шринат Деви. — Настало время этой энергии открыться, настало время воцариться религии сострадания и мира, а не силы и власти. Но не нужно ждать, что это произойдет в одночасье, в ходе некоего глобального события. Мать принесла одну и ту же весть множеству людей, и каждый из них установит свою особую связь со светом. Однако то, что произошло с тобой, ни на что не похоже. Между Посланниками, которых ты повстречал, и самим апостолом существует прямая связь. Твоя задача — восстановить этот орден, который тысячу лет скрывался от мира.
- * У вас обоих, у тебя, Джимми, и у отца Джона, одна и та же задача, — продолжала она. — Джон обращен лицом к миру тайного, а Джимми — к миру явного. Вы стоите спиной к спине, один из вас черпает силы в духовной иерархии, а другой отдает эти силы всему человечеству. У вас одна задача, хотя вы по-разному ее исполняете. Жаклин также сыграла свою роль, которую не мог исполнить никто, кроме нее. Она откликнулась

на призыв Матери и воплотила свет на простом холсте. Ее живопись в сочетании с музыкой, вдохновленной Марией, глубоко затронет людские сердца. Человечество готово к этому, и каждому из нас отведена своя роль в этой новой драме.

* Мы думаем, что тебе нужно открыть школу мистерий, основанную на всем, что было тебе открыто Посланниками и Марией, — сказал Джон. — Мы поможем тебе. «Новые Посланники» выйдут именно из этой школы, и древний орден вновь будет открыто действовать в новом мире.

* Но я даже не знаю, как за это приняться, — возразил я.

Да тебе и не нужно знать, — сказала Шринат Деви, взяв меня за руку. — Ты тут вовсе не главный. Все сделает Она. Явятся те, кто готов к Новому Миру, и они войдут в мир и исцелят древний раскол между Петром и Иоанном. Они снова станут братьями. И тогда падет мир двойственности.

— Я вовсе не хочу основывать новое жречество, — сказал я. — Это в свое время привело к таким ошибкам... Нам не нужен посредник в общении с Богом.

* В Общине Любимого Ученика мы все священники и жрецы, — сказал Джон. — По крайней мере, все мы на равных. Римская церковь потому и стремилась уничтожить различные духовные ордены, что в них отсутствует иерархия. Даже в таинствах. В католической церкви, например, только священник может освятить хлеб и вино во время мессы. Его силой, как принято считать, они превращаются в плоть и кровь Христову. У наследников Иоанна был иной взгляд на таинства. Они считали, что все пронизано светом Божественного. На мессе иоаннитов мы используем все, что окажется под рукой, точно так же, как поступил Иисус во время Тайной вечери. Он взял хлеб и вино просто потому, что они лежали перед ним. Так и мы берем то, что лежит перед нами, и используем это для проявления Божественного.

* И это как раз подводит нас к тому, что мы хотели с тобой обсудить, — сказала Шринат Деви. — Пора тебе принять официальное посвящение в Орден. Посвящение — это всего

лишь внешний символ того, чем ты уже являешься, но оно принесет тебе пользу в дальнейшей работе. Джон, будучи священником в обеих церквах — и Петра, и Иоанна, — проведет над тобой обряд. Ты же, в свою очередь, будешь принимать других людей, всех призванных вступить в Общину Любимого Ученика.

* И что же будут делать эти другие? — спросил я.

* Исполнять изначальную задачу Общины, — сказал Джон. — Они будут хранить в сердцах Женственную энергию Бога и распространять эту любовь на весь мир. В них и через них родится Христос, доказывая, что Иисус не умер, но живет в них. Они вновь объединят церкви Петра и Иоанна. И неважно, будут ли они христианами, или иудеями, или кем-то еще. Дело вовсе не в религии, а в любви и стремлении к истинной реальности.

— Тебе был вручен удивительный дар, — сказала Шри-нат Деви. — Пора поделиться им. Итак, вопрос в следующем: хочешь ли ты принять обет и вступить в Орден?

Через неделю в одной лос-анжелесской церкви перед отцом Джоном, Шринат Деви и еще одним другом я сказал «да» и был официально принят в Орден. Эта церемония повлекла за собой череду поразительных событий, смысл которых я еще не в состоянии осознать. Думаю, этот смысл еще откроется мне, и, конечно, я расскажу вам о нем.

Наконец, на Пасху 1999 года, во время семинара, который я проводил в Гластонбери (Англии), около пятидесяти человек пришли со мной к развалинам Аббатства. И там, на могиле короля Артура, я провел свою первую мессу в качестве члена Общины. Мы ощущали присутствие духов умерших рыцарей, вновь заглянувших в плотский мир, чтобы порадоваться происходящему. В каком-то смысле они тоже были членами Общины Любимого Ученика. Они также хранили и исполняли таинства, которые лишь теперь, после долгого периода забвения, открывались миру.

Я не могу называть себя священником, не признавая священников во всех остальных людях. Ведь все мы суть мосты, окна и Двери Вечности, соединяющие Землю с Небом. Время

обособленности прошло, все мы, кто раньше, кто позже, осознаем, что мы все едины и одинаково святы.

Что же касается Общины Любимого Ученика, то Шринат Деви была права. Это зависит не от меня, а от Нее. Это Ее задача, и все мы Ее орудия. Мы должны отступить и дать событиям идти своим чередом. Новые ответы на старые вопросы должны прийти в этот мир. И нам всего лишь надо принять их. Я верю, что Община Любимого Ученика разрастется, Каи две тысячи лет назад, и что все таинства, которые она бережно хранила, наконец воплотятся в жизнь. Я сделаю все, что в моих силах, все необходимое, чтобы способствовать исцелению нашего мира, и не буду делать из этого тайны. Все, что я буду делать, я буду делать ради Нового Мира, возвещенной Марией. Настало время, которого мы так долго ждали.

Жаклин была тронута их откровенностью. Они с готовностью разговаривали с иностранкой, которую раньше никогда не видели и которая вряд ли сможет понять их горе, и это помогло ей по-новому взглянуть на предложенный заказ.

Выслушав женщин, Жаклин начала говорить, стараясь выговаривать медленно, чтобы переводчик успевал переводить. «Я не так уж сильно отличаюсь от вас, — сказала она. — Ваша война происходит на глазах у всех, она очевидна, ее ужасы открыты каждому. Я приехала из страны, где идет тайная война, скрытая от чужих глаз. Многие женщины в Мексике пережили такое же горе, как и вы. Мой муж был убит, когда он садился в машину, убит в своем собственном гараже. Мы так и не знаем, кто убил его, а я смогла простить убийцу лишь через много-много лет. Поэтому для меня так важна встреча с вами. Я вижу, что мы похожи. Ваша боль — это и моя боль, и сегодня я здесь, чтобы помочь всеми доступными мне способами».

Выйдя из комнаты, отец Йозо взял Жаклин за руку. «Спасибо вам за то, что вы сказали. Я верю в то, что именно вы достойны такой работы, вы сможете написать Деву Марию. Именно вы способны понять всю силу ее сострадания. Ведь именно это вы будете

рисовать: не женщину, а ее сущность. Люди могут не видеть ее глазами, но всегда чувствуют ее сердцем. Для меня большая честь встретить человека, принявшего на себя такую высокую обязанность».

«Разве я уже приняла ее?» — подумала Жаклин. Отец Иозо говорил с такой уверенностью, его убежденность была заразительна. Жаклин впервые подумала, что ведь она и в самом деле не прочь принять заказ. Она начала верить, что ее попросили об этом не просто так: должна быть какая-то серьезная причина, пусть пока ей и непонятная, по которой выбор пал именно на нее. Прежняя осторожность исчезла, уступив место уверенности в собственных силах.

Следующим утром все паломники собрались в церкви святого Якова в центре Междугорья. Жаклин сидела во втором ряду с несколькими своими новыми друзьями, наблюдая за разношерстной толпой. Ее тронула искренняя набожность этих людей. Здесь собрались паломники со всего мира, желающие причаститься тайны, окружавшей и освящавшей это место.

Но чего они хотели и ради чего они на самом деле собрались здесь? Хотели ли они получить откровение или просто ощутить необычайную энергию, действовавшую в Междугорье? Жаклин чувствовала, как ее переполняет любовь к каждому встречному. Она начала ощущать истинную энергетику этого священного места, которая заключалась не столько в незримом присутствии Девы Марии, наполняющем собой атмосферу, подобно запаху цветов, сколько в любви и сострадании, исходящем из сердец окружающих людей. Это было чудесно, а испытываемое паломниками преобразование происходило из них самих.

Во время мессы Жаклин, уйдя в свои мысли, рассеянно смотрела по сторонам. Вдруг что-то привлекло ее внимание. Она посмотрела чуть выше и левее алтаря, прямо на луч света, проникавший в здание через грязное оконное стекло. То, что она увидела в солнечном свете, не поддается никакому объяснению, но Жаклин тут же поняла все значение этого видения. Она увидела прекрасную женщину, плывущую в солнечных лучах и взирающую на толпу с неопишуемой любовью и милосердием. Должно быть, Жаклин сильно изменилась в

лице, так как другие прихожане обратили свои взоры в том же направлении и увидели то же самое.

— Это Она, — прошептали рядом в благоговейном ужасе. — Дева Мария.

Другой человек сказал, что это оптический обман, искажение солнечных лучей, но Жаклин поняла, что это знак, небесное знамение, вселившее в ее душу спокойствие и уверенность.

Ее беспокоил теперь лишь вопрос, в силах ли она передать всю красоту этого видения. Казалось, краски неспособны на это, но она подумала, что по крайней мере стоит попытаться. Если воля Богоматери состоит в том, чтобы она нарисовала эту картину, то, наверное, Она поможет ей и направит ее кисть. В противном случае Жаклин напишет обычный портрет, очередную простую картину на простом холсте.

Жаклин вернулась во Флориду и немедленно принялась за работу. С удивлением она почувствовала, что к ней вернулись прежние сомнения, прежняя тревога, которая, как она думала, исчезла после поездки в Междугорье. Она полностью погрузилась в работу, но ее не оставляло ощущение, что чего-то не хватает, что она делает что-то не так, словно часть ее, пусть самая укромная и незаметная, до сих пор не поверила в знамение, в неисповедимые пути, приведшие ее к выполнению этой задачи.

Четыре дня спустя она стояла перед чистым холстом в ожидании вдохновения. Блокнот для набросков, который она всегда носила с собой, пестрел разными идеями, лицами и фигурами, которые, казалось, только и ждали, чтобы их перенесли на холст. Но какие-то необъяснимые узы как будто удерживали ее кисть. Жаклин никак не могла ухватить будущую картину во всей полноте. И все-таки перед ее глазами все чаще мелькало одно видение. Она видела Марию, парящую в облаках высоко над Землей. Внутренним зрением Жаклин видела и лицо Марии, но не знала, получится ли изобразить его красками и кистью.

Весь день Жаклин боролась с сомнениями, еще больше затруднявшими работу. Тогда она открыла Библию на Книге Иова и прочла отрывок, который убедил ее в том, что у этих испытаний есть определенная причина. Она поняла, что чем сильнее боль и

творческие муки, тем больше шанс воплотить свое видение. Она решила преодолеть все трудности и села рисовать Деву Марию. Она будет продолжать свою работу во что бы то ни стало, но ей нужна помощь. «Откуда может прийти эта помощь?» — думала она.

Была уже почти половина одиннадцатого вечера, и Жакта устала. Она весь день провозилась с наброском и чувствовала что не может продолжать. Но прежде чем отложить работу, она перенесла блокнот к небольшому алтарю, который когда-то установила в своей студии. На алтаре горела большая яркая свеча в стеклянной колбе, и Жаклин положила блокнот рядом с ней. Она просила дать ей еще один знак, который вселил бы в нее спокойствие и уверенность в том, что она на правильном пути. Она нуждалась в подтверждении, что именно этот набросок и есть то, чего от нее ждут. Жаклин полностью положила на волю Божью. Она была равно готова как отказаться от раб ты, так и продолжить ее. Но ей нужен был знак.

Ровно в полночь, спустя полтора часа, Жаклин проснулась от воя пожарной сигнализации. Она наспех оделась и выбежала в гостиную. Жаклин не заметила ни дыма, ни огня. Сработал детектор дыма, находившийся рядом с дверью ее спальни. Отключить его никак не удавалось, и она вызвала электротехника. Он тоже не смог ничего сделать, только разобрал сигнализацию и унес в свою мастерскую, пообещав починить : следующий день.

Возвращаясь в спальню, Жаклин прошла мимо алтаря, на котором горела свеча и лежал блокнот. Что-то заставило ее остановиться. Свеча горела уже три дня без малейшей копоти. И теперь в пламени, казалось, пылал какой-то посторонний предмет. На самом деле это наплывы парафина образовали на стенках стеклянной колбы причудливую фигуру. То, что она увидела в следующее мгновение, явилось последней каплей, убедившей ее в том, что она поступила правильно, взявшись за этот заказ. Наплывы образовали в точности ту же фигуру, которую она набросала в блокноте. Жаклин открыла блокнот, чтобы увериться в сходстве образов. Да это было и не сходство, а полная идентичность! Вновь взглянув на парафиновую фигуру, она обратила внимание на то, что свет свечи пронизывал ее насквозь, создавая впечатление, будто она живая, движется. Слезы потекли по щекам Жаклин. Ее молитвы были услышаны!

Она схватила блокнот и побежала в студию. Той ночью Жаклин провела за холстом несколько часов, стремясь всецело использовать божественную энергию, окружавшую ее. К утру картина стала приобретать плоть и кровь. Всякие сомнения, обуревавшие ее прежде, исчезли.

Через несколько дней Жаклин пригласила домой подругу, чтобы показать ей свечу и образ Марии. Подруга пришла в восторг, увидев такое чудо, и ушла от Жаклин лишь спустя несколько часов. Выходя из лифта на первом этаже, она чуть не налетела на пожилого мужчину, который проходил мимо. Схватив его за рукав и благодаря этому удержавшись на ногах, она извинилась за свою невнимательность. Мужчина посмотрел ей прямо в глаза и сразу же заметил что-то необычное в выражении ее лица.

* Ваши глаза лучатся прекрасным светом, — сказал он. — Должно быть, вы только что видели нечто удивительное.

* Да, можно сказать, я увидела чудо, — ответила она.

* Вы кого-то здесь навещали?

* Да, моя подруга — художница, и...

* Похоже, я должен познакомиться с вашей подругой, — убежденно заявил мужчина. — Не знаю почему, но мне кажется, это важно. Я раввин и обещаю, что не доставлю ей никаких неприятностей.

* Моя подруга тоже еврейка, но, к сожалению, я не могу вам назвать ее имя, это было бы вмешательством в личную жизнь.

Раввин продолжал настаивать, но женщина отказалась от дальнейших разговоров и ушла. Убежденный в безошибочности своей интуиции, раввин начал опрашивать жильцов и наконец узнал имя Жаклин, единственной художницы, проживавшей в этом доме. Он оставил записку для Жаклин у консьержа, и на следующий день она ему позвонила.

— Я рада, что вы нашли меня, — сказала Жаклин по теле фону, а затем рассказала о чуде со свечой. — На наплывах пара фина появились странные знаки, напоминающие еврейские буквы. К сожалению, я не читаю на иврите, поэтому, может, вы подскажете мне, что они значат.

Вечером того же дня раввин пришел к ней домой. Жаклин открыла дверь и увидела пожилого человека небольшого роста в черном пальто и *кипе*, с пронизывающим взглядом узких глаз. Она пригласила его в гостиную, где уже собралось несколько ее друзей. Они немного поболтали, а затем Жаклин внесла свечу. Раввин несколько минут внимательно разглядывал колбу, поднеся ее к свету, чтобы определить, не подделка ли это. Удовлетворив свое любопытство, он поставил свечу на стол и посмотрел на Жаклин.

— Я должен вам сказать две вещи. Во-первых, это не просто еврейские буквы, а целые слова.

— Что за слова, равви? — спросила она, чуть не вздрогнув. — Они переводятся так: «Бог существует и творит чудеса». Жаклин замерла от изумления. Она и представить себе не могла, что ее история окажется еще чудеснее! И если бы это чудо случилось с кем-то другим, вряд ли Жаклин поверила бы в него. Задержав дыхание, она спросила:

* А что еще вы хотели мне сказать?

* Должно быть, это чудо сотворил Бог, но вы должны отвернуться от этих людей. — В его голосе внезапно зазвучали суровые холодные нотки, заставившие Жаклин содрогнуться.

На его лице появилось странное, не поддающееся описанию выражение, так что она непроизвольно отдернула руку, когда он наклонился, чтобы коснуться ее своей рукой.

* Дитя мое, вы попали в ловушку... Они обманули вас, — сказал он немного дрожащим голосом. — Вы иудейка, а не христианка. Эти слова — Божье знамение, призывающее вас прислушаться к своей крови. Иначе почему они написаны на иврите?

* У художника нет религии, — ответила она. — И тем не менее все, что случилось со мной, идет от Бога. Может быть, все дело в том, что сама Мария была еврейкой.

* Пожалуйста, послушайте мои слова, — сказал он мягким и вместе с тем озабоченным тоном. — Я понимаю, что это чудо кажется поистине удивительным, и я согласен, что здесь есть над чем задуматься. Но женщина, которую вы нарисовали, —

христианка, а не иудейка. Вы не можете посвятить ей свой дар и даже приписать ей это чудо, продолжая считать себя еврейкой.

В его глазах Жаклин вновь заметила то, что уже видела раньше. В них горел тот же страх, который мерцал в глазах отца Томаса. И тот, и другой боялись ошибиться. В глазах отца Томаса выбор еврейки для написания картины, изображающей Деву Марию, угрожал его представлениям о католицизме как единственно правильной религии. Для раввина же происходящее означало, что подлинные чудеса на самом деле могут происходить вне всякой связи с иудаизмом. Раввин и отец Томас очень похожи друг на друга, поняла Жаклин. А поскольку все, что мы делаем, в сущности является либо актом любви, либо призывом к любви, она решила не обращать внимания на слова раввина и дать ему то, в чем он на самом деле нуждался.

— Мне очень жаль, что вы смотрите на это с такой точки зрения, — ответила она. — Но я могу определить, что исходит от Бога, а что нет, лишь по одному критерию. И этот критерий — любовь. Все, что происходило со мной с того момента, как я приняла заказ, выражало любовь. А теперь, когда случилось это чудо, я не могу расценивать его иначе, как еще один призыв к любви. — Сказав это, Жаклин вновь вспомнила слова, начертанные на стекле: «Бог существует и творит чудеса».

* Тогда зачем я вам понадобился? — спросил раввин.

* Вы были посланы, чтобы разъяснить мне значение букв, — ответила Жаклин. — Благодаря этому я знаю, что сделала правильный выбор, приняв заказ. Поймите меня правильно, я вовсе не хочу оспаривать вашу веру. Однако я считаю, что всем нам этим чудом явлена удивительная возможность отбросить все, чем мы отличаемся друг от друга, и сосредоточиться на том, что нас объединяет.

* Меня впечатляет ваша убежденность, — сказал раввин, — и я буду молиться за вас. Возможно, я уже слишком стар для таких вещей... Возможно, вы правы. Я не могу отрицать, что случилось чудо, и попытаюсь не судить.

Очень скоро раввин извинился и ушел. Жаклин села на диван и вновь посмотрела на свечу. Она почувствовала удивительную волну тепла, прошедшую по ее телу, словно свеча еще горела. Жаклин поняла, что это *в ней самой горит духовный свет*. Официальные религии в лице своих представителей постарались отстраниться от ее работы, но она знала, что это ничего не изменит. Слишком сильная энергия проявилась в последних событиях, слишком очевидны и важны случившиеся в последнее время чудеса. В конечном счете, все случившееся прекрасно укладывалось в ее представления о Деве Марии. «Она пришла, чтобы принести в мир сострадание и всепрощение, — размышляла Жаклин, — а вовсе не осуждение. Она стремится объединить людей, а не разделить их. Может быть, это и вызвало такую странную поляризацию с первых же моих шагов».

Город Творцов

Джеймс Твайман

ТАЙНА ЛЮБИМОГО УЧЕНИКА ВЕСТЬ ПОСЛАННИКОВ СВЕТА

Апостол Петр основал Церковь.

Апостол Иоанн — тайную общину.

*Какую роль играют эти две ветви
одной религии в нынешний переломный
период истории человечества?*

Какую роль можете сыграть Вы?

Джеймс Ф. Твайман известен прежде всего как «трубадур мира», исполняющий свои «концерты во имя мира» в местах, страдающих от войн и насилия. Он выступал в Северной Ирландии, Ираке, Боснии,

Сербии, Косово. Кроме того, его приглашали выступать в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Его служение началось в 1994 году, когда Джеймс положил на музыку молитвы о мире из двенадцати различных религий. С 1995 года Джеймс участвует в организации всемирных молитвенных бдений. Миллионы людей в десятках стран одновременно молятся о мире во всем мире, и часто это помогает разрядить политическую обстановку, готовую взорваться войной. Католик по воспитанию и убеждениям, Джеймс Твайман является также активистом движения Новой Эры и набирает известность как писатель. Его интересуют «новые дети» и Священная Женственность, он дружит с Друнвало Мельхиседеком, Нилом Уолшем, доктором Масару Эмото, Греггом Брейденом и Дорин Верче. Нашим читателям он уже знаком по книге «Если ваш ребенок не такой, как все».

Многое в «Тайне любимого ученика» покажется вам невероятным, если вы будете читать только умом. Читайте сердцем — и эта книга будет разговаривать непосредственно с вашей душой. И тогда вы начнете понимать некоторые извечные тайны нашей общей истории и вашей личной судьбы на этой планете.

«Община Любимого Ученика хранила суть Женственной Стороны Бога две тысячи лет, терпеливо ожидая, когда истечет исторический срок мужского начала. Настало время этой энергии открыться, настало время воцариться религии сострадания и мира, а не силы и власти. Но не нужно ждать, что это произойдет в одночасье, в ходе некоего глобального события. Мать принесла одну и ту же весть множеству людей, и каждый из них установит свою особую связь со Светом».

Джеймс Твайман

[Город Творцов](#)

Заметки

[Город Творцов]

* * См.: Друнвало Мельхиседек и др. Священная женственность. Дайджест журнала «Дух Маат». Выпуск 2. — *Здесь и далее прим. ред.*

[Город Творцов]

* Иона, или Айона, — небольшой островок к западу от острова Малл (Внутренние Гебриды).

[Город Творцов]

^{**} Лей-линии (англ. *ley-lines*) — проекции тонкоэнергетических каналов Земли на ее поверхность. Термин введен в 1920-е годы Альфредом Уоткинсом, считавшим, что некоторые древние сооружения (мegalиты, курганы, церкви) были созданы для того, чтобы соединять этими энергетическими линиями определенные участки Англии.

[Город Творцов

[Город Творцов]

* Иоан 13:34.

[Город Творцов]

** Иоан 21:15-17.

[Город Творцов]

*** Иоан 19:27.

[Город Творцов]

**** Иоан 13:23, 19:26,21:20.

[Город Творцов]

Иоан 19:26-27.

[Город Творцов]

***** См. Иоан 21-23.

[Город Творцов]

* Queen of Peace.

[Город Творцов]

* *The Messengers: A True Story of Angelic Presence and the Return to the Age of Miracles*, by Julia Ingram and G.W, Hardin.

[Город Творцов]

* См. репродукцию в начале книги.

[Город Творцов]

* Текст послания несколько изменен. — *Прим. автора.*

[Город Творцов]

** О Господи, сделай меня орудием мира Твоего.*